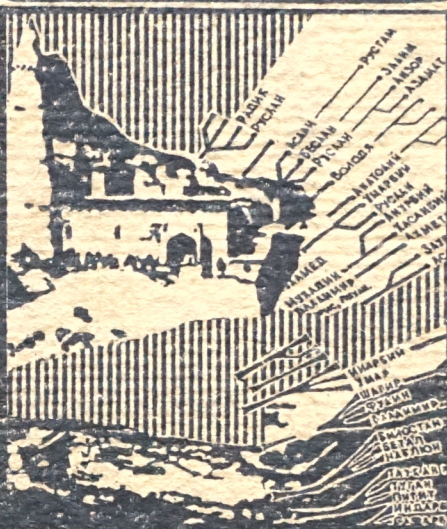

ЭЛЬБРУС

109 2000 № 7

• С • П • Е • Ц • В • Ы • П • У • С • К •

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО КОЛЛОКВИУМА

Участникам

II Международного генеалогического colloквиума

От имени Российской генеалогической федерации и Международной генеалогической академии сердечно приветствую участников II Международного генеалогического colloквиума в Нальчике, посвященного генеалогическим связям народов Кавказа и России.

Нам очень приятно, что этот colloквиум, впервые организованный под патронатом созданной в 1999 г. Российской генеалогической федерации, проходит именно в Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, где вот уже несколько лет активно и успешно действует первая на Северном Кавказе генеалогическая ассоциация – Кабардино-Балкарское историко-родословное общество.

Кавказ – воистину уникальный регион, где на протяжении тысячелетий взаимодействуют многие культуры, религии, переплетается история многих народов. Вот уже много веков история народов Кавказа тесно связана с историей России. Увы, далеко не всегда отношения наших стран и народов были гладкими и безоблачными. Но, обращаясь к истории, мы должны найти в ней не повод для взаимных обид, а те добрые традиции, сохранение которых позволит успешно решать нелегкие проблемы сегодняшнего дня. На протяжении трех последних веков русские, грузины, армяне, азербайджанцы, сыны северокавказских народов строили общее государство, плечом к плечу защищали его от общих врагов.

Хочется напомнить слова Великой княгини Леониды Георгиевны, вдовы Главы Российского Императорского Дома Великого князя Владимира Кирилловича, урожденной грузинской царевны: «Величественное здание Государства Российского созидалось не только русским, но и многими другими народами». И разумеется, почетное место среди них занимали и занимают народы Кавказа.

И во времена Древней Руси, и при Петре Великом, и в XX столетии видную роль в России играли и продолжают играть представители кавказских народов: потомки касожского князя Редеди и князя Черкасские, грузинские царевичи, князья и дворяне, потомки азербайджанских ханов и беков, представители армянской знати. Имена представителей всех народов Кавказа с честью звучали на полях сражений, на государственной службе, в Сенате, при императорском дворе. Верность и храбрость кавказских воинов вызывали восхищение современников; не случайно именно им была

доверена самая почетная и ответственная служба – в Собственном Его Величества конвое, личной охране русских государей. Одновременно потомки кавказских родов занимают почетное место и в русской культуре – литературе, живописи, скульптуре, театре, музыке, кино. Часто представители этих народов, навсегда связав свою судьбу с Россией, сохраняли свои национальные традиции, свою культуру. Кстати, и сейчас в Москве активно действуют многие национально-культурные организации. Одновременно и Кавказ стал родным и близким для многих русских. Это многоцветье культур, взаимно обогащающих друг друга, традиционно для России.

В наши дни изучение своей генеалогии, когда-то считавшейся привилегией высших классов, доступно любой семье. Сохранение и укрепление семейных традиций и связей очень важны для возрождения исторической памяти, воспитания не только патриотизма, но и подлинного, глубинного интернационализма, уважения к другим народам, культурам, религиям. Поэтому так актуальна проблема, рассматриваемая на этом Международном форуме, напоминая о том, что нас сближает и объединяет.

Желаю участникам II Международного генеалогического коллоквиума в Нальчике успешной, плодотворной работы.

Президент Российской генеалогической федерации,
генеральный секретарь Международной генеалогической академии
С. В. Думин

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Широкий смысл понятия «генеалогия» дает основание считать эту область знаний одной из самых древних на земле. Известно, что созданию человеческого общества сопутствовали живописные рассказы и истории, со временем превращающиеся в этнографические легенды и предания. В разных регионах и странах мира сложились свои генеалогические традиции, связанные с особенностями цивилизованного развития, способом производства и этнической спецификой. Так, в Западной Европе в генеалогии прямое проявление нашло деление обществ на сословия, христианство с монастырями, рыцарство с присущим ему образом жизни, бюргерство, отличавшееся накоплением капитала.

История же народов Северного Кавказа складывалась таким образом, что они вынуждены были долгие века сохранять военно-феодальные отношения и родственные связи, ориентировавшие их на сельскохозяйственное хозяйство и промыслы, утонченные этикетные и обычно-правовые нормы, героический эпос и другие формы духовной культуры. В обществах, где традиционные общественные институты занимали главенствующее положение, каждый человек помнил не менее 10–15 поколений своих предков, знал историю образования фамильного имени, четко представлял себе систему родства по мужской и женской линиям.

В России генеалогические традиции были прерваны репрессиями 20–30 гг. XX века, и лишь выдающиеся русские ученые-энтузиасты А. А. Введенский, А. И. Гуковский, Н. П. Лихачев, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин пытались удержать эстафету этой, к сожалению, неугодной новой власти науки.

В 60–70-е гг. ученики выдающегося этнографа Марка Осиповича Косвена, работавшего в Институте этнографии АН СССР, Б. А. Калоев, В. К. Гарданов, А. И. Робакидзе, С. Ш. Гаджиева, А. И. Мусукаев доказали глобальность и особую значимость генеалогической науки, показали, что только через ее материалы были исследованы многие узловые проблемы истории, начиная от общественного строя и быта многих народов Сибири, Средней Азии, Кавказа и кончая межнациональными отношениями и взаимовлиянием культур.

Особая роль не только в сохранении традиций российской дореволюционной генеалогической школы, но и в возвращении подобающего ей статуса, разработке ее методики, методологии и истории

ческих основ принадлежит членам Историко-Родословных обществ Москвы и Санкт-Петербурга С. В. Думину, А. И. Аксенову, И. В. Сахарову, Н. Д. Можарову, В. А. Лопухину, И. С. Сметанникову, М. И. Смирнову, Е. В. Пчелову, О. Н. Наумову и другим; некоторые из них являются участниками II Международного коллоквиума.

То, что он проходит в КБР, свидетельство успехов и заслуг наших генеалогов. Мы знаем, что в последние годы получили признание работы А. И. Мусукаева, Х. М. Думанова, А. А. Максидова, Б. К. Мальбахова, Ч. Э. Карданова, К. Ф. Дзамихова. Огромную работу на этом благородном поприще проводит главный редактор журнала «Эльбрус» и издательства «Полиграфсервис и Т» В. Н. Котляров. Здесь же мы должны вспомнить имя и недавно ушедшего из жизни редактора журнала «Живая старина» Р. У. Туганова.

Мы живем в сложное и противоречивое время, когда в течение нескольких лет произошло коренное изменение социально-экономической ориентации общества, когда на ходу определяется концепция развития страны, выходит за рамки дозволенного массовая культура, когда всем нам приходится задумываться над судьбой молодежи и перспективами будущего нации. И нам видится, что генеалогия одна из тех наук, которая призвана воспитывать гражданственность и самосознание подрастающего поколения и населения нашей страны в целом.

Человек силен лишь тогда, если он прочно стоит на земле предков, не игнорирует преемственности поколений и живет мудростью народной. Безусловно, что положительные деяния людей на земле не случайны. Не случайно и совпадение основного классического изображения генеалогического древа в виде дерева, ствола и веток. Все, что содействовало и способствовало жизни, то одобрялось и почиталось. И поэтому мы считаем, что развитие науки о семье, человеке и обществе, деятельность историко-родословных обществ, выпуск генеалогических изданий, проведение научных форумов, подобных сегодняшнему, помогут возрождению духовных начал нашего общества, сохранению мира, согласия и дружбы нашего многонационального государства, а в итоге будут способствовать развитию и процветанию Отечества.

Хаути Сохроков,
заместитель Председателя Правительства КБР

ПРОЗРЕНИЕ ЧЕРЕЗ РОДОВОЕ ЗНАНИЕ

У журнала «Эльбрус» – непростая судьба. Созданный в 1988 году как литературно-художественный, общественно-политический, он три года являлся органом Союза писателей КБАССР и финансировался из республиканского бюджета. Далее его учредителем выступил трудовой коллектив редакции – в 1991 году «Эльбрус», ставший независимым, выпускался десятитысячными тиражами на средства спонсоров. Впоследствии журнал изменил свой статус и выходил как альманах – так, номер 1994 года был полностью отдан молодым литераторам республики. Новый поворот в истории «Эльбруса» произошел в 1999 году – после длительного перерыва, вызванного прежде всего финансовыми проблемами, он опять возвратился к читателю, и вновь с изменившимся лицом. Каким?..

...Все проходит: и хорошее, и плохое. Остается вечное. Время перемен сменяется на более спокойное и осмысленное. Душа человеческая стремится к познанию и гармонии. Затаенная боль выплескивается криком, претендующим на право быть услышанным. Свобода, принесенная горбачевской перестройкой, создала условия для национального самосознания и самовыражения. Эмоциональный митинговый вихрь улегся, и заостренные проблемным видением умы принялись осваивать пласты прошлого.

Потому неудивительно, что десятый по счету со дня выхода номер «Эльбруса» был целиком посвящен одной из интереснейших сторон человековедения – истории фамилий и прозрению через родовое знание не только своих корней, но и истории народов как таковых. Возможно, рядоположенность событий во времени облегчает запоминание фактической стороны истории. Зато пристальное внимание к человеку в истории помогает постичь дух времени и его ауру. Возможно также, что наш современник, проследивший судьбу родичей, ощутит в себе силы, чтобы последовать их примеру и посвятить себя не суетному, но вечному.

Генеалогическое направление было одним из ведущих в деятельности издательского центра «Эль-Фа», который редактор журнала «Эльбрус» возглавлял в течение семи лет, начиная со дня его основания в 1992 году. За это время был выпущен целый ряд книг: от простых справочников рода до полновесных фамильных энциклопедий.

лопедий. В частности, в 1993 году была издана исследовательская работа Ч. Э. Карданова «Групповой портрет в Аушигере. Годы и судьбы». В 1994 году вышла книга «Мы из рода Аталиковых», составленная Ч. И. Аталиковым. Вошедшие в нее архивные материалы, исторические рассказы о наиболее достойных представителях рода, очерки об Аталиковых, отважно сражавшихся за свободу Родины, проявивших себя с лучшей стороны в наше время, приведенный в приложении поименный список рода позволяют рассматривать данное издание как энциклопедическое. В 1996 году увидел свет «Справочник рода Безроковых», вобравший в себя адреса представителей рода, проживающих в республике, место их работы, составы семей, краткие данные о родителях, родственниках.

Весомый опыт по созданию генеалогических изданий накопил А. А. Максидов, выпустивший в «Эль-Фа» под редакцией автора этих строк целый ряд книг, среди которых «Махъсидэхэ я тхыдэ» – «История рода Максидовых» (1996), «Хапшей. Пшичо. Азапшей. Фамильная энциклопедия» (1997), «Калибатовы» (1998), «Ажаховы» (1999). Сдано в производство историко-генеалогическое исследование рода Шукаевых, которое должно выйти в издательстве «Полиграфсервис и Т» в этом году.

Среди книг данной тематики «Мурзэкъан-Самурзакан» (1998), содержащая подробный посемейный списочный состав Мурзакановых; «История селения Кахун» С. Н. Жемухова и А. И. Мусукаева, которая излагает не только политическую, хозяйственную, культурную и религиозную историю селения со времени первых поселений людей в окрестностях Кахуна до нашего времени, но и приводит многочисленные родословные таблицы; приуроченное к 80-летию со дня рождения выдающегося адыгского фольклориста, писателя и исполнителя народных песен историко-документальное издание «КъардэнгъушI Зырамышу», составленное В. Н. Сокуровым при спонсорской поддержке журнала «Эльбрус»... Одним словом, выпуску генеалогического «Эльбруса» предшествовала большая подготовительная работа. И вот сам журнал.

Вступительная статья Александра Мусукаева «История, воспевающая память» рассматривает работу над восстановлением истории фамилий как комплексный, крайне сложный научно-методический процесс, связанный со знанием архивоведения, отечественной и всеобщей истории, лингвистики, палеографии, умением аналитически увязать воедино все прямые и косвенные источники.

В разделе «Архив» содержатся не публиковавшиеся ранее документальные свидетельства: «О предоставлении дворянства кабардинским узденям и владельцам (бабуковцы)» – переписка между жителями аула Бабуково и чиновниками царского правительства. «Вольноотпущенные, временнообязанные...» – списки жителей абазинских аулов Хагундоково, Абуково, Джантемирово, дворов армян Тамбиевых, пожелавших после 1867 года переселиться в Кабарду. «Перепись... всех... в Кабарде находящихся» – документ, являющийся частью переписи населения Кабарды в 1825 году; по представленным посемейным спискам можно проследить родословную последних князей Кабарды.

«Кавказ и Кабарда в лицах» – указатель должностных лиц и хронологических рамок их деятельности: главнокомандующие и наместники на Кавказе, командующие войсками на Кавказской линии, приставы Кабарды, начальники Центра Кавказской линии, округов и Терской области, главные духовные лица в Кабарде.

Основной раздел журнала – «Статьи. Рефераты. Сообщения». «Непредсказуема судьба фамилий», – утверждает доктор исторических наук Александр Мусукаев, доказывая, что родословия, в основе которых лежит живая полевая этнографическая информация, могут раскрыть специалисту глаза на многие аспекты человеческой истории. При этом глубоко рассматриваются этнические миграционные процессы в генеалогии.

Борис Черкасский повествует «О роде князей Черкасских» – от шестого колена в XVI веке и до девятнадцатого в конце XX столетия. Представители этой фамилии и в основе научного исследования Валерия Сокурова «Институт выезда на службу у черкесов».

Попыткой освещения роли этнокультурных связей карачаевцев и балкарцев с адыго-абхазами в генезисе отдельных фамилий данных народов является статья Муслима Баразбиева «Карачаево-балкарские фамилии адыго-абхазского происхождения».

К роду Созая обращается со стихотворным приветствием поэт Ахмат Созаев.

«Об общности происхождения семи родов Ушаковых» размышляет В. И. Алявдин.

Раздел «Взгляд из прошлого» составили статьи Александра Мусукаева и Каральби Мальбахова «Письма с Кавказа и Крыма» и исследователя из Майкопа Самира Хотко «Генуэзцы в Черкесии

(1266–1475)». В первой из них анализируется вышедшая в 1857 году в Париже книга швейцарского публициста XIX века Жия, а во второй освещаются вопросы миролюбивого присутствия генуэзских торговцев на территории Черкесии, обусловленного огромным взаимным интересом.

Раздел «Историки спорят, размышляют» включает в себя статьи:

– Исламбека Марзоева «Кабарда–Осетия: родственная солидарность» – в борьбе за лидерство на Северном Кавказе кабардинские князья привлекли на свою сторону осетинских феодалов, установив с ними сюзеренно-вассальные отношения, что имело для социальных верхов Кабарды и Осетии большое значение в укреплении их классовых позиций.

– Галима Мамбетова «Осуждены... из-за фамилии» – повествует о промахах и ошибках советской власти, ставших основными причинами крестьянских выступлений во 2-й половине 20-х годов XX века в Кабардино-Балкарии.

– Хасана Яхтанигова «Достойные судьбы – высокая память» – поднимает вопросы восстановления памятников адыгского духовного наследия.

– «Словарь адыгских музыкально-хореографических терминов», составленный исследователями из Майкопа Нухом Гишевым и Аллой Соколовой, включает в себя 145 терминов и понятий и является на сегодняшний день наиболее полным и проработанным.

В разделе «Вокруг родословной» помещена была «Песня Худаберда Азапша» известного адыгского фольклориста Зарамука Кардангушева и полемические заметки Леонида Хорошавина «Мы все друг другу братья под вишнями в цвету...» о том, что идея человеческого братства обязательно должна стать реальностью.

Содержание журнала, резюме всех публикуемых статей переведены на английский язык.

«Эльбрус» был тепло встречен читателями. Об этом говорят как многочисленные рецензии в российской и республиканской печати, так и проведенные презентации, состоявшиеся в Майкопе и Нальчике.

«Читальный зал Адыгейской национальной библиотеки, – сообщала газета «Кабардино-Балкарская правда» 13 апреля 1999 года, – был полон: здесь собрались ученые Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, библиотечные и музейные работники, студенты исторического факультета Адыгейского гос-

университета. Открыл и вел заседание кандидат исторических наук, председатель Адыгейской хасы Р. М. Емиж.

Выступившие на презентации нальчане – главный редактор журнала В. Н. Котляров, председатель Кабардино-Балкарского историко-родословного общества А. А. Максидов, кандидат исторических наук, автор ряда книг по истории Кабарды Б. К. Мальбахов, – продолжили тему консолидации усилий, более тесного сотрудничества на страницах негосударственного независимого издания, которое открыто для всех, чье слово значимо и весомо, может и должно быть услышано.

Ниша, которую занял журнал, долгие годы оставалась незаполненной в силу ряда причин, поэтому так важно сохранить и усилить уже достигнутое, не опускать планку требовательности, предъявляемой к содержанию, не снижать высокий уровень подготовки и исполнения журнала. Эти мысли красной нитью прошли через выступления организаторов презентации, ведущих научных сотрудников АРИГИ – кандидата искусствоведения А. Н. Соколовой, кандидата исторических наук С. Х. Хотко, председателя Совета старейшин при Президенте Республики Адыгея Ш. С. Шу».

А вот отчет о другой презентации, опубликованный в той же газете 24 апреля 1999 года. «Когда подъехали к территории Кабардино-Балкарии, я вышел из машины, взял в руки горсть земли, она была для меня чем-то святым.

Уже одни эти слова, произнесенные потомком знаменитых князей Черкасских – Борисом Михайловичем, прибывшим из Москвы специально на презентацию журнала «Эльбрус», убеждают в значимости данного издания.

Задуманный в 1994 году как литературно-художественный и общественно-политический, альманах «Эльбрус» возродился спустя пять лет уже в новом качестве и стал едва ли ни первым не только в нашем регионе, но и в России «толстым» журналом, полностью посвященным недавно реабилитированной науке генеалогии. Выступивший на презентации профессор КБГУ А. Мусукаев отметил, что по подбору материалов, полиграфическому исполнению этот журнал продолжает дореволюционные традиции подобных научных изданий. О том, как необходимо сейчас популяризировать труды, связанные с генеалогией, помогающей возродить имена забытых предков, восстановить прерванную связь поколений, говорили ученые С. Мафедзев, В. Сокуров, А. Гутов, руководитель Архивной службы

республики С. Бейтуганов, историк О. Опрышко, представитель Республики Абхазии в КБР В. Ардзинба и другие приглашенные.

Данными об этом журнале, внесенными в Интернет, уже заинтересовались в Италии, Франции, США и других странах, что убеждает: его выход – это событие, не ограниченное только рамками культурной жизни нашей республики.

Символичным было и то, что директор лицея № 2 Б. Мальбахов, занимающийся проблемами истории, предложил провести презентацию в стенах этого учебного заведения, и на ней смогли присутствовать старшеклассники. А если молодые не равнодушны к судьбе своих предков, своей родословной, вряд ли позволят запятнать свою фамилию.

– Сейчас нами подготовлен очередной номер «Эльбруса», – познакомил со своими планами его редактор В. Котляров. – Он будет посвящен вопросам этнографии. Более половины материалов предложили нам исследователи Российской академии наук. А это, надемся, вызовет еще больший интерес в научных кругах.

Можно бы порадоваться такому факту, если бы ни одно «но». Журнал не финансируется из бюджета. Первый номер вышел исключительно на спонсорские средства. Выйдет ли второй номер? Для того, чтобы выпуск издания продолжился, необходима государственная поддержка».

На призыв о поддержке, к сожалению, никто не откликнулся. Тем не менее второй номер журнала, целиком посвященный этнологии народов Северного Кавказа и Закавказья, увидел свет в 1999 году. И по-прежнему на общественных началах и голом энтузиазме. Сколь это не просто, станет ясно, если сказать, что стоимость бумаги и полиграфических услуг увеличилась только за эти несколько месяцев почти вдвое. Можно было бы пустить эти, с колоссальными трудностями собранные деньги, не на столь убыточное предприятие, каким является выпуск научного журнала, но доходы и душа – понятия и несозвучные, и несопоставимые. Журнал для нас – это дело для души.

...Никто точно не знает, какие из сегодняшних проблем окажутся в грядущем – ближнем и отдаленном – провоцирующим фактором общественной жизни, какие из текущих трудноразрешимых вопросов будут жизненно важными для людей XXI века. Совершенно ясно одно: методология разрешения сегодняшних конфликтов, далекая от идеалов гуманизма, будет осуждена. Недоверие, страх, нена-

висть, порожденные жестокой реальностью этнических противостояний и не менее жесткими путями их умиротворения, не смогут забыться и бесследно уйти из жизни последующих поколений. Все корни, могущие дать всходы в будущем, обильно политы кровью непонимания и любви, насилия и нежности, отчаяния и веры. Расхожие суждения о тех или иных народах, как правило, не имеют под собой сколько-нибудь научной базы. А если бы политики прислушивались к мнению этнологов, если бы всеми доступными формами информации приводилась бы правдивая подоплека тех или иных этнических притязаний, то где-то удалось бы смягчить, а где-то и вовсе мирно и адекватно решить все спорные вопросы.

Внимательный читатель материалов, помещенных в журнале, отметит отсутствие лакировочного глянца и наличие сквозной идеи: этническая история Кавказа свидетельствует о не использованных до сих пор властными структурами возможностях взаимопонимания, накопленных традиционной культурой региона. Имперские принципы управления типа «разделяй и властвуй», «кнута и пряника» приемлемы были в эпоху бисмарков и романовых, сегодня надо научиться слышать голос каждого из народов, научиться видеть своеобразие и ценить своеобычность, оригинальность их культур. Веками складывающиеся принципы добрососедства, нормы обычного права и религии, общественный быт не утратили значения и сегодня, несмотря на социализацию, а теперь и капитализацию России.

Вот как откликнулось на выход «Эльбруса» ведущее издание Северо-Кавказского научного центра высшей школы «Научная мысль Кавказа», опубликовавшее в своем первом номере за 2000 год расширенную рецензию В. Ф. Патракова и В. В. Черноус «Новый облик журнала «Эльбрус»:

«Непростой оказалась судьба журнала «Эльбрус», созданного в 1988 г. в г. Нальчике. В ней и взлеты 10 тыс. тиражей, и перерыв на несколько лет, вызванный финансовыми трудностями. Первые три года журнал являлся органом Союза писателей КБАССР, имел бюджетное финансирование. В 1991 г. журнал становится независимым, и с тех пор выходит за счет спонсоров. Все эти годы главным редактором журнала оставался Виктор Николаевич Котляров – известный журналист, писатель, издатель Кабардино-Балкарии. Его подвижничеству, поддержанному женой Марией и сыном Никола-

ем, спонсорской помощи друзей обязано возрождение, а точнее, преобразование журнала и возвращение его к читателю в 1999 г.

Кредо журнала удачно сформулировано в предисловии ко второму номеру зам. Председателя Правительства КБР Х. Сохрокова: «Многонациональная культура России свидетельствует о некой духовной нашей общности, сложившейся за века проживания множества народов. Это и взгляд на природу этнического самосознания, и стереотипы поведения общности в политической среде, а личности – в социальном окружении... Российская цивилизация столь же уникальна, как любая из мировых, ведь ее социокультурные характеристики включают культурное и духовное наследие всех народов и религий. Сложившаяся в ней веротерпимость позволила сохранить нравственно-этические нормы всем нашим народам, разбросанным в Евразии. Потерять сейчас этот потенциал – самоубийство... Единое культурное пространство России способно спасти народы от саморазрушения. Никто из нас не один и не сам по себе. На самом деле «мир этносов» страны един».

Эти идеи созвучны деятельности СКНЦ ВШ и журнала «Научная мысль Кавказа». Примечательна и своеобразная перекличка проблем, актуализируемых учеными в последних ростовских и нальчикских изданиях.

На наш взгляд, удачным оказался переход журнала с 1999 г. на выпуск тематических научно-реферативных номеров. Первый из них целиком был посвящен генеалогии. Многообразие рубрик: «Архив», «Статьи. Рефераты. Сообщения», «Взгляд из прошлого», «Историки спорят, размышляют», «Вокруг родословной», обширнейшая документальная база, широчайший справочный материал, введение в научный оборот целого массива неизвестной ранее информации привлекли внимание к журналу тех, кому дороги проблемы кавказоведения и отечественной истории.

Журнал сделал заявку на то, чтобы занять нишу, которая на Северном Кавказе со времен издания «Сборника сведений о кавказских горцах», «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (конец XIX–начало XX в.), да и в целом в регионе Большого Кавказа оставалась незаполненной – выпускать независимое, консолидирующее издание, позволяющее читателям соседних республик, краев и областей быть в курсе того, что волнует ученых, над чем они работают, а самим исследователям – донести свой взгляд, свое слово до общественности, высказаться в журнале, оди-

наково привлекательном для ученых и широкого читателя. Эта заявка более чем успешно была подтверждена выпуском второго номера журнала. Под одной обложкой оказались собраны воедино и увидели свет материалы, позволяющие заглянуть в души адыгов, балкарцев, грузин, ингушей, осетин, чеченцев. А заглянув, понять, что нет малых народов и соответственно малых культур. Об этом большой этнологический выпуск «Эльбруса» (его объем превышает 23 печатных листа). Так, статья известных московских этнографов А. И. Першица и Я. С. Смирновой «К юридической этнологии народов Кавказа» содержит идеи, очень близкие параллельно вышедшему в Ростове-на-Дону сборнику статей «Обычное право России» (1999). Авторы статьи и сборника отстаивают идею возрождения юридической этнологии, показывают не только ее место в теории и истории права, но и рассматривают обычное право не как атавизм, а как постоянный фактор развития общества, неотъемлемый компонент жизни народа. Авторы ставят вопрос о более активном использовании интегративных возможностей обычного права в решении многих острейших проблем, учете в федеральных кодексах и законодательстве субъектов Российской Федерации местной специфики при четком разграничении сферы компетенции разных систем права. Важное место в очерке занимает анализ положения кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату, современных процессов эволюции положения женщины. В статье С. Х. Мэфедзева «Статус женщины в системе адыгэ хабзэ» проблема конкретизирована на основе анализа норм адыгского морально-этического кодекса. Раскрыты не только жесткая регламентация поведенческих стереотипов адыгов, но и показана роль женщины в воспроизводстве, трансляции адыгагэ (адыгства) в мужчинах – мужьях, братьях, сыновьях, что, по мнению автора, проявлялось и у мухаджиров на Ближнем Востоке.

А. С. Мирзоев посвятил статью анализу аристократического адыгского этикета уэркъ хабзэ, в котором он выделил семь основных установок, пунктуальное соблюдение которых требовалось от дворян: верность, вежливость, мужество, простота, правдивость, человечность, «сладкий язык» (ораторское искусство). Он рассматривает рыцарский кодекс уэркъ хабзэ как культурную модель, возникшую под сильным влиянием военизированного быта, характерного для Черкесии на протяжении длительного времени.

В статье Б. Х. Бгажнокова, автора многих работ по адыгскому этикету, представлено понимание псапэ (идеи благотворения) как своего рода культа добрых добровольных и бескорыстных дел, который, по мнению автора, составляет основу адыгства.

Р. Ж. Бетрозов – известный специалист по этнической истории адыгов – в рамках развиваемой им автохтонно-миграционной теории обосновал периодизацию этнической истории адыгов. Автор развил свою аргументацию о роли автохтонного субстрата, обеспечивающего устойчивость древнейшей коренной культуры и своеобразие северокавказской историко-культурной общности.

Руководитель группы по этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Санкт-Петербург) Ю. Ю. Карпов в своей статье продолжает изучение социально-исторического феномена мужских союзов в общественном быте народов Кавказа, показывает их влияние на решение внешних и внутрисполитических вопросов, на формирование политических структур горцев разного уровня. Рассмотрение символизма в традициях мужских союзов горских народов Кавказа выводит автора на глубинные (5 тыс. до н.э.) историко-культурные, языковые ареальные связи между древними носителями протоиндоевропейского и протосеверокавказского языков, между народами Кавказа, Передней Азии и Европы, в первую очередь Балкан.

В статьях К. У. Тайсаева «Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом», Л. Т. Соловьевой «Христианские традиции в народной культуре грузин», «Некоторые аспекты похоронно-поминальной обрядности грузин...» рассмотрены различные аспекты обрядов и ритуалов народов Кавказа, связанных с обществом и семейным бытом.

А. А. Мусукаев и А. И. Мусукаев посвятили свою работу историко-этнологическому осмыслению института предсказаний и примет кабардинцев и балкарцев, показу функциональной направленности их социально-регулятивных принципов.

В журнале помещены также заметки трагически погибшего в 1999 г. молодого ученого Азиза Мусукаева, в которых он горько отмечает: «Поскольку архитекторы реформационных преобразований и руководители страны термин «демократия» сделали много-смысловым, то в нижестоящих инстанциях, в регионах, это было понято, как перенос полномочий власти на места, превращение государственной номенклатурной системы в «княжеские» титулы и

вотчины. В результате сегодня почти ничего не осталось даже от «демократичеких» элементов доперестроечных времен, но зато сложились еще более усложненные диктаторские административно-бюрократические постулаты нового поколения». В то же время автор справедливо указывает: «Мы прошли через национальное возрождение, гласность с ее очернительством, декреты о языках, чувство этноцентризма, чуть было не проявившегося через животный инстинкт территориальности, другие нюансы демократизации общества и пришли к пониманию того, что возврат к национальным истокам зиждется на разумных рамках соотношения традиционной и современных культур и возможен только цивилизационным путем. Я убежден: новое поколение не вправе безапелляционно судить своих дедов и отцов, тем более смеяться над историей собственной страны, как это нередко происходит, история этого не прощает и благоволит лишь тем, кто ее знает и не игнорирует». Его последние слова звучат оптимистичным завещанием: «Век грядущий, творческий – я чувствую это сердцем – высвободит качественный потенциал духовных преобразований человеческого сообщества».

В своеобразном приложении к журналу помещена I часть материалов для библиографии Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи (1918–1940), собранных Ю. И. Мурзахановым, в которых учтены не только отечественные источники (журналы), но также эмигрантские и западноевропейские. Завершает номер статья А.Н. Соколовой о народном музыкальном инструменте шычепшыне (смычковый хордофон) в контексте адыгской и мировой культур.

В процессе подготовки находится первый номер двухтысячного года, который также будет тематическим – выпуск посвящается языкознанию народов Северного Кавказа. Основу его составит научная работа белгородской исследовательницы М. В. Федоровой «Славяно-адыгские этюды», прослеживающая связи между русскими и иберийско-кавказскими языками, свидетельствующая о древности контактов не только между русичами и кабардинцами-черкесами, но и между адыгами и индоевропейцами.

К сказанному необходимо добавить, что журнал прекрасно иллюстрирован – яркая красочная обложка, рисованный форзац и шмуцтителы ко всем разделам, полосные рисунки к большинству статей. Выходит он в твердом целлофанованном переплете, имеет английское и русское резюме как ко всему номеру, так и к каждому материалу; полную версию в Интернете (с первыми номерами озна-

комились читатели из десятков стран мира, число пользователей в несколько раз превысило журнальный тираж). И хотя выпускается журнал на голом энтузиазме – без какого-либо постоянного финансирования, каждый его номер способствует консолидации народов Северного Кавказа и России в целом. «Эльбрус» выступает посланцем взаимопонимания, утверждающим своими материалами, что сегодня надо научиться видеть своеобразие народов и ценить своеобычность, оригинальность их культур».

Как уже отмечалось выше, подготовлен к выпуску очередной номер журнала, посвященный языкознанию народов Северного Кавказа. Его содержание.

М. В. Федорова. Славяно-адыгские этюды. Книга в журнале.

А. К. Шагиров. Из истории изучения адыгских языков.

Е. З. Кумехова. Антропоцентричность и детерминированность семантики слова.

М. Ч. Теуникова. Этноязыковые процессы в КБР на современном этапе.

З. М. Габуния. Современные проблемы поликультурного образования в сопряжении с наследием П. К. Услара.

М. Б. Кетенчиев. Семантические типы адъективных предикатов состояния в карачаево-балкарском языке в системном и функциональном аспектах.

С. М. Хуболов. Формально-семантический анализ косвенно-субъектных предложений с предикатами, выраженными устойчивыми сочетаниями слов в карачаево-балкарском языке.

Ж. М. Гузеев. О квалификации двоякофункционирующих слов в тюркских языках.

Р. С. Аликаев. Основные модели предикативных конструкций, участвующие в построении научной речи.

Р. С. Кимов. Размышления о кабардинском глаголе.

З. Х. Бижева. Этнокультурные характеристики адыгских концептов.

Т. Х. Бердова. Новая жизнь англицизма «дефолт» (по материалам прессы).

Дж. Н. Коков, Б. Дж. Кокова. Культурно-историческая информация топонима.

Дж. Н. Коков. Из топонимии Юга России.

А. Х. Таова. Некоторые вопросы языковой политики в современных условиях (в связи с кабардино-русским двуязычием)

Публикуются в журнале и исторические исследования. Среди них:

Я. С. Смирнова. О традиционном положении женщин у народов Кавказа.

Д. Н. Прасолов. Институт старшин в кабардинских сельских обществах второй половины XIX – начала XX века.

С. А. Айларова. Неожданная актуальность (Об экономико-публицистическом очерке А. Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа»)

А. Г. Кажаров. Территориальный фактор выхода Кабарды из Горской АССР.

С. Т. Катанчиев. О потомках половецкого (кипчакского) ханского рода Котян (Кутен, Кётен)

Й. Маттис. Континентальная система Наполеона и утилизация медных русских монет балкарцами.

Ф. А. Хараев. Философия общественного прогресса.

Заключает номер, в котором почти 30 печатных листов, книга в журнале Ю. И. Мурзаханова «Материалы для библиографии Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи (1918–1940)». Публикуется часть II – «Литература на европейских языках».

Имеется в журнале резюме на английском языке, он также красочно оформлен. Редактора не оставляет надежда, что в ближайшее время «Эльбрус» придет к читателю.

Виктор Котляров,
главный редактор журнала «Эльбрус»

ПОСТИГАЯ ДУХ ВРЕМЕНИ

А. И. Мусукаев
Нальчик

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ЗНАЧИМОСТЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Наследование имущества по мужской линии было предысторией генеалогических традиций, увязывания этногенетических и родовых преданий народов с историческими песнями и другими жанрами фольклора, в которых воспевались военные вожди и особо запоминающиеся события. Процесс выделения господствовавших классов из родовой знати, военной аристократии и жреческой верхушки и передача их собственности и титулов по наследству, а затем практикование родственных связей явились определяющим фактором общественной и политической жизни времени распада первобытно-общинного строя. Наследственные должности и положение в обществе рождали генеалогические предания и истории, оправдывавшие привилегированность и права на собственность, определяли высшее место в складывавшейся системе сословной иерархии. В процессе классовообразования, складывания сельских общин и землевладения, различных нюансов политической борьбы, социальных отношений и просто бытовой обыденности произошло утверждение патронимических и фамильных организаций и их идеологической общности в виде наименований. Формировалась и ментальность, ориентировавшая на то, что происхождение, данное богом, – определяющий крите-

рий в общественном положении человека и что последний должен следовать предназначениям судьбы.

Удостоверяющим свидетельством происхождения, социального положения, прав и обязанностей оказывались передаваемые устно генеалогические предания и истории. Докказательством достоверности подобных материалов считались рассказы о происхождении фамилий, связанные прежде всего с пращуром, временем его жизни, характерными событиями и детальной росписью последующих поколений. Практика поколенного запечатления генеалогических сведений основной целью ставила фиксацию родственных связей потомков общего родоначальника по прямой и боковым линиям. И хотя принято считать, что они старались запомнить семь поколений предков, все же юридическую силу имели полные и обоснованные факты. Фиксируя глубинные процессы исторического процесса, жизнь и деяния не только выдающихся личностей, но и рядовых творцов истории, существо социальных и политических отношений обществ, именно генеалогия оставила потомкам представление о природе и специфике феодализма, рождении буржуазии и купечества, идеологизации политики разными династиями и правительствами, тоталитарных режимах и понимание, наконец, сути демократии.

Благодаря традиции возведения себя к общему предку на долгие века утвердились реальное значение родственных связей и преемственность поколений, проявлявшихся в коллективизме, взаимопомощи, родственной солидарности, влиянии на экономическую жизнь общин, а также быт. В этом же контексте воспринималось и создание семьи, предусматривавшее рождение и воспитание детей, продолжение фамилии, наследование имущества, опору в старости, передачу новым поколениям культуры жизнеобеспечения. Не что иное, как генеалогическая традиция делала женщину предметом почитания, стимулировала бережное и почтительное отношение к ней и утверждало ее лидирующее положение в сугубо семейных и домашних бытовых делах.

Этикет взаимного уважения полов дополнялся нравственным кодексом почитания младшими старших, и наоборот, уважения со стороны старших младших, традиций и церемониалом гостеприимства и такими гуманными качествами, как открытость и доброжелательность.

Экзогамное генеалогическое древо любой фамилии – убедительное свидетельство изначально заложенных в генах человека интернациональных качеств. В каждой фамилии встречаются жены и мужья разных национальностей и нередко иного вероисповедания. То

есть генеалогия ломает примитивное представление обывателей об этнической чистоте народа, крови и доказательно свидетельствует о межнациональных связях людей разных поколений, примесях ино-этнической крови и терпимости к другим вероисповеданиям.

Генеалогия имеет непосредственное отношение к этике, заставляя, как верно замечает известный писатель Даниил Гранин, «гордиться своими предками или стыдиться их поступков. Она заставляет вспомнить о традициях фамильной чести, трудолюбия, храбрости» (Гранин Д. Возвращение старой науки... // Новое время. 1992. № 50. С. 52). Этические нормы взаимоотношений в человеческом обществе издревле требовали сохранения родства, выполнения обязанностей по отношению к членам семьи, родителям и вообще близким по крови, оказывали воспитательное воздействие на подрастающее поколение, формировали и развивали общечеловеческие нравственные принципы.

*Р. Ю. Намитокова, Н. А. Нефляшева, И. А. Нефляшева
Майкоп*

ОТ ИСТОРИИ РОДА – К ИСТОРИИ НАРОДА

(Из опыта работы в студенческой аудитории)

В контексте новых социальных реальностей, связанных прежде всего с проблемой культурно-этнического формирования личности, на первый план в системе гуманитарного образования выходит максимальное использование местного материала, т.е. введение национально-регионального компонента в учебный процесс, в образовательное пространство.

Большие возможности в формировании этнокультурной личности могут быть реализованы через факультативы, опирающиеся на краеведческий материал. Благодатным в этом отношении является факультатив или спецкурс по региональной ономастике, интегрирующий в себе достижения разных наук и позволяющий привлечь внимание к вопросам контактирования языков, их экологии (например, в связи с актуальными проблемами пересмотра местных топонимов), к проблемам речевого этикета, к проблемам выбора собственного имени, в том числе и для разного рода фирм, предприятий и ассоциаций. Такой факультатив гармонично выводит слушателей на выяснение значения и происхождения своего имени и своей собственной фамилии, что позволяет предложить им в качестве зачетной

работы представить свою родословную. (Впрочем, на это может вывести любой преподаватель, заинтересованный в подобной проблематике).

Неоспоримо, что в «знании – сила», а в знании истоков происхождения собственной фамилии, за которой стоит история рода, заложен значительный духовно-нравственный и этнокультурный потенциал. Возможность их этнолингвистического анализа, привлечение специальных ономастических и этимологических словарей, осмысление фамильных легенд и преданий позволяют пробудить интерес к своим истокам, к своим генетическим корням, осмыслить и понять историю Отечества и родного края сквозь призму истории своей семьи. Использование стилистических ресурсов русского языка (мы имеем в виду на других факультетах использование курса «культура русской речи», что вовсе не исключает написания на родном языке) и творческий подход к изложению своей родословной дают возможность каждому из студентов выполнить эту работу по законам жанра, одновременно соблюдая нормы письменной речи. При построении схемы родословной следует использовать опыт отечественной генеалогии, представленный в специальной литературе, познакомить с историей известных родов (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, см. также Л. Долгорукова «Российская родословная», деятельность КБИРО и т.д.).

Мы практикуем уже много лет на филологическом и историческом факультетах зачетную работу под названием «Моя родословная», в процессе написания которой студент не только начинает осмысливать свою скромную личность через свое имя и свою фамилию (и семью, род, стоящие за этой фамилией), но и воспринимать историю своего рода как часть истории своего народа, своего Отечества (вот их высказывания: «Мое имя значит очень многое для меня» – Денис Гриценко; «Осмысление истории своей семьи, своего рода – осмысление самого себя» – А. Иванов, истфак-98).

Анализ только одного среза родословных студентов-историков позволяет уже на поверхностном уровне воссоздать социальный портрет 20-летних:

1) большинство не знает истории своего рода, никогда не задумывалось над значением своего имени и происхождением фамилии, что, безусловно, говорит о «белых пятнах» воспитания, становления гражданина, «образованной личности, знающей и уважающей свое прошлое, в отличие от человека невежественного» (А. С. Пушкин);

2) корни этого нигилизма уходят в недавнее тоталитарное прошлое: беспамятство в определенной степени – следствие преследований дворянских или просто зажиточных семей, когда, чтобы выжить, надо было забыть, отказаться от своего прошлого;

3) и тем не менее социальный портрет современной молодежи воссоздается достаточно ясно: для нашего региона 20-летние – это в основном: а) потомки казаков и выходцев из центральной России, волею судеб освоивших этот край, смутно помнящие судьбу своих прадедов (лучше – по материнской линии); б) потомки черкесов (адыгов) – адыгейцы, сохраняющие в своей памяти рассказы о хождении предков в Мекку, о геноциде адыгов времен Русско-Кавказской войны, о переселении семей и целых аулов в Турцию; в) значительная часть имеет инонациональные корни (в адыгейских семьях – русские, в русских семьях – кавказцы, поляки, немцы, азиаты); г) все сохраняют память о раскулачивании и репрессиях прадедов, что подтверждает глобальный характер этих явлений в нашем недавнем прошлом, об участии дедов в Великой Отечественной войне.

Историко-этнографический анализ фамильных легенд и преданий, начатый рядом ученых (С. Бейтуганов, А. Мусукаев, А. Максидов, Б. Тлехас), может служить и служит базой для историко-лингвистических исследований, т. к. корпус фамилий более устойчив в силу своей специфики и своеобразно отражает древнейший слой исконной лексики, подвергнувшийся трансформации временем. На этом пути сделаны некоторые нетривиальные наблюдения, выявляющие геополитическую и культурно-историческую общность народов Кавказа и России (А. Джанашия, Дж. Коков, В. Абаев, Б. Бгажноков, М. Кумахов). Ср., например, антропонимы, содержащие этноним **черкес**: *Черкес*//*-ов*//*-ский* // *Черкешин* // *Черкашенко* // *Черкасов* // *Черкашин* // *Черкезия* // *Черкезишвили* и пр. Кроме того, изучение кавказского ономастикона как системы и изучение истории конкретных фамилий (и родов, стоящих за ними) – одно из реальных средств восстановления истории этноса и взаимовлияния культур, понимания ментальности разных народов. Не быть манкуртами, Иванами не помнящими родства, помогает именно обращение к истории своей семьи, к истории своего рода. Таким образом, обращение к генеалогии через включение региональной ономастики в образовательное пространство на всех его уровнях не только позволит, но и введет в научный оборот огромный региональный

массив фактического материала, даст возможность перейти на качественно новый уровень подготовки профессиональных кадров и развить прикладные направления генеалогической науки.

Наконец, собственный опыт в поисках истоков своего рода позволил восстановить родословную Намитоковых (НэмытІэкъохэр), восходящую к основателю его Намиту Тхагушу (НэмытІ ТхъагушІ), выходцу из Шапсугии, пустившему корни в ауле Понежукай, где один из его кварталов до сих пор называется НэмытІэкъохъабль и где сейчас наиболее компактно проживают представители этого в целом немногочисленного рода, не имеющего однофамильцев на других территориях, с одной стороны, и с другой – растворившиеся в разных народах Северного Кавказа и России. Из этого рода вышли многие ученые, врачи и артисты.

М. И. Смирнов
Москва

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ С КАВКАЗСКИМИ ТИТУЛОВАННЫМИ РОДАМИ

Уже около десяти лет в нашей стране функционирует и развивается компьютерная система «Русская генеалогия», объединяющая комплекс родословных российских фамилий с глубокой древности и до наших дней. В рамках единого информационного пространства содержатся не только родословные, биографические данные и портреты представителей многочисленных семей, но и информация о событиях, имевших значение для истории и культуры, в которых они принимали участие. Система разработана специалистами по вычислительной технике и ведущими учеными историками, археографами и источниковедами. На сегодняшний день база данных системы объединяет информацию о более 300 000 персонах, принадлежащих к более 10 000 дворянских фамилий. При этом информационная база постоянно пополняется.

В настоящее время система объединила практически все генеалогические справочники по российским дворянским фамилиям (более 300 наименований). База данных системы содержит не только опубликованные материалы, но и уникальные результаты практической работы исследователей-генеалогов, редкие архивные докумен-

ты, данные семейных архивов и сведения мемуарного характера. В перспективе – расширение свода информации и включение в систему данных по купечеству, духовенству, представителям других социальных групп. Работа с источниками информации проводится в соответствии с рекомендациями экспертного совета, в который вошли известные специалисты по истории российских фамилий. Базу данных системы пополняют и редактируют ведущие исследователи – генеалоги-практики.

Опыт работы системы «Русская генеалогия» значительно расширяет стандартные рамки применения компьютеров в области обработки данных по родословным отдельных семей. В основу компьютерной системы, включающей в себя родословную информацию целого государства на протяжении нескольких столетий, заложен основополагающий принцип, обеспечивающий в идеале получение полной информации, содержащейся в различных источниках по генеалогии, иконографии, биографике, истории, культуре и т.д. Возможности системы не ограничиваются стандартными генеалогическими функциями – получение биографической информации и портретов; построение фамильных деревьев, деревьев предков/потомков для любой персоны; определение степени родства для разных персон. Система также способна получать информацию о лицах, удовлетворяющих разнообразным специальным условиям (родственные отношения, события, даты, должности, награды, география и т.п.) и их комбинациям; сравнивать реалии, приводимые в разных источниках; проводить уникальную идентификацию персон по неполным или косвенным исходным данным; решать нетрадиционные для генеалогии задачи.

Одной из интересных практических областей использования системы является возможность исследования родственных связей с фамилиями, представители которых связаны с различными странами и регионами. База данных системы среди представителей русского дворянства содержит родословные многих титулованных фамилий, представляющих кавказский регион. Сюда относятся представители и потомки грузинских правящих династий и княжеских родов (династия Багратионов, царевичи и князья Грузинские, царевичи Имеретинские, князья Багратион-Мухранские, князья Дадияны и Дадиян-Мингрельские и многие другие роды), ханы Макинские, ханы Нахичеванские, князья Черкасский и другие именитые фамилии. Возможности компьютерной системы «Русская генеалогия»

позволяют провести анализ родственных связей наших соотечественников с представителями кавказских титулованных родов.

В качестве примера такого анализа рассмотрим задачу поиска среди представителей русских фамилий потомков князей Черкасских (по женским и смешанным линиям). В ответ на запрос компьютер сформировал список, включающий несколько тысяч лиц, среди которых – гр. Апраксины, гр. Блудовы, кн. Волконские, гр. Воронцовы-Дашковы, кн. Вяземские, кн. Гагарины, кн. Голицыны, гр. Головины, кн. Долгоруковы, гр. Зубовы, гр. Игнатьевы, гр. Каменские, гр. Коновницыны, кн. Куракины, кн. Лобановы-Ростовские, кн. Мещерские, гр. Мусины-Пушкины, Нарышкины, кн. Оболенские, гр. Разумовские, гр. Салтыковы, гр. Толстые, кн. Трубецкие, гр. Уваровы, кн. Урусовы, кн. Шаховские, гр. Шереметевы, гр. Шуваловы, кн. Щербатовы, многочисленные представители других, не только аристократических фамилий. Основной вклад в сформированный список внесли потомки боярина князя Бориса Камбулатовича Черкасского (6-е колено от родоначальника фамилии – Инала) и князей боярина Михаила Яковлевича и боярина Григория Сунгулеевича Черкасских (оба в 8-м поколении от Инала).

Первый из них – князь Б. К. Черкасский был женат на сестре отца царя Михаила Федоровича – патриарха Филарета, – Марфе Никитичне Захарьиной-Юрьевой-Романовой. Компьютер показал, что среди его многочисленного потомства в 10-м поколении – великий русский писатель Л. Н. Толстой.

Внучка второго из них князя М. Я. Черкасского – княжна Варвара Алексеевна Черкасская (она также правнучка по материнской линии Григория Сунгулеевича через кн. Трубецких и четыре раза правнучка по смешанным линиям Бориса Камбулатовича через Шереметевых и кн. Одоевских) была замужем за графом Петром Борисовичем Шереметевым, сыном знаменитого фельдмаршала. От нее происходят все ныне живущие графы Шереметевы.

Дочь князя Г. С. Черкасского – княжна Елена Григорьевна Черкасская была замужем за сенатором князем Ю. Ю. Трубецким. Она – теща фельдмаршала гр. Петра Семеновича Салтыкова и бабушка фельдмаршала гр. Ивана Петровича Салтыкова, прапрабабушка декабриста С. П. Трубецкого.

Компьютер позволил определить, что наши современники, руководители российских дворянских организаций, среди своих предков имеют кн. Черкасских. Так, кн. А. К. Голицын, Предводитель Российского Дворянского Собрании, – потомок в 10-м колене кн. Григория Сунгулеевича Черкасского; кн. А. П. Гагарин, Предводитель Санкт-Петербургского Дворянского Собрании,

является по одной ветви потомком кн. Григория Сунгулеевича, а по другой – кн. Бориса Камбулатовича; кн. С. С. Оболенский (Франция), Председатель Союза Российского дворянства, – потомок кн. Михаила Яковлевича, дважды – кн. Григория Сунгулеевича и трижды – кн. Бориса Камбулатовича.

К разработчикам компьютерной системы «Русская генеалогия» регулярно поступают запросы из разных городов России и из-за рубежа. Многочисленные потомки наших соотечественников, проживающие сейчас в разных странах, ищут своих предков и родственников в России. Опыт выполнения запросов от частных лиц, потомков русских дворянских фамилий, показывает, что у многих из них среди предков представители кавказских титулованных родов. И компьютер позволяет помочь им в поисках, подчас восстанавливая казавшиеся навсегда потерянными связи поколений.

Компьютерная система «Русская генеалогия»:

почтовый адрес: 109180, Москва, 3-й Голутвинский пер., 10/6;

телефон: (095)-956-1456; факс (095)-230-2967; e-mail: inprof@aha.ru.

*В. Х. Пшемурзов
Нальчик*

ГЕНЕАЛОГИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, МЕНТАЛЬНОСТЬ

Под генеалогией обычно понимается специальная или вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц, выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности и социальном статусе. Роль генеалогии в историческом исследовании определяется прежде всего тем, что человек выступает одновременно как основной субъект исторического процесса и объект исторического исследования, т.к. все исторические закономерности проявляются не иначе, как через сознательную целелеполагающую деятельность людей [1, 252].

Поскольку адыги, не имея до Октябрьской революции своей письменности, не могли сохранить свою историю и традиции в письменном виде, «сковывая их печатью для отдаленного потомства» (Ш. Б. Ногмов), то им приходилось делать это изустно. Своеоб-

разными передатчиками времени, хранителями исторической памяти адыгского народа были легендарные певцы-сказители – джегуако, типологически соответствующие русскому скомороху, тюркскому акыну, французскому жонглеру, немецкому шпильману, испанскому хуглару. Эти «странствующие барды», отмечал Эдмонд Спенсер, исполняя свои баллады, «увечковечивают историю страны с незапамятных времен» [2, 74–80].

По представлениям адыгов, не заслуживал уважения человек, не знавший, какого он роду-племени, своей родословной как минимум до седьмого колена [*адэцIубл* (каб.), *лэтехьэгъуибл* (шапсуг.)]. Многие могли назвать 9, 12 и даже 20 и более имен «отцов – основателей» рода. При этом тщеславие и гордыня представителей адыгской феодальной знати доходили до того, что они объявляли себя посланцами неба. Отсюда мифологические присказки о чудесном рождении князей, о высшей княжеской расе. Бжедугские князья, как говорят, любили повторять: *Тэ тыгъэмрэ мазэмрэ такъыхэкIыгъ, бгъэныбгъуэм тыкъырахыгъ* («Мы [наши предки] солнечно-лунного происхождения. Из орлиных гнезд»).

Несколько иначе была построена эта формула у кабардинских князей: *Дэ дыгъэ-мазэм дыкъыхэкIащ, ды-къурейшы лъэпкъы* («Мы солнечно-лунного происхождения, из племени курейш») [3, 88]. (Как известно, основатель ислама пророк Мухаммед принадлежал к племени корейшитов (курейшитов. – В. П.).

Бережное, трепетное отношение адыгов к своей родословной, безусловно, было связано с культом предков – закреплением в их сознании деяний, живших задолго до них. Пращуры воспринимались черкесами как живые, между ними, без всякого сомнения, существовала духовная связь. Их помнили, в их честь готовились яства, например, пекли лакумы (*жъэрымэ ягъэут*), произносились тос-ты (*ди лIахэм папцIэ*) и т. д. Каждый адыг осознавал себя живым звеном в цепи поколений.

В этой связи нельзя не сказать об исторической памяти народа, т. е. его способности воспроизводить прошлое. Историческая память как бы «генетически» несет в себе оценочный момент. Так, адыги ясно осознавали, кто ответствен за трагедию Кавказской войны и слали виновным проклятья, как это явствует из шапсугской версии знаменитой песни «Сэрмахуэ» («Сэрмафэ»), российскому самодержавию: «...мылхожьынэр пэцтахы фызымэ къахокIой» («...рожать царские жены пусть перестанут») [4, 260].

Прочные, неразрывные связи с поколениями далеких, но не забытых родичей создают особый, неповторимый и своеобразный тип общества, группы, личности, мировосприятие и мироощущение которой, психический склад, система ценностей, образ жизни, т.е. все то, что можно обозначить одним емким словом «ментальность», пронизано чувством сопричастности к свершениям славных предков.

Таким образом, человек, а он может быть только «национальным человеком» (Н. А. Бердяев), воспринимает мир «во всей его живой архитектуре», а его историческая и генеалогическая память органично вписывается в систему духовно-нравственных ценностей адыгов – *адыгагъэ* (адыгство).

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева Г. А., Шорин Н. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клии. М.: Просвещение, 1994.

2. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию / Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп: РиПО «Адыгея», 1994.

3. См.: Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.

4. См.: Пшемурзов В. Х. Этническая психология и историческая память в социокультурной динамике // Мир этноса: (Аспекты и методы исследования). Нальчик, 1999.

К. А. Мальбахов
Нальчик

КАВКАЗСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сегодня мы являемся свидетелями чрезвычайного интереса к генеалогии как науке, переживающей в нашей стране настоящий ренессанс. Генеалогия и система родства играли важную роль в социальной жизни горцев Северного Кавказа. Их генеалогия тесно смыкается не только с их социальной историей, но и с топонимикой, демографией, геральдикой, исторической лингвистикой Кавказа. К сожалению, не создав своей письменности, большинство горцев не смогло построить прочную орфографию своих имен.

Изучение кавказской генеалогии имеет большое практическое значение в сохранении оказавшегося сегодня под угрозой ономастического наследия горских народов. Многие их имена уже исчез-

ли, иные, редкие сегодня, с очевидностью обречены на скорое исчезновение.

Одним из важных источников в реконструкции кавказской исторической генеалогии являются кавказские исследования иностранцев, посетивших наш регион в прошлые столетия. Так, в 1857 г. в Париже была издана книга Жия «Письма с Кавказа и Крыма», где целые страницы посвящены, к примеру, черкесским родам и фамилиям. Важно упомянуть тот факт, что автор этой книги вместе с великим русским поэтом В. А. Жуковским был наставником цесаревича Александра II. Жий сопровождает перечисление кавказских имен чрезвычайно интересными комментариями и персоналиями. Так, заметив, что одним из самых знаменитых черкесских родов был род Болотоко, пользовавшийся даже правами, признанными самим султаном, Жий затем рассказывает, как один из Болотоко в октябре 1851 г. украл русский скот. Русский полковник погнался за ним, настиг его и после жаркой схватки возвратил угнанный скот. Князь Болотоко, которому в то время был двадцать один год, высмеял своих черкесов за то, что те лишили себя добычи и «плохо защищали шашку его отца». Поэтому он решил послать свое оружие своему противнику в знак признания его храбрости.

Еще одним героем горцев Жий называет рыцаря, поэта и романтика Мухамеда-Аш Хатажуко. В одном из сражений против русских у его друга, ногайского князя Элик-Мариафа, пал конь. Мухамед-Аш соскочил со своего и предложил коня ногайскому князю. Тот отказался, заявив, что не может воспользоваться этой услугой ввиду невероятной известности Мухамеда-Аша. Тогда последний подхватил Элик-Мариафа и прорвался сквозь заслон русских солдат. В 1846 г., во время очередного набега на Ставрополь, Мухамед-Аш геройски погибает. Попав в засаду, он трижды прорывался сквозь русские кордоны, но затем возвращался, видя, что его друзья оставались в окружении. Осознав, что не сможет им помочь и спасти их, Мухамед-Аш предпочел разделить с ними героическую смерть.

С родом Карамурза Жий упоминает очень редкий пример кровной мести между крестьянами и их сеньором. Сумма искупления за кровь князя Карамурзы свидетельствует о богатстве и заметном влиянии этого рода среди таких известных, как Маргуш, Кайтуко, Трам, Кубат, Чижоко и др. О роде Кайтуко мы можем прочесть в книге другого иностранного автора – Яна Потоцкого «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ», изданной в Париже в 1829 г. Конечно, исследователей интересовали не только княжеские родословные. Тот же Потоцкий, рассказывая о простых ингушах, заме-

чают, что они берут в качестве имен собственных названия животных. Таким образом, один именуется «быком», другой – «собакой» и т.д. Более необычны имена женщин. Например, «та, что ездит верхом на теленке», «та, чьим верховым животным является собака». Люди, принадлежащие к высшим сословиям, пишет Потоцкий, выбирают совсем иные имена.

Этнокультура и история Кавказа имеют неисчерпаемые ресурсы в недрах богатейшей иностранной литературы, посвященной кавказским народам.

САМОБЫТНОСТЬ, УХОДЯЩАЯ В ВЕКА

*Р. М. Абрамян
Москва*

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ МОСКВЫ

Существует богатая историческая литература, посвященная московской армянской колонии (исследования А. Амирханяна, Ж. Ана-
няна, А. Аршаруни, А. Базиянца, В. Восканяна, Г. Тер-Габриеляна, Л. Хачикяна и др.). Однако генеалогическая тематика в этих работах практически отсутствует (исключение составляют, пожалуй, лишь публикации А. Базиянца, в которых достаточно подробно освещены генеалогия семьи Лазаревых и родственных ей фамилий). Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что генеалогия московской армянской колонии (как, впрочем, и других армянских колоний России) относится к числу малоизученных вопросов в арменистике. В этой связи особенный интерес представляет разработка проблем, связанных с выявлением, классификацией, изучением и последующим вводом в научный оборот генеалогических источников по этой теме, а также разработка методик работы с ними.

Важные сведения по генеалогии московской армянской колонии содержат документы фонда Московского армяно-григорианского духовного правления, хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) (ф. 2050). Прежде всего, это сохранившиеся метрические книги армянской церкви Сурб Хач (Крестовоздвиженской) за 1775–1848 гг. (д. № 15) и 1879 г. (д. № 16), а также списки

исповедовавшихся и причащавшихся (д. № 200, 246, 247, 284, 290). Ценную дополнительную информацию можно получить при работе с метрическими выписками и копиями различных свидетельств, выдаваемых московским армянским духовным правлением (д. № 16, 19, 31, 101, 105, 172, 183, 189, 203, 209, 212, 217, 227, 233, 243, 245, 253, 267, 270). Следует отметить, что, в отличие от метрических книг, эти документы, как правило, составлены на русском языке. Интерес представляют и различные списки московских армян (например, посемейные списки армян Москвы 1840-х гг. в д. № 202). Сведения по генеалогии отдельных фамилий содержат дела этого фонда касающиеся браков, разводов, завещаний, смертей и т.п. лиц армяно-григорианского исповедания, послужные списки клириков армянских церквей и т.д.

Значительный интерес для армянской генеалогии представляют находящиеся в том же архиве документы Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ) (ф. № 213). В этом учебном заведении, основанном братьями Лазаревыми (Агазарянами) в 1814 г., за время его существования обучалось около 10 000 армян со всего мира. Наибольший интерес для генеалогов представляет коллекция личных дел учащихся ЛИВЯ – среди них были И. Делянов, М. Лорис-Меликов, М. Миансаров, З. Мсерьянц, К. Патканов, С. Шахазиз и др. – и формулярных списков преподавателей, в том числе А. Аламдаряна, Г. Кананова, М. Мсерьянца, Ст. Назарянца, Г. Халатянца, Н. Эмина и многих других видных деятелей армянской науки и культуры.

Важным источником для генеалогии армянской колонии являются некрополи. Древнейшие армянские захоронения в Москве датируются 1601 г. Начиная с XVIII в. армяне хоронили своих покойных на армянском кладбище в Пресне, уничтоженном в 30-е гг. XX в. В начале XIX в. было основано Армянское Ваганьковское кладбище, состоящее к настоящему времени из около 10 000 могил. Существует несколько описаний этого кладбища.

Много интересной информации для генеалогии армянской колонии Москвы современного периода содержат архивы различных общественных организаций армян города (общин, национально-культурных автономий, ассоциаций, фондов, школ, редакций, клубов и т.п.). Так, например, каждый вступающий в Армянскую общину Москвы должен заполнить анкету, в которой нужно указать биографические данные о себе и членах своей семьи. К настоящему

моменту такие анкеты заполнило около 1600 человек. Информация анкет по мере накопления вносится в компьютер, что значительно облегчает работу с ними.

Все чаще вопросы генеалогии московских армян привлекают внимание членов АрмИРО. На ежемесячном генеалогическом семинаре АрмИРО ими были прочитаны доклады по родословной Лазаревых (А. Амирханян), истории армянского некрополя Москвы (С. Мурадян), «армянским» документам в ЦИАМ (Р. Абрамян) и др.

Ю. Л. Пирумян
Москва

КАРАБАХСКИЙ РОД ПИРУМЯНОВ

И в далеком прошлом, и в недавнем настоящем карабахцы не раз подтверждали стремление, даже ценой больших жертв, отстоять свою самобытность. Военное поприще уважалось и поощрялось. Именно в этом аспекте интересна история рода Пирумянов.

Впервые в изученной нами литературе эта фамилия встречается в известной книге В. Потто «Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества» (1902), где при описании одного из сражений русско-персидской войны 1805 г., когда русскими войсками командовал князь Мадатов, упомянут некий *Асри-бек Пирумов*. С большой степенью научной достоверности можно утверждать, что описанный в книге известного армянского писателя Раффи «Меликства Хамсы» (1991) Асри-бек (без указания фамилии), который во время этой войны явился для войск князя Мадатова умелым и опытным добровольным проводником, одно и то же лицо. По найденным нами архивным документам, в 1820 г. за отличия в войне против горских народов Дагестана он получил чин подпоручика.

По свидетельству Раффи, Асри-бек был внуком или правнуком одного из руководителей борьбы кафанских армян против персов в первой четверти XVIII в. князя *Баяндур*. Подпись последнего (в армянской транскрипции «Пайинтур») наряду с подписями других видных участников этой борьбы стоит под посланием русскому правительству (1726).

Баяндур, как это было принято в то время у армян, не имел фамилии. А его внук (или правнук) Асри-бек, в соответствии с рус-

скими правилами, при зачислении на военную службу стал Пирумовым. При этом за основу, скорее всего, взяли имя отца Асри-бека (или деда), которого звали Пирум.

Это предположение согласуется с точкой зрения некоторых исследователей, считающих, что у Баяндур был сын по имени Пирум, поселившийся около деревни Нахичеваник (Аскеранский район нынешней Нагорно-Карабахской Республики) и имевший четырех сыновей, одним из которых был Асри-бек. Косвенным подтверждением этой версии можно считать то, что, по найденным нами архивным документам, у Асри-бека был сын, названный (возможно, в честь деда, что распространено у многих народов, в том числе и у армян) Пирумом. Сын Баяндур родился, по-видимому, после 1726 г., когда борьба кафанских армян против персов закончилась и Баяндур зажил частной жизнью. Если взять за дату рождения Пирума этот год и считать, что у последнего дети появились приблизительно в 25–28 лет, то рождение Асри-бека (в том случае, если он был внуком Баяндур) следует отнести приблизительно к 1750 г. Если же считать, что Пирум завел семью, как и его отец Баяндур, после 45 лет (по Раффи, в годы борьбы против персов ему было 40–45 лет), то Асри-бек мог родиться в 1770 г. и, следовательно, получил чин подпоручика, отличившись в сражениях в Дагестане, в пятидесятилетнем возрасте, что более вероятно, чем в 70 лет, если бы он родился в 1750 г. Так что скорее всего Асри-бек, будучи внуком Баяндур, родился около 1770 г., а фамилию Пирумов взял по имени своего отца – Пирум. Умер Асри-бек в 1833 г., похоронен в деревне Нахичеваник, где и поныне находится родовое кладбище Пирумянов – обстоятельство, косвенно подтверждающее факт поселения сына Баяндур в этом месте и, следовательно, факт его реального существования.

Таким образом, на сегодняшний день корни генеалогического древа выглядят так:

Баяндур	—————>	Пирум	—————>	Асри-бек
ок.1680 – после 1726		после 1726–?		ок. 1770–1833

Асри-бек был не единственным ребенком Пирума. Еще по крайней мере три сына (о дочерях сведений нет) составляли семью последнего: *Даниэль, Джавад и Гусейн*. О потомках Даниэля мы знаем только то, что у него был сын Шахназар, полковник.

Потомство по мужской линии остальных трех братьев вместе с

ныне живущими поколениями насчитывает почти двести имен.

Наименее плодотворной выглядит линия Джавада – всего 25 потомков, тогда как у уже упоминаемого нами Асри-бека их более 80. Промежуточной выглядит линия Гусейна – более 70 человек.

Рамки настоящих тезисов позволяют нам рассказать только о некоторых представителях, принесших военной службой известность всему роду.

Среди них старший внук Джавада – *Даниэль-бек Абиссогомович* (1861–1922?), полковник русской армии, отличившийся в сражениях Первой мировой войны на Кавказском фронте, прославивший свое имя в мае 1918 г., осуществляя общее руководство армянскими частями в победоносной Сардарабадской битве, принесшей Армении независимость.

Выдающуюся роль в этой битве сыграл внук Гусейна *Погос-бек Караманович* (1856–1921), также полковник русской армии и участник сражений Первой мировой войны. Ударный 5-й Карабахский полк, которым в этой битве командовал Погос-бек, не только выстоял под натиском превосходящих турецких регулярных войск, но и обратил их в паническое бегство.

В общей сложности на службе в русской императорской армии в XIX–XX вв. находилось более двух десятков представителей рода Пирумьянов. Отметим тех из них, кого удалось «соотнести с предками» в генеалогическом древе.

Это и младший внук Джавада, капитан *Аршак Абиссогомович* (1871–?), младший брат Даниэль-бека, и сыновья последнего, капитаны *Иосиф* (1888–1942) и *Михаил* (1889–1952), также, кстати, участники Сардарабадской битвы, и полковник *Осек Шаликович* (1886–?), и его брат, унтер-офицер *Григорий Шаликович* (1884–?) – оба правнуки Асри-бека, а также еще один правнук Асри-бека – *прапорщик Бегляр Николаевич* (1889–?).

Из потомков Гусейна нам известны внук – подпрапорщик *Артемий Григорьевич* (1875–1915?) и его двоюродный брат, полковник *Александр Беглярович* (1864–?), а также правнук, прапорщик запаса *Арменак Иванович* (1887–?).

Ныне здравствующие генерал-майор *Ремаль Николаевич* (1925 г. р.), праправнук Асри-бека, и контр-адмирал *Владимир Семенович* (1926 г. р.), праправнук Гусейна, несмотря на возраст, продолжают славные традиции рода в служении Отечеству.

КАРАБАХСКИЙ РОД МЕЛИК-ШАХНАЗАРЯНОВ

По мнению большинства исследователей (К. Тер-Мкртчян, Б. Улубабян, R. Newsen, С. Toumanoff), происхождение Мелик-Шахназарянов связано со средневековой армянской княжеской династией Допянов. Основателем последней является выходец из Хачена (Арцах, Карабах) князь (ишхан) Хасан (XIII в.), находившийся на службе у полководцев Закарии и Иванэ Закарянов и женатый на их сестре Сусанне-Допе (от ее имени происходит фамильное прозвание). Выйдя замуж, Сусанна-Допе получила в приданое обширные земельные владения в восточно-армянских областях. Эти земли и составили основу подвассального Закарянам феодального княжества Допянов. Княжество было ликвидировано в XV в. во время завоевания Армении племенами Кара-Коюнлу. Однако некоторым потомкам Допянов удалось добиться закрепления части родовых земель в качестве собственности. От них происходит целый ряд армянских дворянских семей в Гегаркунике, Царе, Содке, Арцахе и других областях.

Потомки Допянов, укрепившиеся в Гегаркунике, и положили начало роду Мелик-Шахназарянов, представитель которого *Шахназар* в 1606 г. получил от шаха Аббаса наследственный титул мелика той области. В середине XVII в. выделяется карабахская ветвь этого рода, основатель которой Баги получил в наследственное владение меликство Варанды в 1651 г. Из меликов Варанды, правивших в XVIII–начале XIX в., наиболее известны следующие:

Мелик Баги (II), в 1726 г. подписавший письмо с заверением в преданности России. *Мелик Хусейн* (+ 1736) – один из руководителей вооруженной борьбы армян Карабаха против османских войск. Мелик (с 1737) *Шахназар*, враждующий с остальными меликами Карабаха, заключил военный союз с вождем кочевого племени Сарыджаллу Панах-али, предоставив ему с его людьми место для поселения в Шушинской крепости. Однако впоследствии, используя разногласия между меликами, Панах-али укрепился в Шуше и, получив титул хана от одного из претендентов на персидский престол, объявил о создании Карабахского ханства. После смерти мелика Шахназара сын Панаха Ибрагим усилился настолько, что попытался завоевать весь Нагорный Карабах. *Мелик Джумшуд*, сторонник русской ориентации, враждующий с карабахским ханом, был вынужден с частью

подданных переселиться в Грузию. В 1799 г. по повелению Павла I грузинский царь передал Джумшуду во владение округ Лори.

После упразднения Карабахского ханства большинство Мелик-Шахназарянов поступают на государственную службу, прежде всего в качестве военных. В XIX и начале XX в. в русской армии в разные годы получили генеральские чины пять Мелик-Шахназаровых; в этот же период насчитывалось несколько десятков штаб- и обер-офицеров из этого рода. Необычна судьба *Андрея Павловича Мелик-Шахназарова*. Сын генерал-майора, Георгиевский кавалер, обладатель 8 боевых наград, он прошел путь от корнета до подполковника 5-го Гусарского Александрийского полка, служил полковником, командиром полка в армии первой Армянской республики, а в советское время стал командиром 16-го стрелкового корпуса РККА. Будучи единственным беспартийным комкором в Красной Армии, он был незаконно репрессирован как «участник военно-фашистского заговора» и приговорен к расстрелу в октябре 1937 г.

Были в роду также и промышленники, владельцы фабрик и поместий, деятели культуры, представители других профессий. Крупный бакинский промышленник *Амбарцум Мелик-Шахназаров* был близок к семье императора Николая II, принимал активное участие в организации празднования 300-летия Дома Романовых. *Аршак (Мелик-) Шахназаров* в 1917 г. был товарищем (заместителем) министра земледелия России.

В Карабахе многие представители рода были известны как передовые интеллигенты. Писатель *Константин Мелик-Шахназарян* первым стал публиковать статьи и книги на карабахском диалекте армянского языка.

В силу своих занятий многочисленные потомки рода рассеиваются по крупным городам Закавказья, а многие отставные военные – и по другим городам Российской империи.

В 1918–20 гг. Нагорный Карабах противостоял навязанной ему агрессии со стороны Азербайджана. В это время ряд представителей рода Мелик-Шахназарянов занимали важные посты как в Национальном Совете, так и в вооруженных силах края. Одним из руководителей Национального Совета был *Аслан Шахназаров*; обороной Варанды командовал *Сократ-бек Мелик-Шахназаров* и т.д.

После гибели в марте 1920 г. города Шуши и последующей советизации края, насильственно включенного в состав Азербайджанской ССР, произошло еще большее рассеяние рода, многие члены которого были вынуждены покинуть Карабах, а то и пределы

бывшей Российской империи, опасаясь репрессий. Оставшиеся в крае вынужденно отбросили дворянскую приставку «мелик». Известно, например, что бывший в 1960-х гг. первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома *компартии* Николай Шахназаров принадлежал к роду Мелик-Шахназарянов.

Ныне Мелик-Шахназаряны в большинстве своем проживают в России, Армении; отдельные представители рода – в Нагорном Карабахе и США.

Из эмигрировавших на Запад упомянем Завена Мелик-Шахназарова, в 1930–1940 гг. известного певца американской «Метрополитэн-опера»; его брат, и ныне проживающий в Нью-Йорке, 86-летний Сос Мелик является известным в США художником-портретистом; многие десятки его картин находятся в крупнейших музеях страны.

О петербургской ветви сегодня ничего не известно, хотя в 1913 г. справочник «Весь Петербург» указывал на наличие в городе около десятка представителей этого рода. Проживавшие в Баку покинули город после известных событий 1988–90-х гг. Тбилисские представители рода частично переехали в предыдущие десятилетия в Россию и Армению, частично проживают в Грузии; сведений о последних крайне мало.

В советское время представители рода известны в таких отраслях, как наука, военная промышленность, нефтехимия, пути сообщения, культура и искусство, дипломатия, журналистика. Отец одного из докладчиков Ашот Зарэвич Мелик-Шахназаров – Чрезвычайный и Полномочный Посол, в настоящее время живет и работает в Ереване – посол по особым поручениям МИД Республики Армения.

В Москве проживает немало представителей рода, некоторые из них значатся по документам как Шахназаровы. Георгий (Мелик-) Шахназаров – член-кор. РАН, писатель, политолог (был помощником М. С. Горбачева), его сын Карен Шахназаров – известный кинорежиссер; ныне – директор киностудии «Мосфильм». В нефтехимии был известен покойный профессор Александр Михайлович Мелик-Шахназаров; Армен Гургенович Мелик-Шахназаров – генерал КГБ в отставке, преподаватель-языковед; Жан Зарэвич Мелик-Шахназаров – полковник в отставке, в прошлом – следователь по особо важным делам МВД СССР и др.

ХАНЫ КАРАБАХСКИЕ И КНЯЗЬЯ УЦМИЕВЫ

Ханы Карабахские принадлежали к роду Джаваншир, с середины XVI в. наследственно управлявшему объединением племен «Отуз ики» (32 племени) в одноименном округе Карабаха, подчиняясь карабахско-гянджинским беглярбекам. В 1747 г., после смерти Надир-шаха Афшара и фактического распада его империи, глава рода Джаваншир – Панахали-бек, подчинив своей власти весь Карабах к югу от Гянджи, основал независимое Карабахское ханство, а в 1748 г. от нового шаха Адила получил наследственный титул хана. В начале 50-х гг. XVIII в. Панахали-хан на развалинах старой крепости, разрушенной до основания еще монголами, построив новые стены и укрепления, перенес столицу ханства в основанную им крепость Шушу, которая первое время в честь своего основателя называлась Панахабадом. Вскоре Шуша превратилась в один из крупных ремесленных и торговых центров северного Азербайджана, а в XIX столетии становится одним из его культурных центров. Шуша является родиной таких деятелей азербайджанской культуры, как Узеир Гаджибеков, Бюль-Бюль, Фикрет Амиров, и многих других. Именно в Шуше в 1832 г. в семье последнего владельца Карабаха, генерал-майора русской службы Мехди-Кули-хана Джаваншира, родилась известная азербайджанская поэтесса, художница, общественный деятель XIX столетия *Хуршидбану-бейм Джаваншир* (1832–1897), более известная под именем *Натаван* – «последняя ханша Карабаха», как называли ее во многих русских источниках того времени. В Шуше она познакомилась и вышла замуж за видного представителя дагестанской кумыкской аристократии генерал-майора (с 1862) *кн. Гасан Уцмиева* (1808–1867).

Кумыкский княжеский род *Уцмиевых* является ветвью Казикумукского шамхальского дома, возводящего свое происхождение к пророку Мухаммеду. Во второй половине XVI в. после смерти *шамхала Сурхая* (Чопан-шамхал) и фактического распада Казикумукского шамхальства его сын *Султан-Мут*, рожденный от кабардинки из рода Анзоровых, утвердился в Засулакской Кумыкии. От его двух сыновей шамхала Айдемира (?–1641) и Казаналипа происходят все кумыкские княжеские фамилии – *Айдемировы*, *Казаналиповы*, *Каплановы*, *Темировы*, *Уцмиевы*, *Эльдаровы* и др.

От брака кн. Хасая Уцмиева с Хуршидбану-беим Натаван родилось двое детей – сын *Мехди-Кули-хан* (1855–1900), названный в честь своего деда – последнего хана Карабахского, и дочь *Фатма-бике* (1856–1921). Кн. *Мехди-Кули-хан Уцмиев*, как и его отец, служил в русской армии. Он скончался в Тифлисе в чине подполковника и был похоронен в Агдаме на родовом кладбище ханов Карабахских. Князь Уцмиев оставил после себя сборник стихов на азербайджанском языке. Он являлся также попечителем Шушинского русско-азербайджанского училища, был инициатором открытия в Шуше азербайджанской читальни. Его сестра княжна *Фатма-бике*, которая также увлекалась поэзией, вышла замуж за Аманулла-хана Нахичеванского, представителя древнего рода Кенгерли. От этого брака происходит самая многочисленная ветвь потомства кн. Хасая Уцмиева и Хуршидбану-беим Натаван по женской линии.

Сын Мехди-Кули-хана Уцмиева – кн. *Хасай-хан Уцмиев* (1881–1925), научный работник, заведующий историко-этнографическим отделом Азербайджанского государственного музея, скончался во время лечения во Владикавказе. Со смертью в 1993 г. в Москве его старшего сына кн. *Мехди-хана Уцмиева* (1906–1993), члена Союза архитекторов СССР, главного архитектора проекта мастерской (1961–1969) им. академика В. А. Веснина, пресеклась старшая линия рода князей Уцмиевых – потомков кн. Хасая Уцмиева и Хуршидбану-беим Натаван.

Д. А. Гулордава
Москва

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В ГЕРБАХ ГРУЗИНСКИХ КНЯЗЕЙ

В гербах грузинских князей, так же как и в гербах других представителей европейского дворянства, нередко встречаются фигуры, символизирующие легендарное происхождение, или иные, достоверно не подтверждаемые, факты, связанные с историей рода.

Наиболее характерным примером «легендарного» герба можно назвать герб царской династии Грузии – Багратиони. В их гербах всегда присутствуют эмблемы, напоминающие об их легендарном предке – библейском царе Давиде: лира царя псалмопевца и его праща, из которой он поразил Голиафа.

Весьма интересен также с этой точки зрения герб князей Амилахвари. В тех или иных вариантах (а всего их 13) герба этого рода непременно содержится фигура, символизирующая самопожертвование предка князей Амилахвари – Иотама Зевдгенидзе, отдавшего свою жизнь, чтобы спасти царя Георгия VIII. В самых ранних вариантах (XVII–XVIII вв.) этот факт отражался просто – в виде фигуры человека, лежащего заколотым на кровати, а в более поздних вариантах это фигура пеликана, кормящего собственной кровью птенцов, – традиционный в геральдике символ самопожертвования; в конце XIX в. и в XX в. в гербах рода Амилахвари стала встречаться фигура ангела – символа святости, невинности.

Также интересен герб Аматауни, грузинских князей армянского происхождения. В их гербе изображена фигура разорванного льва, значение которой можно понять, лишь обратившись к легендарной родословной этого рода, зафиксированной еще в раннем средневековье, согласно легенде род Аматауни является потомком библейского героя Самсона.

Князя Сумбаташвили (Сумбатовы) возводили свою легендарную родословную к царям Малой Армении, отсюда в их гербе следующие фигуры: в первом поле – коронованный лев, охраняющий трон, во втором – взлетающий орел, в третьем – воинские доспехи, в четвертом – обернутый лев с булавой, а рядом – упавшие скипетр и держава как символ утраченного царского достоинства.

В гербе князей Андроникашвили (Андрониковых), согласно легенде считающихся потомками императоров Трапезунда из византийской династии Комненов, изображен двуглавый византийский орел и отплывающий парусник как символ переезда царевича Алексея Комнена в Грузию.

П. А. Кузьминов
Надьчик

ИЗ ИСТОРИИ РОДОСЛОВНОЙ КАЛМЫЦКИХ КНЯЗЕЙ ТЮМЕНЕВЫХ

Просматривая материалы Ставропольской Ученой Археографической комиссии, созданной в начале XX в., я встретил интересную роспись одного из виднейших калмыцких родов – Тюменевых, ко-

торая, безусловно, имеет важное значение для реконструкции истории калмыцкого народа.

С XVII в. кочевья калмыков в нижнем течении Дона и Волги оказываются в сфере деятельности российской администрации, но контакты эти носят эпизодический характер. Екатерина II, пытаясь укрепить влияние России на юго-востоке, предпринимает попытку ограничить власть хана, реформировать «зарго», куда предполагалось ввести представителей всех улусов и решения его сделать обязательными для хана. Недовольный нажимом генерала Медема, хан Убаши увел в Китай около 170 тыс. калмыков. В России осталась калмыцкая орда, насчитывавшая 5000 кибиток, или около 20 тыс. человек, которая была подчинена российской администрации. Звание хана было уничтожено. Владельцы каждого из трех оставшихся улусов: торгоутовского, дербетовского и хошоутовского – были поставлены в полную независимость один от другого, их компетенции был предоставлен лишь разбор частных дел и хозяйственное заведование родом; судебная власть была передана «зарго» из трех членов, представителей трех улусов, а высшее управление – экспедиции калмыцких дел российского правительства.

Исполняя предначертания Екатерины II, русские власти привлекали калмыцких нойонов и зайсангов на службу, поручали охрану кордонных постов на Кавказской линии, награждали их русскими чинами. Так, по представлению Григория Потемкина-Таврического в 1786 г. чином секунд-майора был награжден хошоутовский владетель Тюмень Джиргалан. Его сын – Сербеджан с 22 лет служил в армии, прославился в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и Отечественной войне 1812 г.

Выдающееся положение Сербеджана как главы рода, его военные отличия, богатство, внимание к нему местной русской власти – все это заставляло его играть роль главы всего калмыцкого народа, с одной стороны, получение княжеских титулов представителем владельческого сословия соседних народов – с другой, и наконец, свежесть преданий о потомках калмыцкого хана Дондук-Омбо, вызванных в Петербург и награжденных там княжеским титулом и огромными поместьями, заставили Сербеджана принимать расточаемое ему титулование княжеским именем, не сомневаясь в своей принадлежности к князьям Российской империи.

Служба его братьев в русской армии ускорила вопрос о княжеском достоинстве Тюменей или «Тюменевых», как стали теперь писать их родовое прозвание. Решение этой задачи выпало на долю младшего брата Сербеджана, штабс-ротмистра лейб-гвардии казачьего полка Батыр-Убаши Тюменева.

В феврале 1827 г. Батыр-Убаш подал прошение Николаю I о признании за ним княжеского титула, ссылаясь на свидетельство, данное торгоутовским и дербетовскими нойонами ему с братьями, о происхождении их от нойона Тюменя, и затем – на целый ряд грамот, указов и различных документов, в которых и он сам, и брат Сербеджан именовались князьями. Но Герольдия отказала в прошении.

В начале 1828 г. Батыр-Убаши подал новое всеподданнейшее прошение о дозволении именоваться князем, в котором изложил свои права и историю своего рода. «Древность монгольского племени известна по всеобщей истории; племена, имеющие одно с ними происхождение, вследствие междоусобий отделились от них, на именовались Ойрат и оставались из четырех соединившихся поколений: Хошот, Баргу-Бурат, Зюнгер и Торгоут. Торгоуты при хане Хорлуке, в 1630 г., в числе 50 тыс. кибиток откочевали к Волге, где в 1646 г. были приняты под покровительство России. Три калмыцкие орды, вступившие в Россию, управлялись своими владельцами и собственным своим уложением, постановленным в 1640 г. на всеобщем съезде ханов и владельцев. Законы сии, известные под названием прав монгольских и калмыцких народов, существуют доныне. На основании уложения, обычаев и обрядов калмыцкие племена издревле были подданными своим владельцам, коих право и власть над ними наследственно распространяются, и таковые владельцы именуются нойонами, что по переводу и достоинству означает князей. Множество народа, которым повелевает нойон, называется улус и разделен на участки, или аймаки, коими управляют дворяне, называемые зайсаги, чем самым доказывается, что в калмыцком народе нойоны суть князья, а зайсанги – дворяне». Но Правительствующий Сенат 4 октября 1829 г. вновь не признал за «нойоном» Тюменевым значения, равного князю, и отказал Батыр-Убаши в его ходатайстве.

Родословная Тюменевых

1. Нойон Хойд, Эки-Минганова рода, потомок джунгарского хана Эвган-Мергени, владел своим улусом в Джунгарии в первой половине XVIII в.

2. Нойон Деджито (Держид), вследствие междоусобий в Джунгарии, в 1756 г. с женой и родом своим вышел в Семипалатинскую крепость, объявив о желании войти в подданство России. Был принят ханом Дондук-Даши и умер в 1760 г. Женат на ого (княжне) Эльзо Оршихо; после смерти мужа вышла замуж за хошоутовского нойона Замьянга, который, с дозволения хана Дондук-Даши, усыновил ее маленького сына Тюменя.

3. Князь Тюмень Джиргаланг родился в гор. Тюмени, во время переселения родителей в Россию, откуда и получил свое имя; усыновлен вторым мужем матери Замьянгом, потомком младшего брата Чингисхана, Хабта-Хассара; унаследовал после Замьянга владение хошоутовским улусом; пожалован в секунд-майоры 20 мая 1786 г.; уволен от службы с производством в премьер-майоры 9 июля 1788 г.; умер после 1814 г., но до 1819 г.

4. Князь Сербеджан Тюменев родился в 1774 г., на службу поступил в 1796 г. в чине капитана; командовал пятисотенным калмыцким полком в войну 1807 г., за что получил золотую медаль на красной ленте; командир 2-го калмыцкого полка в 1811 г.; майор 15 ноября 1811 г.; получил золотую саблю 5 августа 1812 г.; орден Св. Владимира 4-й степени 18 апреля 1813 г.; орден Св. Георгия 4-й степени за взятие двух пушек у неприятеля 28 апреля 1814 г.; подполковник 24 декабря 1814 г.; получил прусский орден 18 июля 1816 г.; уволен полковником; за ним числилась 1000 кибиток в астраханском, енотаевском и красноярском уездах; умер в 1851 г.

5. Князь Батыр-Убаши Тюменев пожалован в поручики лейб-гвардии казачьего полка 18 июня 1822 г.; штабс-ротмистр в 1827 г.; ротмистр 1830 г.; умер от холеры во время польского похода 1831 г.

6. Князь Церен-Дундук Тюменев.

7. Князь Церен-Норбо Тюменев, штабс-ротмистр в отставке (1856).

В. П. Шишкин

Кисловодск

РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО В РАЗВИТИИ ТАЛАНТА

О великом художнике – передвижнике Н. А. Ярошенко опубликованы книги, мемуары, статьи, в которых освещена его творческая биография. Музей – дом Ярошенко в Кисловодске – является одним из почитаемых музеев Ставропольского края.

В школах, вузах, в соответствии с программами культурологического характера, освещаются основные вехи его жизни, анализируются произведения живописи. Безусловно, все эти меры способствуют популяризации его творчества. Вместе с тем нельзя не заметить досадный пробел в освоении историко-родословной характеристики, его «генеалогического древа».

Авторы научных исследований, например, В. Порудоминский с сожалением констатирует, что «едва ли не все личное применитель-

но к Ярошенко известно нам как общественное... недостает всего того, чему пристал эпитет «личный», «личное соображение», «личные интересы», «личная жизнь». Такой взгляд на Ярошенко, – подчеркивает он, – свойственен не только нам, потомкам, но и современникам художника, людям, близко его знавшим» (*Порудоминский В. Ярошенко. М., 1999. С. 4*)

Н. Рерих, посвятивший специальный труд памяти Ярошенко, отмечает те же мысли. В частности, он пишет, что в рисовальной школе Общества поощрения художников, которую достаточно долго посещал Ярошенко, мало кто знал его имя; его называли просто «артиллерийский офицер» (Там же. С. 5).

Между тем Ярошенко 37 лет провел на действительной военной службе, занимал солидные должности, выполнял важные поручения начальства; в 31 год стал полковником, вышел в запас генерал-майором, но современники почти ничего не знали о служебной его деятельности, кроме того, что он был артиллерийским офицером.

И если бы не вдова Ярошенко, которая сообщила несколько подробностей о военной службе мужа, и если бы не «послужной список полковника Ярошенко», сохранившийся в бумагах историка искусства Н. П. Собко, мы бы так и не узнали о 37 годах (из 52 прожитых) военной службы Ярошенко.

Такая скудная информация о личной жизни одного из выдающихся представителей творческой интеллигенции России не является случайным недоразумением, а есть характерная черта мышления профессионалов литераторов и журналистов не только советского периода, но и всей дореволюционной России.

Складывается такое впечатление, что личная жизнь человека, а тем более его родословная, лишена интереса для общества. Такое отношение к личности неизбежно вело к забвению генеалогических корней многих уважаемых людей, и вместе с тем общество утрачивало важные воспитательные элементы, серьезно ослабляя эффект одного из принципов научного исследования – преемственность поколений.

Представляется, что знание родословной семьи Ярошенко могло бы нам глубже разобраться в мотивах выбора жизненного пути, особенностях миропонимания его родителей, а главное – понять противоречивую суть окружающей среды, оказавшую решающее влияние на формирование его образа жизни. Поэтому немаловажным являлись бы наши знания о его родителях, предках. Но, к сожа-

лению, архивные материалы очень скудны и мы знаем лишь то, что его отец – отставной генерал – майор Александр Михайлович Ярошенко, и мать Любовь Васильевна жили в Полтаве, когда родился Николай Ярошенко, то все их помыслы были направлены на то, чтобы он стал военным. Сын выполнил волю родителей, как свидетельствуют архивные документы, он получил хорошее военное образование, окончил Михайловскую артиллерийскую академию в числе лучших, затем быстро поднимался по военно-иерархической лестнице.

Однако в душе он чувствовал себя художником и благодаря И. Н. Крамскому познал, наконец, истинное счастье – стал художником. Хотя он родился на Украине, однако вся его творческая жизнь прошла в городах России: в Санкт-Петербурге и, особенно, Кисловодске, где и скончался в 1898 г. Жизнь Н. А. Ярошенко – образец для подражания, в особенности для молодежи.

Вспоминаю любопытный случай из жизни Карачаево-Черкесского госпедуниверситета. Будучи ассистентом кафедры отечественной истории, мы с группой студентов были на экскурсии на Бермамыте. До сих пор помню ту жажду любознательности, которую проявили студенты к памяти выдающихся писателей, поэтов, историков, художников XIX в., побывавших на Бермамыте и затем запечатлевших виды Кавказских гор на живописных полотнах, а также в рукописях.

«Как здорово, – говорили студенты, – что мы стоим на том же месте, где находились Лермонтов, Ярошенко, Розанов и др. Мы дышим тем же воздухом, видим те же горы, ощущаем ту же таинственность, что и они».

Мне было очень интересно наблюдать за студентами, которые живо представляли то место на Бермамыте, где, по их расчету, должен был стоять Лермонтов, когда он писал картину «Вид на Эльбрус», или Ярошенко, писавший картину «Эльбрус в облаках». Так рождается этнографическая любознательность, которая затем перерождается в научный поиск исторического факта, события.

Безусловно, археологические раскопки важны для науки, но мне думается, что не менее важно и устное исследование жизни наших выдающихся предков. Разве не актуально сегодня знать, что лежало в основе дружеских связей двух оригинальных художников: русского – Ярошенко Н. А. и карачаевца – Ислама Крымшамхалова? К сожалению, родословная И. Крымшамхалова слабо изучена. О нем

нам известно то, что он являлся основоположником карачаевской литературы. Его перу принадлежат переводы басен Крылова, он любил музыку, живопись. Ислам Пашаевич Крымшамхалов был замечен Ярошенко, который помог ему поступить в Академию художеств. Дружба с ним постоянно крепла, творческие связи обогащали их. Ярошенко часто гостил в Теберде. Этот исторический факт, к сожалению, также не нашел обстоятельного освещения в литературе.

Не зная генеалогических корней выдающихся деятелей литературы, искусства, трудно представить хронологию исторических событий в деталях, понять мотивы выбора пути их деятельности, восстановить связь поколений и определить, в конечном счете, то звено в цепи событий, которое стало решающим в развитии их таланта.

Н. А. Ярошенко не только великий художник-передвижник, но и незаурядный общественный деятель, сумевший окружить себя плеядой выдающихся мыслителей. Его уважали Л. Толстой, Менделеев, Короленко, Нестеров, Достоевский, Павлов, Репин, Куинджи, Гаршин, Успенский. В кисловодской «белой вилле» – на даче Ярошенко – гостили Станиславский, Собинов, Шаляпин, Рахманинов, Хетагуров, Танеев, Савинова.

Такое представительное окружение не требует комментариев и свидетельствует, что Ярошенко действительно был крупной творческой личностью. И тем обиднее становится нам, современникам, констатировать пробелы в познании его генеалогического древа. Справедливо звучат слова доктора исторических наук, профессора А. И. Мусукаева: «История, – пишет он, – это не только формация, цивилизация, войны, но и люди – лица любой эпохи, их деяния, мысли, след на Земле.....» (*Мусукаев А. И. История, воспевающая память // Эльбрус. Нальчик, 1999. С. 6*)

Как правило, наши сведения о жизни замечательных людей простираются в масштабах страны, но углубляются лишь на одно-два поколения, и остаемся мы по-прежнему Иванами не помнящими родства своего.

Пока не увяла окончательно память о Н. А. Ярошенко в сознании горцев, с которыми ему приходилось встречаться в горах Кавказа, целесообразно чаще устраивать вечера воспоминаний, отмечать юбилеи, организовывать научные конференции, проводить экскурсии по маршрутам его творческого пути.

ЛЮДИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ

Страна, в которой мы живем, всегда была страной многих народов. Взаимное проникновение культур, смешанные браки были обычным явлением как в России, в Советском Союзе, так и в нынешней Российской Федерации. Исследования и поиски в архивах, библиотеках и других источниках дали возможность познакомиться со многими поколениями нашей многонациональной семьи, стоящими на разных ступенях общественной жизни – от крестьян до дворян и князей. Военные и служащие, рабочие и землепашцы, врачи и педагоги, музыканты и художники. Армяне и абхазцы, русские, грузины и мингрелы создавали семейные очаги, проходили через различные испытания и продолжали поддерживать огонь очага. Память о многих хранят могилы на различных кладбищах, некоторые ушли в неизвестность. Память людская, документы, книги позволяют воссоздать картину жизни наших предков.

Предлагается несколько фрагментов из жизни отдельных представителей фамилий, которые вошли в родословную нашей семьи.

Азир. XVIII век. Трудные времена переживает Карабах: война, засуха, эпидемии. Население Карабаха покидает свои дома и переселяется в разные страны. Часть армян переселилась в Грузию. По указанию Павла I царь Грузии выделил для них землю под Тифлисом в Борчалинском уезде.

В 1845 г. в семье потомка переселенцев Давида Абраамяна и его жены Тамары Кандарели родился сын, которому дали имя Абраам. В 15 лет его устроили в лавку в Тифлисе. Тифлис являлся крупным культурным центром Закавказья. Популярны в народе были ашуги – поэты, певцы, композиторы. Абраам стал большим поклонником ашугов, сам стал сочинять стихи, музыку и исполнять их. В городе часто устраивались состязания ашугов. В одном из них участвовал Абраам. Диалог происходил в стихах, и тот из ашугов, который не смог ответить стихами, считался побежденным. Абраам победил ашуга из Персии, и тот воскликнул «Сан-азирсан!» («Ты всегда готов!»). Кличка Азир закрепилась за Абраамом. Так родился ашуг Азир.

Все больше и больше возрастала популярность Азира. Он писал на армянском и грузинском языках. Выходили его сборники стихов,

выпускались пластинки с его песнями. Азир стал устабашем амкара (руководитель цеха) ашугов и принес много добра людям. Его учениками были представители многих национальностей Кавказа: армяне, грузины, татары, греки, гурийцы, курды и многие другие. Он был руководителем народного вокально-инструментального ансамбля (сазандара). Любимым его инструментом была дайра (бубен).

Азир высоко ценил и любил своего предшественника, прославленного Саят-Нова. Он боготворил великого грузинского поэта Акакия Церетели. Азир впервые распространил знаменитое «Сулико» Акакия по всем городам и селам Грузии.

Стихи Азира, сладкозвучные и певучие, опьяняли, но могли звучать резко и горько. Он очень любил свою родину и сочинял патриотические стихи. Первым из тифлисских поэтов Азир воспел «угнетенного» и «трудящегося». Он верил, что его стихи разойдутся по стране. Его афоризмы стали народной мудростью.

Умер Азир в 1922 г. На его могиле, на маленьком участке сохранившегося армянского кладбища Тбилиси, есть скромная надпись: «АЗИР. 1848–1922».

Народный поэт Грузии Иосиф Гришашвили писал об Азире: «Это была чистая, крайне скромная, обаятельная, жизнерадостная, общительная личность... О, да, этот человек с его тбилиским темпераментом, несомненно, фантастическая фигура. Много воды протечет под Авлабарским мостом, а Тбилиси не родит такого ашуга. Умер Азир, и закрылись те врата, откуда, словно караваны, выходили ашуги. Умер Азир, и замутился тот родник, под струями которого расчесывала локоны богема старого Тбилиси...»

Эшба. В 1893 г. в Абхазии, в деревне Бедия, в обедневшей дворянской семье Алексея Эшба и Марты Апакидзе родился сын Ефрем. Из четырех братьев он один был принят в число воспитанников Сухумской горской школы. Затем с отличием закончил русскую гимназию в Тифлисе. В гимназии Ефрем стал интересоваться марксистской литературой. В 1913 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, где продолжил свою революционную деятельность, вступил в социал-демократическую группу. В 1916 г. группа студентов была арестована и заключена в Таганскую тюрьму по обвинению в подготовке «ниспровержения насильственным образом существующего в России государственного строя и созыва Учредительного собрания для установления в ней демокра-

тической республиканской формы правления...». Воспользовавшись 24-часовой свободой, Ефрем в ту же ночь выехал на Кавказ. В Абхазии оставаться было нельзя, и он едет в Трапезунд, а затем под чужой фамилией – в Батум, где ведет пропагандистскую работу. В первые же дни революции Е. Эшба переезжает в Сухум, где его избирают председателем сухумского окружкома РСДРП. В апреле 1918 г. в Абхазии произошло вооруженное восстание и власть перешла в руки революционеров. Председателем Военно-революционного комитета стал Е. Эшба. Но восстание было подавлено и повстанцы вынуждены были отступить на Северный Кавказ. Эшба стал комиссаром по горским делам и членом ЦИК Северо-Кавказской республики. В 1919 г. он вел подпольную работу на Кавказе в качестве члена Кавказского крайкома партии, работал в Чечне, в Баку и Тифлисе. В конце 1919 г. Эшба был арестован в Тифлисе и помещен в Метехскую тюрьму. В 1920 г. он был выменен Советским правительством и избран зам. председателя Краснодарского окружкома. 4 марта 1921 г. в Абхазии власть перешла в руки большевиков. Восстанием руководил ревком во главе с Е. Эшба.

В 1922 г. Ефрем женился на Марии Владимировне Щигровской – дочери русского генерала, мать которой происходила из рода князей Шаликашвили. После учебы в Комакадемии в 1924 г. Эшба начинал работать в Наркомторге СССР и был направлен в Лондон в составе торгового представительства. Через год Эшба и ряд других сотрудников торгпредства были высланы из Англии. Их обвинили во вмешательстве в дела внутренней политической жизни страны. Эшба направляют на работу Грозный, избирают секретарем Чеченского оргбюро и членом Северо-Кавказского крайкома партии. Эшба критикует курс, взятый партией в отношении руководства народами Северного Кавказа, на партийных конференциях в Грозном и Ростове выступает с обвинениями в адрес руководства партии. Во время работы XV съезда ВКП(б) в 1927 г. Е. Эшба подписывает заявление 121 деятеля оппозиции, за что его исключают из партии, но через год он в партии был восстановлен и направлен по линии «Амторга» в Нью-Йорк.

С 1930 г. он работал в Наркомвнешторге и Наркомтяжпроме. В эти годы Эшба пишет книгу, посвященную Кавказской войне (издавалась три раза).

В 1936 г. Эшба был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и сослан на Колыму. Через год его этапировали в Москву и предъявляют новое сфабрикованное обвинение, приписывая организацию и руководство повстанческой организацией в Чечне и подготовку вооруженного восстания и свержение советской власти. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Эшба к высшей мере наказания. На следующий день он был расстрелян; реабилитирован в 1956 г.

Память о нем сохранилась в названиях улиц, школы. В центре Сухуми стоит памятник Е. А. Эшба, выполненный его дочерью Мариной.

Известный писатель и публицист Авторханов писал: «Ефрем Эшба, абхазец по национальности, был человеком благородной души и исключительного обаяния, он был из немногих по-европейски образованных кавказцев, которого в ряды революционеров привели идеалы гуманизма...»

Шаликовы (Шаликашвили). Колыбелью рода является Месхетия, историческая область в Южной Грузии. Род этот был удостоен княжеского достоинства в начале XVIII в. Большая часть мужчин этого рода посвятили себя воинской службе. В числе прочих в XIX в. в русской армии служили три брата Шаликовых – князья Семен, Иван и Николай Иосифовичи. Время их службы пришлось на период многолетней Кавказской войны 1817–1864 гг., русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

Князь Семен (род. 1811) прослужил в армии 35 лет. Участвовал в русско-турецкой войне, штурме Карса, Ахалкалаки, Ахалциха, в походах на Ардаган и Эрзерум. С 1830 г. был участником Кавказской войны. Ему пришлось воевать против Шамиля, Хаджи-Мурата и других руководителей горцев. В 1859 г. получил звание генерала, был начальником правого фланга лезгинского кордона, а с 1860 г. военным начальником Верхнего Дагестана. Награжден георгиевским оружием и многими орденами, в том числе орденом Св. Георгия. Погиб в бою в возрасте 52 лет.

Второй брат – князь Иван (род. 1813) прослужил в армии свыше 30 лет. Участвовал в Кавказской войне и в турецкой кампании во время Крымской войны. Командовал Крымским полком Отдельного Кавказского корпуса. В 1860 г. получил чин генерал-майора, а через два года – генерал-лейтенанта. Скончался от ранений в возрасте

53 лет. Он также был награжден многими орденами, в том числе георгиевским оружием и орденом Св. Георгия. Был женат на княжне Дарье Чавчавадзе, братья которой князья Захарий и Арчил также были боевыми генералами.

Третий брат – князь Николай (род. 1815) также участвовал в боях. За дуэль был подвергнут суду, дослужился до чина майора. После 1854 г. следы его исчезают. Возможно, он сложил свою голову в бою.

В семье князя Ивана Шаликова было шестеро детей. Его правнуки Джозеф (Иосиф) и Джон (Иван) стали генералами армии США. Джон был участником вьетнамской войны. В 1991 г. командовал операцией по спасению курдских беженцев в Ираке во время войны в Персидском заливе. С 1992 г. – командующий вооруженными силами НАТО в Европе. В 1993 г. назначен на пост председателя Комитета начальников штабов армии США. С этого поста он ушел на пенсию.

Щигровские. Владимир Иванович Щигровский родился в 1859 г. Начал службу в лейб-гвардии Московском полку, затем служил во 2-й пехотной дивизии. В 1894 г. был назначен и.о. помощника начальника Казикумухского округа Дагестана, а вскоре стал начальником этого округа. Долгие годы, до 1917 г., В. И. Щигровский служил на Кавказе. В 1906 г. попал под следствие по обвинению в преступлениях по службе, но в 1912 г. был полностью оправдан с зачетом ему в действительную службу времени нахождения под следствием. Назначен штаб-офицером для особых поручений при наместнике на Кавказа, в 1914 г. произведен в генералы с назначением генералом по особым поручениям при Главнокомандующем войск Кавказского военного округа.

Умер В. И. Щигровский от болезней в марте 1917 г. Был женат на княжне Елизавете Шаликовой (дочери упоминавшегося выше князя Ивана). Потомки его проживают в России, странах СНГ и за границей. Одна из дочерей В. И. Щигровского – Мария была замужем за Ефремом Эшба (см. выше).

Дочь Ефрема и Марии Эшба – Марина, скульптор, заслуженный деятель искусств. Вторая дочь – Елизавета, в замужестве Абрамян, была преподавателем английского языка. Сын Елизаветы и Абрека Абрамян – Виктор, скрипач, женат на Наталии Кузнецовой.

КНЯЗЬЯ ТУРКЕСТАНОВЫ

(Русская ветвь)

Туркестановы (до середины XIX в. – *Туркистановы*, в Грузии первоначально *Туркистанишвили*, затем *Туркестанишвили*) – грузинский княжеский и дворянский род. Царевич Иоанн Багратиони в своем сочинении, посвященном происхождению тавадских и азнаурских родов, пишет, что предки дворян Туркестанишвили пришли из Туркестана (потомками выходцев из Туркестана он называет и князей Ксанского эриставства), поселились в Сомхити (южной части Картли, граничащей с Арменией), «и получили звание азнауров второй степени, и служили их предки при царице Тамар в 1202 г. после рождения Христова и с того времени до настоящего дня являются первыми азнаурами в Сомхити». Семейное предание, сохранившееся до наших дней в кахетинской (дворянской) семье Туркестанишвили, называет их предком турецкого посла, пожелавшего остаться в Грузии. Видимо, эта легенда должна была объяснить фамилию семьи (Туркистан, Туркестан – это «страна турок»), Туркистанишвили можно перевести «сын страны турок»).

Род Туркистанишвили документально известен в Южной Грузии уже в конце XV–начале XVI в. Их родовые владения соседствовали с владениями князей Бараташвили и Солагашвили (ветвь рода Бараташвили). В некоторых современных работах по грузинской ономастике утверждается, что Туркестанишвили являются ветвью рода Бараташвили.

Возможно, к этому роду принадлежал азнаур *Иване Туркиашвили*, упоминаемый как свидетель в одном из документов Давида Качибадзе (из рода Бараташвили) между 1466 и 1479 гг. Первая известная нам грамота, где Туркистанишвили упоминаются в качестве свидетелей раздела имений Бараташвили, датируется 1493–1523 гг., а грамота царя Луарсаба I (между 1527 и 1556 гг.) запрещает Бараташвили при разделе владений вторгаться во владения Туркистанишвили.

Туркистан и дети его *Георгий*, *Эстате* (*Евстафий*) и *Захарий* Туркистанишвили в 1558 г. продали Иессе Солагашвили и его сыновьям Шалве, Ивану и Шермазану часть своего имения Мухано на р. Хеви, прилегавшую к владениям Солагашвили. По всей вероятно-

сти, именно от них происходят известные позже представители этой фамилии, владевшие имением Мухати по соседству с владениями тех же князей Солагашвили.

Многочисленные упоминания о Туркистанишвили в Картли относятся к концу XVI–XVII вв. Один из них в детстве воспитывался при дворе вместе с будущим царем Грузии Симоном I (1556–1562, 1578–1600), отличился в 1590 г. в битве с царевичем Ростомом.

Другой Туркистанишвили был приближенным Ростом I. Когда в 1635 г. царь приказал арагвскому эриставу Датуне прибыть к себе или отправиться к шаху в Иран и эристав не послушался приказа, «послал к нему Габашвили и Туркистанишвили и велел убить Датуну по прежнему замыслу и привезти его голову. И пришедшие выполнили приказ в Душети и поднесли голову его».

Тамаз Туркистанишвили упоминается во время похода царя Вахтанга V Шахнаваза и его сына царевича Арчила против кахетинского царевича Ираклия и поддерживавших его тушинцев в 1664 г. Когда царь отпустил большую часть своих войск, Ираклий с кахетинцами и тушинцами ночью напал на царский лагерь. Во время этого нападения, как пишет царевич Вахушти, «бесчестил царя туши один мерзко, выскочил за это Тамаз Туркистанишвили, сразился, убил его и голову поднес царю». С рассветом нападавшие бежали, но войска царя догнали их и истребили; в результате Вахтанг V утвердил свою власть и в Кахети.

Давид Туркистанишвили, монах, искусный дипломат, в 1685 г. вместе с архимандритом Лаврентием (впоследствии настоятель Донского монастыря в Москве) был послан царем Грузии Георгием XI в Россию к находившемуся там царю Арчилу, «чтобы возвратился он, [...] так как желали его царем кахи и имеры». В Дагестане монахи были схвачены шамхалом Тарковским. Освободиться из плена послам помогло врачебное искусство Давида Туркистанишвили, который приготовил лекарство, избавившее шамхала от изнурительной болезни. Как пишет царевич Вахушти, «за это полюбил шамхал Давида и называл его сыном. Взамен выпросил у шамхала Давид разрешение и отправил в Россию того, второго старца и подружил шамхала с царем Георгием, и оставался Давид у шамхала до прибытия Арчила». После возвращения царя Арчила из России Давид с согласия шамхала встретил его в Черкезети и с большими дарами был отправлен послом к крымскому хану. Шамхал помог ему благополучно добраться до Крыма. Хан поддержал Арчила при

султанском дворе, и Давид поехал в Стамбул, откуда вернулся вместе с турецким чиновником – капучи, чтобы спросить имеретинцев, кого они хотят на царство, своего прежнего царя Александра IV или Арчила. В результате трон Имерети занял Арчил, которому султан прислал в знак своей благосклонности саблю и халат. Когда же царь Арчил в 1699 г. должен был вновь уехать в Россию, Давид Туркистанишвили сопровождал его в Москву. Живя в Москве (очевидно, в Донском монастыре), он занимался литературными трудами; был переписчиком одного из наиболее ранних сборников стихотворений царя-поэта Арчила – «Арчилиани» (1705–1706).

Конец XVII–начало XVIII в. – период наибольшего влияния рода Туркистанишвили. Они играют видную роль при дворе Арчила, одновременно занимают в Картли при Вахтанге VI в 1724 г. высшие придворные должности (в том числе обер-казначея, обер-камергера). Княжеское достоинство было утверждено за этой семьей (возможно, лишь некоторыми ветвями) не позже первой четверти XVIII в. Но весьма вероятно, что титул тавадов они получили первоначально от имеретинского царя Арчила (которому эта семья оказала в конце XVII в. большие услуги). В этом случае Вахтанг VI мог подтвердить акт своего дяди Арчила или распространить его действие на другие (возможно, лишь некоторые) карталинские ветви рода.

Сохраняя верность Грузинскому (Мухранскому) Царскому Дому, наиболее видные представители рода покинули Картли, а оставшиеся при новой (кахетинской) династии не смогли утвердить за собой титул тавадов (хотя и некоторые из них титуловались князьями, приезжая в Россию). В списке грузинских родов, приложенном к Георгиевскому трактату 1783 г., царь Ираклий II называет Туркистанишвили (Туркистанишвили) в числе царских дворян (азнауров, служивших непосредственно царю). Но княжеский титул сохранялся в нескольких других ветвях рода, переселившихся в первой четверти XVIII в. в Россию и принятых в числе других грузинских князей на русскую службу.

В княжеском достоинстве Российской империи было окончательно утверждено только потомство *кн. Бориса Панкратьевича (Багратовича) Туркистанова*. Он был племянником упоминавшегося выше архимандрита Лаврентия, служил при московском дворе царевны Дарьи Арчиловны и сыграл видную роль в переговорах Петра I с Вахтангом VI в 1722–1724 гг., в результате которых царь с

многочисленной свитой (в том числе и несколькими князьями Туркистановыми) выехал в Россию.

Четыре сына кн. Бориса Панкратьевича, впоследствии подполковника русской службы, избрали военную карьеру; но двое затем перешли на гражданскую службу. Старший сын, *кн. Михаил Борисович* (?–1791), кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст., дослужился до чина бригадира, второй, *кн. Василий*, майор, затем коллежский советник (1729–1803), чья первая жена была убита пугачевцами после взятия ими Алатыря. Третий, генерал-майор *кн. Егор* (1730–1795), кавалер ордена Св. Владимира 4-й ст., был членом Военной коллегии и генерал-контролером, четвертый, *кн. Илья* (1736–1788), секунд-майор, затем коллежский советник, был председателем Московского верхнего надворного суда. Его дочь *кнж. Варвара* (1775–1819), фрейлина, постоянно находившаяся при императрице Марии Федоровне, известна своим трагическим романом с императором Александром I; родив дочь Марию (1819–1843), княжна Варвара Ильинична покончила жизнь самоубийством (девочку взял на воспитание один из друзей императора, кн. В. С. Голицын).

Кн. Николай (1782–1866), сын кн. Василия Борисовича Туркистанова от второго брака со смоленской дворянкой Евфимией (Анной) Алексеевной Дуниной (выпускницей Смольного института), был камер-пажом, в 1803 г. произведен в прапорщики л.-гв. Егерского батальона. «В воздаяние отличной храбрости» при Аустерлице пожалован орденом Св. Анны на шпагу; в 1807 г. участник сражений с французами в Пруссии под Гутштадтом, где был ранен картечью в правую ногу; за «оказанную храбрость» награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом. По болезни уволен от службы с чином гвардии капитана (1808) и поселился в своих смоленских имениях. Женат на Екатерине Федоровне Лыкошиной (1803–1840), дочери смоленского губернского предводителя дворянства. В 1861 г. за ним числилось 50 душ в Смоленской, 250 – в Рязанской, 300 – во Владимирской и 260 – в Ярославской губерниях, всего 1310 душ. Высочайше утвержденным 18 июня 1856 г. мнением Государственного Совета *кн. Николай Васильевич* и его дети *кн. Федор, Иван, Петр, Александр и Георгий* и дочери *кнж. Софья и Евдокия Туркистановы* были окончательно признаны в княжеском достоинстве Российской империи.

Из них *кн. Петр Николаевич* (1830–1891) с женой Варварой Александровной (1834–1913), урожденной Нарышкиной, детьми

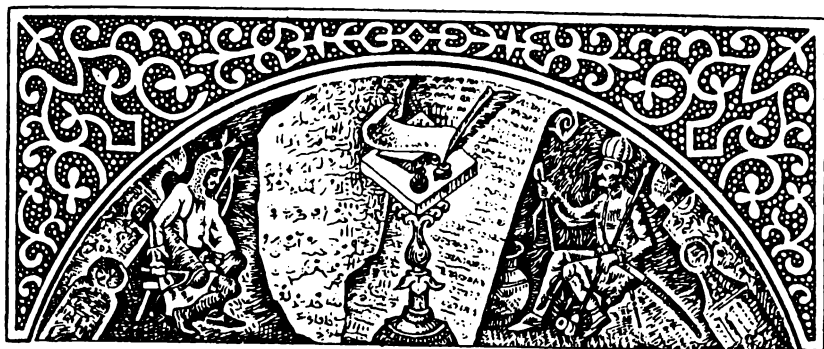
кнж. *Екатериной* (1858–1920), в замужестве Бутурлиной, кн. *Борисом* (1861–1934), кн. *Александром* (1861–1920), кн. *Иваном* (1866–1913), кн. *Дмитрием* (1869–?) и кн. *Сергеем* (1873–1914) был внесен также в V часть родословной книги Московской губернии, в которую впоследствии были внесены также его внуки кнж. *Мария*, кнж. *Варвара*, кн. *Борис* (кавалер солдатского Георгиевского креста, ок. 1919 г. погибший в армии Деникина в чине штабс-капитана) и кн. *Петр Александровичи*, кнж. *Юлия*, кнж. *Ольга* и кн. *Александр Ивановичи*; все они именуются уже *Туркестановыми*.

Наиболее известным представителем рода в XX в. был князь Борис Петрович, в монашестве Трифон, епископ Дмитровский, затем архиепископ и митрополит. Стоит упомянуть, что в 1890 г., в бытность иеромонахом, Трифон был направлен в миссионерское Осетинское духовное училище во Владикавказ на должность учителя и надзирателя (но преподавал он там только несколько месяцев). В период так называемого обновленчества владыка Трифон оставался неизменно верен Патриаршему престолу, отвергал какие-либо компромиссы с обновленческими группировками. Пользовался в церковных кругах большим авторитетом и – случай уникальный – уже на покое был в 1923 г. возведен патриархом Тихоном в сан архиепископа. Патриарх Тихон любил преосвященного Трифона и часто служил с ним вместе. Когда в 1925 г. патриарх скончался, Трифон произнес слово на его отпевании. 14 июля 1931 г. посвящен в сан митрополита.

Владыка Трифон стал одним из главных героев незавершенной картины А.А. Корина «Реквием» (более известной под названием «Русь уходящая»), изображающей литургию в Успенском соборе с участием первоиерархов Русской православной церкви. Портрет его написан в 1929 г. На эскизе картины маленькая фигурка Трифона в ярко-красном пасхальном облачении является стержнем многофигурной композиции.

Породнившись с русскими дворянскими родами (уже во втором поколении, во второй половине XVIII в.), род князей Туркестановых, как и большинство остальных потомков грузинских эмигрантов петровской эпохи, совершенно обрусел. Но они сохраняли традиции своего происхождения и уже в недавнее время возобновили контакты с дальними родственниками в Грузии – дворянами Туркестанишвили.

По прямой мужской линии род князей Туркестановых в настоящее время имеет лишь одного мужского представителя, и существует возможность в будущем передачи их титула по женской линии. В настоящее время эту фамилию, соединенную с фамилией отца (с 1999 г.), носит также сын *кнж. Ольги Александровны Туркестановой* (правнучатой племянницы владыки Трифона, внушки упоминавшегося выше *кн. Петра Александровича*, в семье известного под прозвищем Петроний; высланный из Москвы в 1920-е гг., он много лет работал на Севере, как и его сын *кн. Александр Петрович*, выпускник МАДИ, отец *кнж. Ольги*) – *Федор Станиславович Туркестанов-Думин (род. 1983)*, студент Московского государственного университета геодезии и картографии.

ПРИЧАСТНЫЕ К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

*А. А. Максидов
Нальчик*

КАСОЖСКИЙ КНЯЗЬ РЕДЕДЯ: РЕАЛЬНОСТИ ЛЕТОПИСНОГО СЮЖЕТА

В истории средневековой Черкесии важное место занимают отношения со славянским миром, и в первую очередь с Киевской Русью. Восточнославянские племена объединились в единое государственное образование со столицей в Киеве на рубеже IX–X веков. Русские князья согласно «Повести временных лет» (1113) были варяжского происхождения. Большинство российских и зарубежных историков считают, что под варягами имелись в виду воины из Скандинавии – викинги.

Киевские князья проводили активную внешнюю политику. В первой половине X века русские князья совершили ряд походов в Закавказье и на Каспий. В 965 году Святослав сокрушил Хазарский каганат. В следующем году он появляется на берегах Керченского пролива, где в его армию вливаются значительные контингенты касогов и ясов. К этому же периоду большинство специалистов относит появление на Таманском полуострове поселения русов. До их появления здесь, на Тамани, имелось значительное торговое поселение византийцев – так называемая Таматарха. Считается, что русское название Тмутаракани и есть византийская Таматарха. В летописях говорится, что Тмутаракань являлась самостоятельным русским княжеством, в котором правили потомки Рюрика. В 1015 году

киевский великий князь Владимир Святославич оставил Тмутаракань в качестве наследственного удела своему сыну Мстиславу. Здесь и начинается история соперничества Мстислава и касожского князя Редеди, о котором подробно повествует русская летопись. Получив княжение в 1015 году, Мстислав отправился в Тмутаракань лишь через семь лет – в 1022 году. Причем его прибытие туда, по сути, стало масштабной военной акцией. Дело в том, что в период с 965 года по 1022 год власть киевских правителей здесь была номинальной: городом фактически управляли касоги. Византийские историки этого периода даже не упоминают о какой-либо политической или экономической связи Таматархи с Киевом. Напротив, у византийских летописцев Таматарха фигурирует как зихский (то есть касожский) город, как центр одной из трех зихских епархий.

Под 1022 годом «Повесть временных лет» сообщает о походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов и приведении их в зависимость. Здесь дается подробное описание поединка Мстислава с касожским князем Редедей. «В год 6530. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Не сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватил нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь святой богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани».

Уже на следующий год, т.е. в 1023 году, касоги при поддержке ясов вновь заняли Таматарху. Мстислав в это время находился в своей столице, Чернигове, и был всецело поглощен борьбой со своим старшим братом Ярославом, занимавшим великокняжеский престол в Киеве. В 1023 году под Лиственем (недалеко от Чернигова) в битве между Ярославом и Мстиславом касоги сражались на стороне Мстислава: «Поиде Мстислав с козары и с косаги на великого князя

Ярослава». В этом сражении на стороне Ярослава Мудрого сражался значительный контингент скандинавских наемников, но победу одержала дружина Мстислава Тмутараканского. Известный русский историк Георгий Вернадский отмечал, что «касоги составляли важный элемент в дружине Мстислава, и он поселил некоторых из них в районе Переяславля».

После 1022 года в летописях имя Мстислава никогда более не упоминалось в связи с Тмутараканью. Умер этот князь в 1036 году. Другие русские князья не имели возможности проводить активную политику на Кавказе: все их внимание занимали внутренние неурядицы и междоусобицы, а также постоянная военная угроза со стороны Польши. На протяжении XI века поляки захватили Киев дважды: в 1018 и 1069 годах. В Никоновской летописи под 1029 годом значится сообщение о походе Ярослава на ясов (асов), но какое это имеет значение для Тмутаракани, неясно, так как ясы имели многочисленные поселения на Дону и Днепре. Летопись не уточняет, против какой ясской области выступил киевский князь: против днепровской или же против кавказской, расположенной между Лабой и Зеленчуками. Логичнее предположить, что этот поход был направлен против днепровских ясов.

Содержание летописного сюжета о противоборстве Мстислава и Редеди нуждается в сравнительно-историческом комментарии. Средневековое адыгское общество состояло из 50–70 феодальных кланов, которые, как правило, не проводили единую внешнюю политику. В этой связи вряд ли имеет смысл расценивать летописного Редедию как старшего князя Черкесии. Редедя, будь это реальный или фольклорный герой, не имел властных полномочий, простиравшихся за пределы Таманского полуострова. Территория Тамани представляла собой контактную зону западнокавказского побережья. Начиная с античных времен, здесь находились торговые поселения сначала милетцев, затем афинян, византийцев, евреев, армян, генуэзцев и османов. В этом контексте и следует рассматривать заинтересованность киевских князей в Тмутаракани, в том числе и историю соперничества Мстислава и Редеди.

На протяжении последних двух столетий образ Редеди привлекает к себе внимание историков, поэтов и художников. Словосочетание «Редедя – князь касожский» стало названием первого линейного корабля в российском флоте, в металлической обшивке которого вместо заклепок была использована сварка. Значительное внимание, которое уделялось поединку Мстислава и Редеди, в российской, а затем и в советской историографии, объясняется доминиро-

ванием концепции добровольного вхождения адыгов в Россию. При этом упускалось из виду наиболее существенное обстоятельство: события, связанные с Редедей, сохранились лишь в списках Московского Летописного Свода конца XV века. Более ранние образцы неизвестны. Почти 500-летний разрыв между предполагаемым событием и его письменной фиксацией внушает серьезные опасения в его документальной достоверности. Вполне возможно, что Тмутаракань русских летописей не имеет никакого отношения к Таматархе (Матархе, Матрике, Матреге) – городу на крайнем западе Зихии (Касогии). Современные археологические исследования не смогли выявить в культурных слоях X–XI веков насыщенных зихским материалом и вкраплениями артефактов византийского и хазарского происхождения. Это обстоятельство заставляет многих историков усомниться в возможности существования княжества на Тамани. Археолог А. А. Спицын, длительное время проводивший раскопки на Тамани, пришел к категорическому выводу: «...русского населения здесь нет и не может быть, – Тмутаракань Таманская не могла быть русским княжеством». Это же мнение разделял академик Н. Я. Марр – крупнейший ученый-кавказовед XX века.

Тем не менее летописный сюжет о противоборстве Мстислава и Редеди представляется вполне реальным. Вполне возможно, что борьба русов и касогов проистекала на территории Украины в районах, лежащих к югу от Чернигова. В научной литературе уже высказывалось мнение, согласно которому Тмутараканью летописцы называли обширные степные районы между Днепром и Доном. В. Н. Татищев, один из основателей исторической школы в России (XVIII век), локализовал Тмутаракань в бассейне реки Ока и отождествлял ее с такими городами, как Муром и Рязань.

Помимо Мстислава, жизнь еще одного русского князя была тесно связана с Кавказом. В 1187 году в Черкесию прибывает Георгий (Юрий) Боголюбский, муж и соправитель царицы Грузии Тамар. Он был изгнан из Тбилиси по наущению своей царственной супруги и пытался найти поддержку в Константинополе у императора Исаака II Ангела. Но, не найдя поддержки у византийцев, Боголюбский прибыл на Западный Кавказ, где поселился во владениях кашагов (т.е. касогов) и санигов (т.е. жанеевцев). По сообщению грузинской хроники («История и восхваление венценосцев»), князя и военачальники этих двух племен «присягнули русскому князю в старании возвести его на трон». Тем не менее войско Боголюбского, состоявшее из санигов, кашагов, абхазцев, мингрелов и даже некоторого числа норманнов, потерпело поражение от армии сторонни-

ков царицы Тамар, а русский князь вновь был вынужден отправиться в Византию.

Русско-адыгские связи в период существования Киевской Руси были существенно нарушены вторжением кипчаков (половцев). Впервые они упомянуты Ипатьевской летописью (1055 год), когда их передовые отряды вышли в район Днепра. Грузинский летописец Джуаншер (конец XI века) писал о последствиях кипчаковского вторжения. «В последующее время печенеги и джики во множестве бежали от тюрок, и ушли печенеги на запад». У этого автора под джиками фигурируют зихи, а под тюрками – кипчаки. Печенеги, ушедшие на запад, поселились в Венгрии, где растворились в мадьярской среде. Под давлением кипчаков адыгские земли к северу от Кубани значительно сократились. Существенно пострадали от кипчаков ясы, аланы и южнорусские земли. К началу XII века ситуация стабилизировалась, и угроза кипчаковского завоевания миновала. В 1113–1125 годах великий князь Владимир Мономах нанес кочевникам ряд серьезных поражений.

В XI–XII веках большое число черкесов поселилось в южных районах Киевской Руси. Многие из этих черкесов нанимались в дружины русских князей, а также несли пограничную службу. За свои высокие шапки конусообразной формы, изготавливавшиеся из черного каракуля, черкесские всадники получили на Руси название «Чер-тые клобуки». О том, что черные клобуки являлись черкесами, говорят Воскресенская и Киевская летописи: «Исконя свою дружину пойде, пойма с собою Вячеслав полк весь и вся черные клобуки, еже зовутся черкасы».

Вдоль берегов Днепра черкесы основали города Киев, Черкасы, Чигирин, и большая часть сельского хуторского поселения к югу от Киева состояла тогда из черкесов. Многие из черкесских поселенцев погибли под натиском сначала кипчаков, а затем монголов. Со временем, в XIV–XV веках, черкесы растворились в среде славян. Но память о них осталась, поскольку они передали свое имя всей массе южнорусского народа. Украинцы назывались черкасами вплоть до начала XIX века: этот термин в отношении украинцев русские применяли и в быту, и в официальных документах – посольской переписке, царских указах, картах и исторических сочинениях. Украинский историк В. Гатцук (начало XX века) отмечал в этой связи: «От черкесов теперешние Малороссияне получили те свои особенности, которые отличают чистый малорусский тип Великороссиян – темный цвет волос и глаз, тонкие черты лица. Черкесы передали Малоруссам свою любовь к свободе, ненависть к так называемому «хо-

лопству». От них же заимствовали Малоруссы и общий характер одежды, домашней обстановки, прежнего своего вооружения».

Монголо-татарское вторжение прервало связи Украины и Черкесии. Жители этих двух стран в течение двух с половиной веков вели напряженную борьбу с кочевниками, основавшими могущественную империю – Золотую Орду. Славяне сохранили в своем фольклоре факт интенсивных и дружественных отношений с Кавказом: черкесы, черкесы пятигорские, шлемы черкесские, седла черкесские встречаются едва ли не в каждой былине.

Обозначенная нами проблема происхождения Редеди не может быть разрешима в генеалогическом ключе. К сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь значительным корпусом касожских и вообще западнокавказских персоналий за эту эпоху. Адыгская история вплоть до рубежа позднего средневековья и начала нового времени анонимна. Черкесия не знала письменной традиции, а частые и подробные отчеты путешественников появились в XVII веке.

Черкесское происхождение русского аристократического дома не является чем-то исключительным. Наследственная знать многих стран Восточной Европы, Транскавказии и Ближнего Востока формировалась при активном участии черкесского элемента. Военное отходничество с Западного Кавказа носило масштабный характер и в зихо-касожскую эпоху (V–XII века), и в черкесский период (XII–1864 год). Как отмечает А. Н. Поляк, крупнейший израильский медиевист, Египет и Сирия являлись частью владений черкесской знати, а власть в Каире и Черкесии удерживалась одной группировкой княжеских домов.

Имея в виду крайний консерватизм в воспроизведении духовной и материальной культуры в пределах исторической Черкесии и то обстоятельство, что страна адыгов ни разу не была завоевана, мы можем заключить о принадлежности Редеди и его окружения к тому же этносоциальному слою, который дал султанов Египта – Баркука, Джакмака, Инала, Каита, Кансава и др. Собратья Редеди управляли едва ли не половиной цивилизованного мира: Джорджио Интериано (XV век) именовал их «величайшими владыками на свете», и похоже на то, что эти слова не являлись преувеличением.

Единственная страна, не завоеванная монголами (из тех стран, для покорения которых монголы приложили серьезные усилия), – Черкесия; единственная страна по периметру Черного моря, не завоеванная османами, – Черкесия. Черкесы же оказали наиболее продолжительное и ожесточенное сопротивление Российской империи в период с 1763-го по 1864 год.

Наше видение тмутараканской проблемы сводится к тому, что:

1) история Редеди и русского тмутараканского княжества содержится в летописях XV–XVI веков, т.е. спустя 500 лет после предполагаемых событий. Византийские источники XI века на этой территории помещают только зихов. Византийское присутствие в Западной Зихии хорошо изучено, и оно целиком лежит в плоскости византийско-зихских двусторонних отношений. Русские здесь не задействованы ни в каком виде, их просто нет в Зихии. В Матреге правил зихский князь и существовала Зихская епархия;

2) имея в виду значительные касожские древности в Поднепровье и Подонье, более логично локализовать русско-касожский конфликт на Украине. Об адыгском присутствии на Украине писали десятки серьезных авторов: Болтин, Татищев, Эверс, Аделунг, Гиббон, Кларк, Тунманн, Карамзин, Спенсер, Броневский, Бларамберг, Ригельман, Шафонский, Антонович, Турчанинов, Лавров, Марр, Гатцук, Горленко, Джавахишвили, Федорова и другие;

3) достаточно часто летописный сюжет о гибели Редеди и о подчинении касогов в современной кавказоведческой литературе воспринимается некритично и упрощенно – как завоевание русскими адыгов. Ближайшее рассмотрение, сравнительный анализ исключают подобное прочтение летописи. Да, упоминание летописцем гибели черкесского предводителя означает, по всей вероятности, поражение черкесов. Но феодал побежденного и его приверженцы (слово «подданные» здесь неуместно) просто не могли сдаться без боя – таких примеров черкесская история не знает. При анализе сюжета важно учитывать специфику социальной организации. Черкесия и в средние века, и в новое время (вплоть до последних дней существования в 1864 году) представляла собой крайне децентрализованное общество. Оно было расколото на десятки «племен», или этнотерриториальных сообществ (псухо). Плиний Секунд отмечал на Западном Кавказе 70 племен; Эвлия Челеби в Черкесии и Абхазии перечисляет около 60 «племен»; по крайней мере, 20 «племен» существовало в Черкесии XIX века. Ни в эпоху античности, ни в средние века западнокавказское общество не имело унитарной системы организации и тем более правителя такого типа, что его поражение при гибели на поле битвы имело бы долговременные негативные последствия для всей Черкесии. Черкесы лишь в исключительных случаях проводили скоординированную внешнюю политику и не собирались в большие скопища для военных действий. Средняя численность черкесской наезднической партии колебалась от 200 до 1200 всадников в период так называемой Кавказской войны. Такие

же цифры дают материалы из истории черкесского султаната в Египте. Специфичность черкесской военной и социальной организации исключает буквальное прочтение тмутараканского сюжета. Редедя вряд ли может быть рассмотрен как «царь» или «государь» всех касогов-черкесов. Он был одним из множества военных вождей Черкесии, и еще неизвестно, был ли он по своему происхождению наследственным аристократом. Вполне вероятно, что он являлся просто удачливым предводителем, под чье имя стекались всадники из разных кланов. Подобный вариант наиболее часто встречается в хорошо известную эпоху кавказских войн. Смерть такого лидера искренне оплакивали во многих кланах, но она не имела трагического влияния на судьбу народа. Кавалерийских генералов в стране, где существовал культ всадника, всегда было в избытке;

4) сюжет, посвященный единоборству Мстислава и Редеди, имеет, на мой взгляд, еще и литературное прочтение. Если его историческая природа обусловлена постколониальным пафосом Московского летописного свода конца XV века, то художественно-идейная насыщенность оправдана желанием иметь не только героическое настоящее, но и престижные эпизоды в своей ранней истории. Поединок Мстислав – Редедя лежит в русле клише, в рамках которого черкесы предстают как самый опасный и мужественный противник, но с той же обязательностью неизменно повергаемый: Калашников убивает Мамстрюка; та же сцена в «Баязете» Пикуля; у Торквато Тассо в «Освобожденном Иерусалиме» оплот крестоносного воинства рыцарь Ринальдо повергает «злого» черкеса Арганта и т.д.

1. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 143.

2. Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиеведения. Л., 1991. С. 95.

3. Цит. по: Дзамихов К. Ф. Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. Вып. 8. С. 304.

4. Вернадский Г. Киевская Русь. М., 1996. С. 177.

5. Шавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 50–51, 99; Карамзин Н. М. История государства Российского. Ростов н/Д, 1994. Кн. 1. С. 188–189.

6. Подобное суждение содержится у многих адыгских авторов, в частности у Б. Мальбахова и А. Эльмесога (Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 60).

7. Марр Н. Я. Абхазоведение и абхазы // Марр Н. Я. Избранные сочинения. Т. 2. С. 253.

8. Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 48–49.

9. Грузинские средневековые письменные источники об Абхазии. Сухум, 1976. С. 50–51.

10. История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 149.

11. Аталиков В. М. К вопросу о расселении адыгских племен до XV века // Этнография и современность. Нальчик. 1984. С. 163.

12. Гатцук В. Черкесы // Юная Россия. Киев, 1906. № 10. С. 13–14.

П. Х. Гребельский, С. В. Думин, кн. В. О. Лопухин
Москва

РОД ЛОПУХИНЫХ

(К истории потомства касожского князя Редеги)

Касоги – это старинное русское название черкесов (адыгов). Род Лопухиных, как и некоторые другие старинные русские дворянские роды (Глебовы, Колтовские, Лупандины, Ушаковы и др.), происходит от касожского князя *Редеги (Редеди)*, владельца Тмутаракани, который был убит в 1022 г. в единоборстве с князем Мстиславом Владимировичем. Жена князя Редеги и его два сына достались Мстиславу. Старший сын был крещен с именем *Юрий*, младший – с именем *Роман*. Первый умер бездетным, а *Роман Редедич* женился на дочери князя Мстислава и считается, по старинным родословцам, родоначальником многих старинных русских родов. Однако при этом они утратили княжеский титул, так как в то время (в отличие от позднейшей эпохи) он был тесно связан с наличием собственного княжения, а потомки Редеги превратились в служилых людей.

Прямым потомком Романа Редедича родословцы называют *Михаила Юрьевича Сорокоума*, который был боярином при московском великом князе Иване Даниловиче Калите. Он имел сына *Глеба Михайловича*, внука *Илью Глебовича*, правнука *Григория Ильича Глебова*, по прозвищу *Слепой*, и праправнука *Варфоломея Григорьевича Глебова*, у которого было два сына: *Есип* по прозвищу *Ланоть* (родоначальник *Лантевых*) и *Василий* по прозвищу *Лопуха*, от которого и пошли *Лопухины*.

С конца XV в. Лопухины служили воеводами, дворянами московскими, жильцами. Заметную роль они начали играть в XVII в., при царе Василии Шуйском и первых Романовых; за службу они получали поместья и вотчины, думные чины, и к концу XVII в. вошли в состав наиболее состоятельных дворянских родов.

Особому возвышению Лопухиных способствовало то, что царица Наталья Кирилловна (урожденная Нарышкина), ценя их давние связи с ее семьей и личную к ней привязанность и желая укрепить свои позиции среди стрельцов и служилого дворянства, в период правления царевны Софьи избрала *Евдокию Федоровну Лопухину*, дочь окольного Иллариона (в боярах *Федора Авраамовича Лопухина*, в невесты своему сыну, царю Петру Алексеевичу. Таким образом, представительница рода, ведущего свое происхождение от казожских владетелей, стала русской царицей, матерью наследника престола – царевича Алексея Петровича и бабушкой императора Петра II.

За время существования Боярской думы 5 Лопухиных удостоились чина бояр, 6 – окольных, 3 – думных дворян. Лопухины дали Отечеству 7 воевод, 13 генералов, 2 адмиралов.

В 1799 г. император Павел I возвел видного государственного деятеля, действительного тайного советника, генерал-прокурора, будущего министра юстиции *Петра Васильевича Лопухина* с нисходящим потомством в княжеское достоинство Российской империи. В 1880 г., в связи с пресечением (в 1873 г.) прямого мужского потомства светлейшего князя П. В. Лопухина, титул был передан внуку *светлейшей княжны Екатерины Петровны* – Н. П. Демидову (из семьи известных уральских горнозаводчиков), с тем, чтобы только старший в их роде именовался впредь *светлейшим князем Лопухиным-Демидовым*.

Революция 1917 г. для рода Лопухиных, как и для всего русского дворянства, явилась трагическим событием. Многие из них участвовали в Белом движении, погибли на фронтах Гражданской войны, в годы репрессий, перенесли тяготы лагерей и ссылки. Преклились 6 ветвей рода. Ныне Лопухины живут во Франции, США, Канаде, Великобритании, Перу. В России сохранились представители только одной из ветвей. Именно в этой русской ветви рода в связи с бездетной смертью последнего законного носителя титула светлейшего князя Лопухина-Демидова, не оставившего прямых бесспорных наследников (другие представители рода Демидовых могли бы наследовать этот титул лишь с Высочайшего соизволения, но с ходатайством об этом не обращались) по указу Главы Российского Императорского Дома Великой княгини Марии Владимировны 25. 12. 1995 г. было восстановлено княжеское достоинство, принадлежавшее угасшей ветви П. В. Лопухина.

ЯССКАЯ БАБУШКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Матримониальные связи династии Рюриковичей с кавказскими родами уже изучались в отечественной историографии (В. Т. Пашуто, С. Т. Еремян, С. Н. Малахов, А. Н. Карсанов). К настоящему времени выявлено 7 таких брачных союзов, в том числе 2 грузинских и 5 яских, т.е. осетинских. Поскольку часть ясов осталась в Приазовских степях, будучи подчинена сначала печенегами, а затем половцами, связи русских князей с этим народом были весьма важны в общем контексте далеко не простых русско-половецких отношений XII в.

Первым из русско-яских браков была женитьба сына Владимира Мономаха – Ярополка на пленной дочери яского князя после успешного похода на половцев в 1116 г. Эта княгиня упоминается в летописях как «Олена Яска», т.е. Елена, в 1145 г., когда она перенесла останки своего мужа (Ярополк скончался в 1139 г.) в киевскую церковь св. Андрея. Вероятно, вторым браком русского князя на яске можно считать брак Андрея Боголюбского. Три остальных яских брака Рюриковичей приходятся на конец XII в. и связаны с именами трех русских князей: Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо), Мстислава Святославича и Ярослава Владимировича.

О женитьбе Всеволода Юрьевича, родившегося в 1154 г., летописи говорят лишь косвенно: во время похода на Владимир в 1175 г., в котором он принимал участие, Всеволод уже был женат. Затем жена Всеволода упоминается только в известии о ее смерти: 2 марта 1206 г. она приняла постриг в основанном ею Успенском монастыре во Владимире, а через 18 дней, 19 марта, скончалась и была там же похоронена. При этом сообщается, что ее именем как в крещении, так и в монашестве было «Мария». Летописи содержат панегирик этой княгине, прославляя ее благочестие и доброту, а основанный ею монастырь до сих пор именуется Княгининым. Однако данных о происхождении самой княгини в раннем летописании нет.

Прояснить этот вопрос помогают два других вышеупомянутых брака. В качестве свояка Всеволода Юрьевича летописи с 1182 г. неоднократно упоминают князя Ярослава Владимировича, внука

Мстислава Великого. Именно это родство помогло Ярославу занять зимой 1181/82 г. новгородский стол, да и потом обеспечивало ему определенное положение среди русских князей. О смерти жены Ярослава летопись сообщает под 6709 г.: она скончалась 24 декабря, названа «свостью», т.е. свояченицей Всеволода Юрьевича, и была похоронена в том же Успенском монастыре, который основала ее сестра Мария. В. Н. Татищев называет ее Еленой, вероятно, путая с женой Ярополка Владимировича – яской Еленой. Однако происхождение этой свояченицы Всеволода Юрьевича опять-таки в источниках не раскрывается.

Решить этот вопрос помогает третий брак, последний по времени в этой череде. Ипатьевская летопись под 6690 г. сообщает о женитьбе сына киевского князя Святослава Всеволодовича – Мстислава, за которого была выдана замуж «ясыня из Володимеря Суздальского, Всеволожа свость», т.е. свояченица Всеволода, по происхождению яска. Следовательно, можно думать, что и Всеволод, и Ярослав, и Мстислав были женаты на трех сестрах, принадлежавших к ясскому народу. Причем брак Всеволода был первым, и вероятно, вместе с его женой во Владимир приехали и ее родственники, в том числе сестры, а уже потом из Владимира они были отправлены к своим женихам. Породиться с могущественным князем Владимирской Руси, конечно же, стремились Рюриковичи других княжеских династий.

Однако в поздних летописях жена Всеволода именуется по-иному. Так, в Тверском сборнике под 6713 г. содержится довольно пространное известие о смерти Марии, где она названа дочерью «Шварла Ческого... а приведена ис Чех не крещена». Эта летопись была написана в 1534 г. в Ростове, так что известие о происхождении Марии довольно позднее, но часть Тверской летописи до 6793 (1285) г. представляет собой ростовский летописный свод, в который вполне могли попасть уникальные данные по истории Владимиро-Суздальской Руси. Но, во-первых, среди тогдашней чешской правящей династии отсутствует кто-либо, носивший имя «Шварн», во-вторых, странно, что невеста приехала из Чехии некрещеной. Такая ситуация более естественной выглядит не с чехами, а с ясами, среди которых было распространено христианство, но долгое время сохранялись и языческие верования.

При решении данного вопроса может помочь и общая генеалогическая картина Мономашичей в то время. Все «кавказские» браки Рюриковичей концентрируются в довольно близком родственном окружении. Сын Мономаха – Ярополк Владимирович (жена – яска Елена), его старший племянник от брата Мстислава – Изяслав Мстиславич (жена – царевна Русудан), внук Мстислава, т.е. племянник Изяслава, Ярослав Владимирович (жена – яска Елена (?)), младшие племянники Ярополка: Андрей Юрьевич (жена – яска (?)) и Всеволод Юрьевич (жена – яска Мария), наконец, сын Андрея – Юрий (жена – царица Тамар). Единственным, кто, казалось бы, выпадает из этого очень близкого родственного круга, остается Мстислав Святославич, принадлежащий к черниговской ветви Рюриковичей. Но именно он и обнаруживает тесные связи с Мономашичами по женской линии. Его отец – Святослав Всеволодович был сыном киевского князя Всеволода II Ольговича и Марии Мстиславны, одной из дочерей Мстислава Великого, старшего сына Владимира Мономаха, а значит, и старшего брата Ярополка Владимировича и Юрия Долгорукого. Значит, Мстислав Святославич был правнуком Мстислава Владимировича. Видимо, этим объясняются и оба его имени «Мстислав-Пантелеймон». Имя «Мстислав» не характерно для черниговских Рюриковичей, это явная дань памяти Мстиславу Великому, а появление имени Пантелеймон, христианского имени Изяслава Мстиславича, т.е. брата бабушки нашего героя, в династии Рюриковичей имеет свою историю. Следовательно, и Мстислав Святославич также находился в родстве с Домом Мономашичей. В свете вышесказанного женитьба Всеволода Юрьевича именно на «ясыне» представляется более чем вероятной.

От этого брака у Всеволода родились все его сыновья и, вероятно, большинство дочерей. Следует заметить, что в нашем распоряжении не имеется сколько-нибудь достоверных их портретных изображений, за одним исключением: сохранился портрет князя Ярослава Всеволодовича (1190 – 1246), отца Александра Невского, на фреске в аркосолии на южной стене в церкви Спаса Нередицы в Новгороде Великом (ок. 1246). Хотя бы беглый взгляд на лицо князя Ярослава не оставляет никаких сомнений в его кавказском происхождении, и это может быть еще одним, пусть косвенным, но свидетельством в пользу яского происхождения жены Всеволода Юрьевича.

Потомство Ярослава Владимировича быстро пресеклось. Один из его сыновей Святослав Ярославич, князь Шумский, погиб в битве на реке Калке в 1223 г. Такая же участь постигла и Мстислава Святославича, который был к тому времени князем Черниговским и Козельским. Его потомки тоже быстро исчезли с исторической арены, а внук – Василько, князь Козельский, трагически погиб во время взятия монголами этого маленького городка, девять недель сопротивлявшегося захватчикам. Зато сильно разрослось потомство Всеволода Юрьевича, правившее во Владимиро-Суздальской Руси. И все его потомки являются также и потомками яской княжны, ставшей основательницей одного из известных русских монастырей.

Ч. Э. Карданов
Нальчик

ПО СООБРАЖЕНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ

По проблеме генеалогических и семейных связей кабардинских князей с Россией, Крымом, Шамхалом, Грузией, Персией, Ногаями хотел бы сказать следующее:

Посольство Ивана Грозного в составе Ф. В. Вакшорина и подъячего С. Макшорина 15 июня 1561 года привезло «царю невесту», дочь Темрюка Идарова княжну Кученей (Гуашэней), названную 6 июля после крещения Марией.

Свадьба состоялась 21 августа 1561 года. Царь Иван Васильевич женился вторым браком. Брак этот имел огромное политическое значение как для Кабарды, так и для России, и Темрюк Идаров, видимо, совершенно сознательно жертвовал личным счастьем дочери в угоду соображениям государственным.

Брачный союз Ивана IV и Марии Темрюковны имел целью и ослабление крымских, шамхальских, пшеапшюкиных позиций в Кабарде. Весть о женитьбе царя на дочери Темрюка, как и слухи о «царском жалованье», быстро распространились среди других князей Кабарды, которые вскоре «Темрюку-князю учили быть послушным и дани ему учили давати и во всем учинились в Темрюкове княжной воле» (Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 10). Темрюк, выдавая свою дочь за царя, стремился прежде всего к централизации власти в Кабарде.

Известны также постоянные родственные связи кабардинцев с ногаями. Кстати, две враждующие группировки кабардинских феодалов Темрюка Идарова и Пшеапшоко Кайтукина породнились с подобными же ногайскими антагонистическими группами (старшая дочь Темрюка Малхураб была замужем за старшим сыном Исмаила Тинохмата – Большие Ногаи. Вторая дочь Темрюка Алтынчач была замужем за астраханским царевичем Бекбулатом) (ЦГАДА, ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами, кн. 4, л. 91). Казый Ураков – Малые Ногаи был зятем Пшеапшоко Кайтукина.

Все эти родственные связи, безусловно, способствовали налаживанию дружественных отношений Кабарды и России, а также ее юго-восточных соседей.

В период с 1558-го по 1567 г. в Кабарде шесть раз принимали русских послов в ответ на посольства Темрюка Идарова. Четырежды русские войска, состоящие из стрельцов, вооруженных «вогненным боем», помогали кабардинцам в борьбе против внешних врагов (ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 339, 344, 368, 397, 399, 405, 408).

* * *

1. Родственные связи большого князя Казыевой Кабарды Алегуко Шогенокова – сестры его замужем за крымским царевичем Шан-Гиреем, старшими князьями Шолохом и Мусалом Шангелеевичами, и о роли в 40–50-х гг. кабардинского князя Мусала по переселению Казыевой Кабарды на прежние места из района Лабы и Кубани.

2. Родственные связи Хатакшуки Казиевича – его же сестра замужем за крымским ханом.

3. Родственные связи Шолоха Тапсаруковича – его дочери замужем за крымским царевичем и Тарковским.

4. Родственные связи старшего князя Ислама Мисостова с крымским ханом Саадат-Гиреем.

5. Родственные связи старшего князя Асланбека Кайтукина с крымским ханом Девлет-Гиреем II.

Раздоры и междоусобицы среди кабардинских князей продолжались долго. Победа русско-кабардинских войск над турецко-крымско-ногайскими объединенными силами значительно укрепила политическое положение России на Северном Кавказе в 1722 г.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ С РОМАНОВЫМИ

В Кабарде в начале XVI века образовались два ведущих княжеских объединения, вошедших в историю как Большая Кабарда (князь Кайтуко и его дети: Пшеапшоко, Асланбек, Тепшануко, Кацтуко и Жансох; определенное время здесь оставались и сыновья Идара: Темрюк, Биту, Желегот и Камбулат) и Малая Кабарда (Джилыхстан и его дети: Жамырза, Лаурсан, Каншао и Дзагашта). Дети Идара оказались в ссоре с более многочисленным коленом князя Кайтуко. Они вынуждены были уйти во владения своего двоюродного дяди Джилыхстана (сына Манболата), который не имел братьев и создал свой удел на огромном пространстве правобережья Терека. После смерти Джилыхстана самый старшим по возрасту из князей был Темрюк, который попытался установить здесь свою власть князя-уалия.

Темрюк Идаров понимал, что, находясь в окружении других племен, которые проявили к нему свое недружелюбие, и подвергаясь постоянно угрозам, а то и нападениям со стороны более сильной феодальной группировки Большой Кабарды, он не смог бы долго сохранять свои владения независимыми. Это вынудило его искать союз с другими племенами, а то и покровительства какого-нибудь сильного народа.

Старшую дочь Алтынчач Темрюк выдал замуж за Астраханского царевича Бекбулата, среднюю, Малхуруб, – за сына хана Большой Ногайской Орды – Измаила, за Тинехмата. После присоединения Астраханского ханства к России Бекбулат и Алтынчач были поставлены на ханский престол Иваном IV.

В 1560 году умерла жена Ивана IV Анастасия и встал вопрос о втором браке. Обстоятельства сложились так, что в поле зрения сватов попала младшая дочь князя Темрюка Гошаней. 15 июня 1561 года ее привезли в Москву, а спустя несколько дней она предстала перед царем. Состоялись смотрины, молодая княжна понравилась Ивану Грозному. Вскоре она была крещена и официально объявлена царской невестой, а 21 августа 1561 года Иван IV сочетался вторым браком с Гошаней (Марией) Темрюковной: желанная точка опоры в самом центре Кавказа была надежно упрочена этим событием.

Иван IV стремился укрепить позиции своего тестя в Кабарде. Сразу после свадьбы к нему отправляется русское посольство. Послы отвезли Темрюку, всему его семейству богатые подарки: бархат, меха, золотые и серебряные кубки, посуду, ковры, оружие и пр. Князю-уалию Кабарды послы привезли также «жалованную грамоту» русского царя, которая стала первой царской грамотой, выданной владетельным князьям Кабарды. Этой грамотой закрепился военно-политический союз России и Кабарды.

Для укрепления власти Темрюка и охраны его владений в Кабарду послом был направлен воевода Г. С. Плещеев с отрядом стрельцов. В совместном с ним походе Темрюк разбил Пшеапшоко и его сторонников.

Главный противник внутри Кабарды был ослаблен, надо было ослабить и его союзника в лице Крыма. В 1561 году объединенный отряд русских и кабардинских воинов предпринял нападение на Крым. Отряд достиг Каффы, овладев и разорив несколько крепостей по пути. Турки пришли на помощь крымцам, но при попытке высадиться у укрепленной Каффы и Азова они потерпели поражение. Однако развить успех похода не удалось: под напором превосходящих сил крымцев и турок отряду пришлось покинуть Крым.

Мамстрюк, витязь огромного роста и недюжинной физической силы, был вторым сыном Темрюка Идарова. В песнях и сказаниях Мамстрюк часто называется любимым царским шурином. Фольклористы сошлись на том, что песня про «Мамстрюка-Кастрюка» – «одна из наиболее популярных исторических песен XVI века, известная в огромном количестве записей» (М. Н. Лукашев). М. Ю. Лермонтов в своей поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» явно использовал сюжет исторических песен о Мамстрюке, где, помимо других образов, вывел и образ буйного молодого опричника Кирибеевича. Последний (Къербэч), несомненно, является прототипом близкого родственника царицы – Мамстрюка или его брата опричника Михаила.

В песнях и сказаниях Мамстрюк грустит не по поводу неразделенной любви, как Кирибеевич у Лермонтова, а огорчает этого молодого силача и искусного борца невозможность проявить во всей полноте своей силы и ловкости: никто не решается вступить в единоборство с шурином царя.

Пробыв три месяца в Москве, Мамстрюк в сентябре 1565 года простился с сестрой – царицей Марией, с зятем – царем Иваном IV, провожаемый братом – воеводой Михаилом, выехал из столицы.

Выполняя просьбу Темрюка, Иван IV отправил с Мамстрюком в Кабарду дьяка Матвея Ивановича Ржевского со стрельцами и казаками. Другой отряд стрельцов в это же время двигался в Кабарду пешим путем под командой воеводы Ивана Дашкова. В марте следующего, 1566 года отряды соединились в Астрахани. В апреле тысяча стрельцов и казаков совместно с Темрюком и Мамстрюком войной вступили в Большую Кабарду, во владения непокорных Темрюку феодалов. Все эти «непокорные» во главе с Пшеапшоко Кайтукиным были сторонниками Крыма.

В 1570 году Мамстрюк со своим младшим братом Булгайруком попал в плен к крымскому хану. Иван Грозный делает все возможное, чтобы выволить братьев своей покойной жены из плена. Он настойчиво вел переписку с крымским ханом Давлет-Гиреем. Тот хотел убить Мамстрюка, но его сын Адиль-Гирей подарил пленного князя казанскому мурзе Ахмамет Улану. Татары затребовали фантастический выкуп. Представители Ивана Грозного весной и летом 1571 года продолжали переговоры в Крыму об освобождении Темрюковичей. Как Мамстрюку удалось освободиться из плена, до сих пор неизвестно: нет документов. Но в 1578 году он был на свободе и настаивал на отправлении кабардинских послов в Москву.

Младший сын Темрюка Михаил достиг при Иване Грозном самых высоких ступеней власти и сана. В 1567 году стал боярином – первым из грядущих кабардинских бояр. Михаил получил огромные по тем временам вотчины недалеко от Москвы в поймах Оки и Клязьмы. Он первым сидел в Боярской думе и при «перечислении думных списков назывался всегда первым» (О. Л. Опришко).

После очередного набега крымского хана Давлета-Гирея на Москву столица была сожжена, огромное число людей убито и взято в плен. Царь бежал в сторону Ярославля, а малочисленное войско опричников не смогло остановить 120-тысячное войско крымских татар. При отходе к Серпухову князь Михаил Темрюкович с наспех собранными войсками пытался перехватить Давлет-Гирея, но ему это не удалось. Он был вызван в Александрову слободу и здесь был казнен якобы за измену.

Спустя 7 лет после гибели боярина Михаила Темрюковича Черкасского младший брат Темрюка Идаровича Камбулат – к этому времени князь-уалий Кабарды – приехал с посольством в Москву. С ним был сын Карашай, который вскоре после крещения получил имя Борис.

В 1582 году он становится воеводой Большого полка в Новгороде, несколько лет был воеводой в Серпухове, а в 1591 году стал пер-

вым воеводой Большого полка в Туле. Через год Борису Камбулатовичу был пожалован боярский сан. С этого времени за племянником Темрюка закрепляется репутация одного из самых видных и опытных военачальников. Когда в 1598 году царь Борис Годунов был в походе против крымского хана Казы-Гирея, Борис Камбулатович оставался при «царице и царевице водить Москву». На случай осады государь указал ему быть первым воеводой в Новокаменном городе, на Большом посаде.

Боярин Борис Камбулатович Черкасский был женат на Марфе Никитичне Романовой, племяннице первой жены Ивана Грозного и сестре боярина Федора Никитича, который впоследствии стал патриархом Всея Руси Филаретом. У Бориса и Марфы было трое детей: сын Иван и дочери Ирина и Ксения. Ирина была женой боярина Федора Ивановича Шереметьева, а Ксения вышла замуж за князя Ивана Дмитриевича Колычева.

Борис Камбулатович присутствовал на всех посольских приемах, числился первым на заседаниях Боярской думы. Это был человек блестящего ума, большого авторитета и заслуженной воинской доблести. Однако Борис Камбулатович попадает в немилость к царю Борису Годунову. Ближайшие родственники Черкасского, Романовы, претендовали на царский престол. Федор Никитич Романов, как наиболее влиятельный и опасный из братьев, был насильно пострижен и отправлен в монастырь. Этой же участи не избежала и его жена. В 1599 году Борис Камбулатович был схвачен по ложному обвинению и подвергнут унижительным пыткам. Его держали «на цепи и в железах, пытали на дыбе» (Н. И. Костомаров), а затем с женой Марфой Никитичной и дочерьми Ириной и Ксенией был сослан на север, в район Белоозера. Вместе с семьей Бориса Черкасского был сослан и пятилетний сын Федора Никитича Романова Михаил – родной племянник Черкасских, будущий основатель царской династии Романовых. Заботы семьи Черкасских спасли Михаила от верной гибели. Он воспитывался вместе с Ириной и Ксенией. Борис Камбулатович и Марфа Никитична заменили ему родителей.

В крайней нужде, тяжело больной, жестоко униженный, сын Кабарды и славный воин России Борис Камбулатович Черкасский умер в Белоозере в 1601 году.

Сын Бориса Камбулатовича Иван при избрании Бориса Годунова на царский престол поставил свою подпись на соборном определении за него, но это не избавило его от преследования со стороны Годунова, ведь он был ближайшим родственником бояр Романовых.

Ивана Борисовича и родных братьев его матери Ивана и Василия Романовых лишают всех прав и поместий и отправляют в ссылку. Но уже через год ему разрешили жить в Нижнем Новгороде. В том же, 1601 году умер его отец, и Ивану Борисовичу разрешили переехать в Москву. Однако служить Борису Годунову он не стал: царь был повинен в смерти отца и во всех несчастьях, обрушившихся на его семью и близких родственников Романовых. Жил Иван Борисович в подмосковном Останкино, возвращенном Черкасским.

В первое десятилетие XVII века на историческом горизонте появляется самозванец под именем Дмитрия Ивановича (Лжедмитрий I).

Поддавшись на время чувству ненависти к Годунову, Иван Борисович не выступил против самозванца, хотя он достоверно знал, что это не «чудом спасшийся Дмитрий», а бывший монах Гришка (Юрий) Отрепьев. Более того, обещал поддержать его, за это Лжедмитрий вскоре после взятия Москвы разрешил перевезти прах Бориса Камбулатовича из Белоозера в Новоспасский монастырь. Однако Иван Борисович вскоре осознал, что нельзя, поддавшись жажде мести Годунову, ставить личные интересы выше государственных, и так и не сблизился с Лжедмитрием. Когда на Руси появился Лжедмитрий II, Иван Борисович стал активнейшим участником борьбы с ним, возглавив один из трех полков войска Василия Шуйского.

В 1613 году, в феврале, на Земском соборе на российский престол был избран 17-летний Михаил Федорович Романов – сын патриарха Филарета. Основатель новой династии молодой царь Михаил, как было сказано выше, приходился двоюродным братом Ивану Борисовичу Черкасскому. Род Черкасских пользовался огромным авторитетом и сыграл большую роль в избрании Михаила на царский престол. Есть сведения, что Ивана Борисовича многие прочили в цари, еще больше сторонников было у Мамстрюковича, внука Темрюка и сына племянницы первой жены Ивана Грозного.

Иван Борисович активно содействовал укреплению власти молодого царя и новой династии. Целиком переключившись на государственную службу, он занимает высокие посты в приказах (предшественники министерств). В 1638 году Иван Борисович был назначен воеводой всей московской рати для встречи ожидавшегося нашествия крымского хана. Часто он вел переговоры от имени Российского государства с иностранными послами. Боярин Иван Черкасский был одним из образованнейших людей своего времени.

За военную и государственную службу Ивану Борисовичу царь пожаловал огромные поместья, и Черкасский стал одним из крупнейших феодалов России, имел более 20 тысяч десятин земли и более 15 тысяч крепостных крестьян.

Как ближайший родственник царя Михаила Романова, Иван Борисович принимал активное участие в выборе для него невест: первой – Марии Долгорукой, второй – Евдокии Стрешневой. Ему выпала честь возложить на голову своего венценосного кузена знаменитую шапку Мономаха.

Сам Иван Борисович был женат на кабардинской княжне. Детей у них не было. Умер Иван Черкасский в 1642 году и похоронен рядом со своим отцом в Новоспасском монастыре. Его богатства перешли частью к роду Шереметевых, частью к князьям Дмитрию Мамстрюковичу и Якову Куденетовичу.

О. Н. Наумов
Москва

КНЯЗЬЯ ЧЕРКАССКИЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Князья Черкасские принадлежали к высшей аристократии России. Благодаря бракам с Рюриковичами и Романовыми, активной государственной деятельности, богатству представители рода играли видную роль в важнейших событиях отечественной истории XVI–XVIII вв.

Однако во второй половине XVIII в. позиции князей Черкасских начали слабеть, что вполне соответствует ситуации, в которую попал и ряд других известных родов допетровской Руси, постепенно вытеснявшихся новыми семьями. Кроме того, осложнилось генеалогическое положение, две ветви князей Черкасских пресеклись, сохранилась только та из них, которая шла от военачальника Сунчалея-мурзы и его внука, сподвижника Петра I, боярина князя Михаила Алегуковича Черкасского, а в XI поколении от родоначальника Инала насчитывалось только два мужчины, что создавало для существования семьи серьезную угрозу. Тем не менее высокий статус рода сохранялся и к концу XVIII в., о чем красноречиво свидетельствует включение князей Черкасских в 1798 г. в число семей, вхо-

лящих в список российско-княжеских родов, несмотря на «татарское» (по терминологии того времени) происхождение.

В XIX в. князья Черкасские были внесены в родословные книги Московской, Нижегородской, Рязанской, Тульской и Ярославской губерний. Наиболее устойчивые ветви сформировались в Тульской, где обосновалось старшее ответвление семьи (от тайного советника князя Александра Андреевича), и Московской, где сосредоточились в основном потомки двоюродного брата предыдущего, московского губернатора, князя Петра Борисовича. Князья Черкасские занимали видное положение в рядах московского дворянства XIX в., неоднократно избирались на должности в его самоуправлении. Князь Борис Михайлович Черкасский дважды избирался коломенским предводителем дворянства (1785–1788, 1797–1798). Его семейное положение было сложным: от крестьянки Прасковьи Дмитриевны он имел семерых детей, не считавшихся законными. Высочайшим указом от 29 января 1816 г. они были признаны, и князь Б. М. Черкасский поспешил с их внесением в родословную книгу Московской губернии, обратившись уже в марте того же года с соответствующим прошением. В ноябре 1816 г. просил о внесении в ту же родословную книгу представитель и старшего ответвления, статский советник А. А. Черкасский. В 1816 г. оба прошения были удовлетворены. Всего в дворянскую родословную книгу Московской губернии до 1917 г. оказались внесены 33 представителя рода: 22 князя, 9 княжон, 2 княгини. Из них 8 человек принадлежали к старшему ответвлению, а остальные – к младшему. Наиболее интенсивно процесс внесения в губернскую родословную книгу протекал в третьей четверти XIX в. (15 человек). Как и другие роды, разделившиеся на устойчивые в территориальном отношении ветви, князья Черкасские записывались в одну родословную книгу на протяжении нескольких поколений (в начале XX в. вносились уже четвертое-пятое). Долгое время они числились в 4-й части книги (иностранное дворянство), и лишь когда в феврале 1855 г. Сенат утверждал определения Московского дворянского собрания, их перенесли в более генеалогически верную, 5-ю часть.

В XIX в. начинается экономическое оскудение князей Черкасских, особенно четко проявившееся в младшем ответвлении. В 1816 г. за князем Б. М. Черкасским числилась 6151 душа крепостных в Московской, Нижегородской, Рязанской, Тульской и Кост-

ромской губерниях, за его сыном князем Михаилом – 1200 душ (1845 г.), а внук надворный советник князь Б. М. Черкасский жил только жалованием, и его супруга княгиня Марита Ивановна после смерти мужа осталась без средств к существованию, служила конторщицей, а позже – классной дамой. Снижается также уровень получаемых чинов и должностей. Во второй половине XIX в. князья Черкасские меньше участвуют и в дворянском самоуправлении. Если в первой половине века, кроме князя Б. М. Черкасского, предводителями дворянства избирались еще и его сыновья, князь Николай – коломенским, а князь Алексей – бронницким, то затем только представители старшего ответвления занимают такие должности: князь Е. А. Черкасский три раза становился веневским уездным предводителем.

Снижение уровня экономического и социального благополучия отразилось в возникновении сложностей с внесением в родословные книги, которые испытывают князья Черкасские. Так, дети князя А. А. Черкасского – Константин и Евгений – первоначально попали в непристижную, 3-ю часть (по чину отца).

В начале XX в. позиции рода князей Черкасских несколько упрочились. Можно отметить государственную деятельность князя М. А. Черкасского, ярославского вице-губернатора, одоевского предводителя дворянства, комиссара Временного правительства в Симбирской губернии, военно-морские заслуги контр-адмирала князя М. Б. Черкасского и артистическую карьеру княжны М. Б. Черкасской. Однако этот подъем не смог реализоваться полностью из-за потрясений 1917 г.

Революционные события и Гражданская война серьезно сказались на генеалогической ситуации князей Черкасских: в 1919 г. расстрелян князь М. Б. Черкасский, умер от тифа князь Ю. Н. Черкасский, в 1920 г. погиб на поле боя князь В. М. Черкасский, пропал без вести князь А. В. Черкасский, 6 эмигрировало. В России осталась только княгиня А. С. Черкасская с сыном Борисом, от которого род продолжается сейчас.

Судьба рода князей Черкасских отражает основные этапы истории всего российского дворянства в XIX – начале XX в.

АДЫГСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ И ТРАДИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МОСКВЫ С НЕРУССКИМИ ЭЛИТАМИ

Правящая элита в феодальную эпоху являлась наиболее динамичной частью общества, которая всегда была подвижна любым влияниям извне, любым трансформациям, «наводимым» даже кратковременными отношениями с более развитой цивилизацией¹.

Составной частью гибкой и прагматичной политики московских правителей в «собираании русских земель» и освоении новых территорий в XV – XVIII веках было сотрудничество с лояльными нерусскими элитами. Кооптация местных политических, экономических и даже религиозных элит в областях, являвшихся объектом устремлений или даже завоеванных Московским государством, по мнению специалистов, представляет собой давнюю стратегию, воспроизводящую частью византийскую и частью монгольскую традицию. Она применялась с большим успехом в XIV – XV веках по отношению к татарской феодальной знати Золотой Орды и наследовавших ей Крымского, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. С тех пор кооптация элит стала константой российской дипломатии в мусульманском мире².

Специальные исследования показывают, что любая элитарная группа или класс местного общества могли стать объектом кооптации – кочевая или земельная аристократия, торговцы, различные служители, интеллектуальная элита и т.д. В различные исторические периоды российская администрация в разных регионах вступала в контакт и обхаживала все эти группы³. Так, раньше других стали попадать в состав российской правящей знати правители татарской аристократии, связавшие свою судьбу с Москвой. По мнению А. Каппелера, они как бы предвосхитили позднейшую русскую

¹ Ронин В. К. Судьба знати – судьба этноса: германизация славянской знати в Восточных Альпах и между Эльбой и Одером (IX – XIII вв.)// Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 113.

² Lemerchie Zuelguejaj Ch. Cooptation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century// The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 18–44; Каппелер Андреас. Россия. Многонациональная империя (возникновение, история, распад). М., 1996. С. 18–53.

³ Lemerchie Zuelguejaj Ch. Op. cit. P. 18.

практику кооптировать иноземные элиты и передавать им комплиментарные, престижные функции⁴.

Кооптация являлась сложной стратегией, которая проявлялась в самых разнообразных формах. Она предполагала предоставление экономических и политических преимуществ отдельным лицам, социальным группам и даже целым этническим общностям; делегирование власти местному правителю, который становится представителем российского суверена; культурную и языковую ассимиляцию с обращением или без обращения в православие; даже матримониальную (брачную) стратегию – практику, неизвестную монголам, но широко применявшуюся византийцами⁵.

Проблема синтеза правящих элит Российского многонационального государства в дооктябрьский период еще не стала предметом специального научного изучения в отечественной историографии. На наш взгляд, определенный интерес в решении отмеченной научной темы представляет традиция выезда на службу, которая в эпоху средневековья приобрела у правящих элит многих народов, в том числе адыгов, законченную форму, стала системой и оформилась как институт⁶.

Известно, что институт выезда на службу для изучаемой эпохи был универсальным явлением и получил широкое распространение на Ближнем Востоке, в Западной и Восточной Европе, включая Московское государство. Адыгская правящая знать практиковала выезды на службу к правителям Египта, Золотой Орды, Османской Турции и Крымского ханства, Грузии, Речи Посполитой и Российского государства⁷. Известный западный исследователь Пол Хенце считает, что сколь ни были адыги привержены своим традициям, «черкесские мужчины всегда были готовы ринуться в более широкий

⁴ *Kanneler A.* Указ. соч. С. 21.

⁵ *Lemercie Zuelguejay Ch.* Op. cit. P. 18.

⁶ *Дзамихов К. Ф.* К вопросу о социокультурном синтезе правящих элит адыгов и России // *Нелокальные краевые задачи и родственные проблемы математической биологии, информатики и физики: Тезисы международной конференции.* Нальчик, 1996. С. 32–33.

⁷ *Дзамихов К. Ф.* Адыги – вехи истории. Нальчик, 1994. С. 41–57; *Хотко С. Х.* Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII – XVIII вв. Майкоп, 1995. С. 113–131; *Сокуров В. Н.* Институт выезда на службу у черкесов // *Эльбрус.* Нальчик, 1999. № 1. С. 97–119; *Дзамихов К. Ф.* Западная Черкесия, Крымское ханство и Речь Посполитая: характер политических взаимоотношений в XVII веке // *История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время: Тезисы конференции 30–31 мая 2000 г.* Пятигорск, 2000. С. 50–53; *Хафицз М.* Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000.

мир в качестве воинов... египетские мамлюки были большей частью черкесами... а традиция воинской службы в южных землях сохранялась ими до XVIII века включительно»⁸. Причины выезда адыгской знати на службу в другие государства были следующие: в первую очередь военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию военного духа; неразвитость государственных институтов и соперничество ведущих княжеских родов за верховное княжение, получить которое было легче, имея поддержку извне; возможность найти больший простор, чем у себя дома, где царила полная феодальная анархия и не сложилась централизованная государственная власть⁹.

Население многочисленных адыгских княжеств делилось на сословия, связанные жесткими иерархическими отношениями. На вершине феодальной лестницы стояли князья (*пши*), которые считались «естественными и прямыми покровителями народа». Многочисленные княжеские династии вели свое происхождение от единого родоначальника – легендарного Инала, объединившего всю Черкессию.

Адыгская историография, предания арабо-турецкой письменной традиции и русские письменные источники позволяют говорить о двух точках зрения на время правления князя Инала. Согласно одной, он правил в VIII веке, согласно другой – на рубеже XIV – XV веков¹⁰.

Во всех памятниках устной и письменной традиции князь Инал рисуется идеальным правителем, долго и мудро управлявшим адыгами. Он был удачлив в войнах, проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Его реформы по внутреннему управлению адыгской конфедерацией, введение института 40 судей и другие способствовали дальнейшей консолидации адыгской общности. Князь Инал присоединил к адыгам родственных им абхазов и абазин. Предания говорят о «раздорах» и «смутах» в адыгском обществе, которые в конечном итоге привели к переселению потомков князя Инала на Северный Кавказ.

⁸ Henze P. B. Circassian Resistance to Russia//The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 69.

⁹ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁰ Кабардинский фольклор / Вступительная статья, комментарии и словарь М. Е. Талпа. М.; Л., 1936. С. 140–144, 594–595, 628–629; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 65; Гадло А. В. Князь Инал – адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 25–33; Он же. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 23–26, 73, 75, 151–152; Хотко С. Х. Указ. соч. С. 213.

Князь Инал, вероятно, личность историческая, происходившая от легендарного Кеса. Предания называют его отцом Хурофатлая. В пользу этого определенным аргументом служат родословные князей Черкасских (потомки князя Идара), составленные в Москве на рубеже XVI – XVII веков. Например, в них князь Темрюк Идаров – верховный князь Кабарды середины XVI века и будущий тесть царя Ивана IV (Грозного) – обозначается как праправнук князя Инала.

Существует и арабо-турецкая версия, согласно которой интересующая нас личность и мамлюкский султан ал-Ашраф Сайф ил-дин Инал из черкесов, правивший в Египте с 1453-го по 1461 год, одно и то же лицо. Мамлюкскому султану многие предания приписывают длительные странствия, в результате которых он оказался на Северном Кавказе¹¹, в районе Таманского полуострова, и считают его предком адыгских аристократов. Анализ широкого круга источников позволил С. Х. Хотко сделать вывод, что мамлюкский султан Инал правил благополучно и умер своей смертью в Каире в возрасте 80 лет¹².

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш разделили Черкессию на уделы: «...один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду»¹³. Потомки Инала правили жанеевцами и хегаками (Зановы), темиргоевцами (Болотоковы), хатукаевцами (Хатукоевы или Керкиноковы), бесленеевцами (Коноковы), кабардинцами (Казыевы, Идарозы, Шогенуковы, Мисостовы, Жамболатовы, Бекмурзины, Атажуковы, Гиляхстановы, Таусултановы и др.). Бжедугами и махошевцами правили представители самостоятельных княжеских династий, происходивших, по преданию, от четырех братьев – Черчана (бжедугами-черченеевцами), Химиша (бжедугами-хамышеевцами), Богорсоко (мохошевцами) и Бастеко (частью бжедугов, осевшей у Черного моря на реке Вепсне)¹⁴.

Многочисленное адыгское дворянство (*уорк*) делилось на потомственное (*тлекотлеши* и *дижинуго*) – «великих» княжеских вассалов и служилое (*беслан-уорки*, *уорк-шаотлугусы* и *пишикеу*). Первая

¹¹ Адыго-абхазская топонимика сохранила места, связанные с князем *Иналом*. Местом его резиденции называется район к югу от Кизилташского лимана на Тамани; место погребения *Инал-кьуба* в абхазском обществе Псху в верховьях р. Бзыби. В Кабарде, в Зольском районе, недалеко от горы Кинжал, располагается гора Инала.

¹² Хотко С. Х. Указ. соч. С. 213.

¹³ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 96.

¹⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 156–160; АКАК. Т. 2. С. 949.

группа дворян в европейских документах часто обозначается как «благородные», в русских – как «именитые». Они, как и князья, могли поступать на службу к «оттоманскому падишаху, крымскому хану или московскому царю». Беслан-уорки и пшикеу были обязаны непосредственной вассальной службой своим князьям, за что получали «дворянский подарок» (уорктын), состоявший из крепостных крестьян, скота, ценного оружия и пр. На таких же основах строились отношения между уорк-шаотлугусами и их сеньорами – тлелкотлешами и джигуно. Традиционное обычное право адыгов гарантировало любому уорку возможность разрыва вассальных отношений со своим сюзереном, что, однако, редко случалось. Выработанный веками рыцарский моральный кодекс «уэркъ хабзэ» осуждал такой разрыв. Адыгское дворянство являлось той силой и опорой, на которой держалась политическая власть и авторитет князей.

Дж. Интериано, автор конца XV – начала XVI века, писал: «Благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом»¹⁵. В этом плане Черкесия не претерпела каких-либо кардинальных изменений в течение трех последующих столетий. По-прежнему военно-политическая деятельность составляет все содержание жизни князей и дворян¹⁶.

«Ни к каким другим занятиям они не были способны и считали для себя величайшим унижением и несчастьем, если бы роковая судьба заставила их заняться чем-нибудь другим»¹⁷. Военно-аристократический образ жизни правящей элиты средневекового адыгского социума оказал определенное влияние на феодальную знать соседних народов. «Кабардинское феодальное общество, по мнению специалистов, было многочисленным, воинственным, со строгими правилами воинской чести, которым следовало подчиняться и которые в известной степени можно сравнивать с японским «бусидо»¹⁸.

Выезжие адыги легко вписывались в структуру соседних государств и, выполняя в основном военно-командные функции, оста-

¹⁵ *Интериано Дж.* Быт и страны зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 49.

¹⁶ *Бгажноков Б. Х.* Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 78–104.

¹⁷ Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 2. С. 12.

¹⁸ *Lemercie Zuelguejay Ch.* Op. cit. P. 26.

вили заметный след в истории многих стран. Учитывая, что адыгская масса вплоть до конца XVII века оставалась языческой с элементами христианства и мусульманства, у мигрантов не было какого-либо религиозного барьера, и они быстро адаптировались в любой конфессиональной среде. Шанталь Лемерсье-Келькеже считает, что более старшие представители княжеских родов оставались на Кавказе, тогда как более молодые отправлялись в чужие края искать удачи. «Некоторые направлялись в Бахчисарай или Стамбул, другие в Москву или даже в Польшу и Литву. Те, кто оставался в Кабарде или служил султану и крымскому хану, становились мусульманами, тогда как те, кто служил царю, принимали православие»¹⁹.

В процессе сближения адыгских народов с Россией со второй половины XVI века позитивную роль сыграла деятельность Черкасских – княжеских родов, сложившихся из выезжавших на русскую службу представителей адыгской аристократии. С этого времени они в ранге служилых князей²⁰ влились в состав правящего класса Московского государства, и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Наиболее известными были кабардинские Черкасские (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи, Бековичи) – потомки сыновей кабардинского князя Идара, которые после женитьбы царя Ивана IV на Марии Темрюковне в 1561 году стали во множестве выезжать на службу в Москву. Кроме того, существовали ветви Черкасских, которые принадлежали другим адыгским этническим подразделениям – бесланеевцам и жанеевцам, а именно Ахамашуковы, Егуповы и Чюмаховы Черкасские²¹.

Выезды на царскую службу в Москву происходили в строгом соответствии со специальными правилами. Решение об отправке принимал специальный совет пши-уорков – Хасэ. Обычно в число выезжающих попадали молодые княжичи 16–20 лет. Отъезжанта сопровождала свита в составе ближнего узденя (къуэдз), воспитателя (быфыкъуадэ), телохранителей (пшэрыхъ)²².

Так, вместе с Михаилом (Салнуком) Темрюковичем и его двоюродными братьями Семеном (Уардашао) и Федором Жилеготовичем в опричнине служили «ближние уздени» братья Даутоковы (Таутоковы). По переписным книгам 1577 – 1578 годов, в одной Коломне в

¹⁹ Ibid. P. 26–27.

²⁰ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. М., 1986. С. 73.

²¹ Дзамихов К. Ф. К генеалогии западноадыгских Черкасских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия СКНЦВШ. 1990. № 2. С. 58.

²² Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 104–105.

54 бывших посадских черных дворах жили «черкашене», которых академик М. Н. Тихомиров считал «кабардинцами», сопровождавшими Михаила Темрюковича и его сестру Гушэней (Марию)²³. Или в 1626 году князь Каншао Битемрюкович просился в Москву для крещения вместе со своими людьми в 139 человек, в т.ч. 112 уорков, которые «с ним сажались на конь».

В Москве выезжих князей царю представляли ответственные чины Посольского приказа и кто-нибудь из влиятельных родственников. На первой аудиенции у царя рассматривалось прошение выезжего князя и определяли его в один из монастырей сроком на шесть недель, в течение которого его готовили к обряду крещения²⁴.

К середине XVI века, когда начался процесс выезда адыгских князей в Москву, сформировался совершенно новый состав русской аристократии, включавшей в себя фамилии бывших великих и удельных князей. Они претендовали на особое положение в государстве, потеснив старую московскую боярскую верхушку (в основном нетитулованную). Меняется в этой связи и состав Боярской думы. Стремясь удержать свое преимущественное положение в государстве, этот слой, по мнению А. Н. Медушевского, консолидировался и сумел оградить себя на довольно долгое время особой системой гарантий – местничеством.

В дооктябрьской и новейшей отечественной историографии о местничестве писали многие. Так, по мнению авторитетнейшего ученого А. А. Зимина, порядок назначения на думные, а также другие высшие судебные-административные и военные должности, определялся положением феодала на сословно-иерархической лестнице. Он считал, что эти традиции восходили к начальным этапам создания Русского государства. «Он зависел от знатности «рода» (т.е. происхождения) и от «службы» данного лица и его предков великому князю»²⁵. Как видим, суть местничества «состояла в том, что все высшие должности военной и административной службы с помощью особого счета распределялись в соответствии с наследственной родовитостью претендентов»²⁶.

²³ Тихомиров В. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 149.

²⁴ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 105.

²⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М., 1988. С. 296.

²⁶ Медушевский А. Н. Формирование государства: власть и сословия//Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. С. 61–62.

А. А. Зимин обращал внимание, что первоначально местничество носило служилый, а не родовой характер, и только со времен боярского правления, когда служилые князья вошли в Думу, они сравнялись с верхушкой старомосковской аристократии и также включились в систему местнических отношений²⁷.

Черкасские, кооптируясь в среду российской высшей знати, оказываются в составе боярской аристократии, которая заседала в Думе и принадлежала к потомкам князей-рюриковичей или гедиминовичей (князья Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины) и старинных московских боярских родов (Романовы, Морозовы, Шереметьевы, Шеины, Салтыковы). Кабардинские Черкасские заняли высокое положение в государственном управлении, руководя многочисленными приказами, а также командные должности в русской армии. Они состояли в тесных родственных отношениях с царствующими династиями и ведущими боярскими родами.

Их привилегированное положение состояло в том, что в бояре они выходили минуя чин окольничего и являлись ближними боярами, в отсутствие царя нередко замещая его в столице.

При всех царях – от Ивана IV (Грозного) до Петра I – по два представителя рода Черкасских входили в Боярскую думу: при Иване IV – Михаил Темрюкович и Семен Ардасович; при Федоре Иоановиче и Борисе Годунове – Борис Камбулатович и Василий Карданукович; при Михаиле Федоровиче Романове – Иван Борисович и Дмитрий Мамстрюкович; при Алексее Михайловиче – Яков Куденетович и Григорий Сунчалеевич; при Петре I – Михаил Алегукович и Михаил Яковлевич. Со смертью великого канцлера Алексея Михайловича Черкасского в 1742 году фактическое присутствие Черкасских в российском руководстве прекратилось.

В Дворцовой тетради 1550-х годов и в Списке чинов 1588 – 1589 годов, дающих наиболее полную картину состава служилых князей, в этом ранге называют следующих лиц: Борис Камбулатович Черкасский, Андрей Васильевич Трубецкой, Афанасий Шейдяков, Роман и Василий Агишевич Тюменские, Михаил Никитич Одоевский, Василий Карданукович Черкасский, Иван и Дмитрий Михайлович Воротынские²⁸.

М. Е. Бычкова обращала внимание, что кабардинские Черкасские, называясь служилыми князьями, в качестве земельных владений получали лишь вотчины²⁹.

²⁷ Зимин А. А. Указ. соч. С. 304.

²⁸ РГАДА, ф. 20, Столпцы Московского стола, № 751, столпик 3, л. 19, 21.

²⁹ Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 73.

С. П. Мордовина в свою очередь прослеживает, как царское правительство переводит на положение служилых князей иностранных выходцев, но это не сопровождалось их непременно наделением уделами, а поместья, которые им жаловались в разных уездах, «не идут в сравнение с владениями Мстиславских и Глинских»³⁰.

В период наибольшего расцвета сословно-представительной монархии в России в XVII веке представителей рода Черкасских в составе российской правящей верхушки насчитывалось 7–8 человек³¹. К 1700 году они были самыми богатыми землевладельцами России, имея в своем распоряжении 12 032 крестьянских двора и опережая далеко представителей других 33 родов, входивших в Думу³².

Иерархия правящей аристократии во второй половине XVII века, по свидетельству Г. К. Котошихина, располагалась следующим образом: князья Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. На следующую ступень социальной иерархии Котошихин поместил «роды, меньше тех, которые бывают и в окольных и в боярах: князей Куракиных, кн. Долгоруковых, Бутурлиных, кн. Ромодановских, кн. Пожарских, кн. Волконских, кн. Лобановых, Стрешневых, Пушкиных, Измайловых, Плещеевых, Львовых. Роды ж, которые бывают в думных дворянах и в окольных и из честных родов и из средних, и из дворян: и те роды больша той части не доходят. Есть потом и иные многие добрые и высокие роды, только еще в честь не пришли, за причиною и за недослужением»³³.

Обнаруженные автором в «Дворцовых разрядах» многочисленные «местнические дела» свидетельствуют, что «сословная честь» Черкасских была достаточно высокой в иерархической структуре российского феодального общества³⁴. А. И. Маркевич полагал, что

³⁰ Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28. С. 327–328.

³¹ Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVII вв. М., 1975. С. 76–77, 78–79, 103, 107.

³² Там же. С. 107.

³³ Цит. по: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 96–97.

³⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением Собственной его Императорского величества канцелярии. Т. 1. (1612–1628). СПб, 1850. С. 96, 322, 324, 393, 630, 710, 886; Т. 2 (1628–1645). СПб., 1851. С. 124, 128, 170, 256, 269, 350, 443, 679; Т. 4 (1676–1701). СПб., 1855. С. 120, 647; ДРВ. XIV. С. 487, 490.

установление местнической чести выезжих лиц вполне зависело от правительства, которое все-таки стремилось при этом сообразоваться с честью лица в той земле, откуда оно выезжало³⁵.

Известно, что большинство генеалогических легенд из родословных российских аристократов (потомков князей Рюриковичей и Гедиминовичей), а также выезжих аристократов из числа нерусских народов выводили часто происхождение своих родов из-за рубежа. Все они отражали одну тенденцию – закрепить знатность происхождения и давность службы представителей рода при дворе великих князей (московских, тверских и т.д.). Не стали исключением и представители рода Черкасских. Этногенетическое предание об их царском происхождении от мамлюкского (египетского) султана Инала вошло в их генеалогические росписи и получило признание правящей верхушки российского общества. Указанный момент нашел свое отражение и в гербе Черкасских, где изображена чалма с пером, надетая на золотую корону.

В многочисленных местнических спорах (кн. Б. К. Черкасского с В. В. Голицыным; В. К. Черкасского с А. И. Голицыным; Д. М. Черкасского с А. И. Голицыным, Ф. Н. Куракиным, Б. М. Лыковым, Н. И. Одоевским, М. Б. Шеиным; И. Б. Черкасского с И. М. Воротынским, В. П. Морозовым; М. А. Черкасского с М. А. Голицыным; Я. К. Черкасского с Г. Г. Ромодановским и др.) судебные дела за редким исключением выиграны Черкасскими. Например, в 1632 году кн. Б. М. Лыков не захотел быть вторым воеводою после кн. Дм. М. Черкасского (за 30 лет князь Лыков привык быть самостоятельным воеводой – «ходить со своим набатом»). После разбора местнического спора «государь царь и великий князь Михайло Федорович указали боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на боярина князя Бориса Лыкова доправить бесчестье оклад князя... 1200 рублей; и деньги на боярине Борисе Лыковы взяты и по их государеву указу отданы боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу...»³⁶.

А. Н. Медушевский показывает, что хотя с отменой местничества древность рода и знатность происхождения перестали играть прежнюю роль, однако в среде боярства они сохранили свое значение. И считает, что с помощью родственных связей между родами крупные бояре обеспечивали свое положение в Думе, составляя

³⁵ Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV – XVII вв. Одесса, 1888. С. 444.

³⁶ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 269; Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 65–66.

замкнутую группу, не допускающую в свой состав новых людей. Этой группе была присуща определенная психология, традиция поведения, отношение к реформам³⁷. По своим основным параметрам приведенная характеристика совпадает с определением элиты, сформулированным Р. Миллсом в новейший период: «Элита в большей или меньшей степени сознает себя как социальный класс, и члены ее ведут себя по отношению к своим иначе, чем по отношению к членам других классов. Они благожелательно относятся друг к другу, принимают друг друга, заключают между собой браки, стремятся к тому, чтобы действовать и думать, если не совместно, то по крайней мере одинаково»³⁸.

Несмотря на формирование в России в петровский период нового правящего класса и связанной с ним бюрократии и размывание традиционного слоя старой аристократии, представители рода Черкасских все еще занимают высокое положение в государстве. Со второй половины XVIII века число ветвей рода Черкасских в России начинает постепенно сокращаться. Так, ветвь кн. Ахашамуковых-Черкасских пресеклась на рубеже XVII–XVIII веков; Егуповых – Черкасских – в начале XIX века.

Отдельного и специального изучения требует вопрос о трансформации образа жизни, психологии и быта адыгских горских князей различных поколений в представителей высшей русской феодальной верхушки. Особое значение при этом будут иметь, на наш взгляд, духовные завешания представителей рода Черкасских. Имеющееся в нашем распоряжении духовное завешание Дмитрия Мамстрюковича Черкасского³⁹ позволяет прийти к выводу, что политическое, идеологическое и социокультурное сближение представителей адыгской правящей аристократии с русской, тесные личные и матримониальные отношения и унифицирующее воздействие христианства быстро ослабляли, размывали традиционное самосознание адыгской выезджей знати.

³⁷ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 94.

³⁸ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 34.

³⁹ Духовное завешание князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. М., 1907; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI–конец XVIII века). Нальчик, 1996. С. 285–288.

ЮСУПОВЫ И УРУСОВЫ – РУССКИЕ КНЯЗЬЯ НОГАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ногайские родословные представляли для российского правительства определенный интерес, поскольку со времен Ивана Грозного многие «выбитые из Ногаев» мурзы в результате междоусобиц находились на службе в Москве, а в дальнейшем их потомки, принявшие крещение, стали родоначальниками многих русских княжеских и дворянских фамилий (Юсуповы, Урусовы, Байтерековы, Канбаровы, Шейдяковы, Кутумовы, Тинмаметовы, Урмаметовы и ряд других).

Род князей Юсуповых, как показано в справке разрядного архива и в других родословных книгах, происходит от ногайских князей. Родоначальником княжеской династии Юсуповых был князь Юсуф, убитый в 1555 г. во время междоусобицы его младшим братом Исмаилом. У Юсуфа было 8 сыновей. Сарший сын был Юнус, а младший – Эльмурза. Известная казанская царица Сююнбике (в честь которой названа знаменитая башня в Казани) была дочерью Юсуфа.

В 1558 г. царь Иван Грозный пригласил в Москву Юнуса. Царь принял его как почетного гостя. В 1559 г. не стало Юнуса. Обстоятельства кончины его неизвестны. Исмаил, опасаясь других сыновей Юсуфа, в 1563 г. отправил Эльмурзу и Ибрагима в Москву в виде аманатов (заложников) верности ногайцев.

Царь Иван IV принял их благосклонно и наделил их обширными поместьями. Им были пожалованы многие села и деревни в Романовском округе на Волге. Семья Юсуповых по праву считалась богатейшей в России. В XIX в. только их малороссийские имения насчитывали 70 тыс. десятин земли.

Хан-мурза Юсупов, родной внук Сеюша, сына Эльмурзы от младшего его сына Джан-мурзы, был одним из первых в роду Юсуповых, принявшим христианство.

Владелец огромного богатства Абдул-мурза, внук Эльмурзы, при царе Федоре Алексеевиче попал в опалу и лишился значительной части своих имений. Чтобы загладить свой проступок, Абдул-мурза просил крещения и в 1681 г. получил имя Дмитрия. За заслуги и храбрость в войне против Крымского ханства и Польши он получил титул князя и поместье с землей. Он умер в 1694 г., оставив после себя трех сыновей. Один из его сыновей Григорий Дмитриевич

Юсупов (1676–1730) – участник петровских войн, ведал снабжением русской армии в Познани и постройкой речных судов в Нижнем Новгороде. После кончины Екатерины I за заслуги перед отечеством и преданность императору Петру II он получил в подарок большой дом в Москве и в октябре 1727 г. был пожалован в подполковники Преображенского полка, в котором сам царь считался полковником. Это внимание и милость царя были так значительны, что сама герцогиня Курляндская (впоследствии императрица) Анна Ивановна письменно поздравила Григория Дмитриевича с пожалованием и просила его поклониться от нее – его фамилии.

В 1724 г. при короновании Петром Великим его супруги Екатерины I Григорий Дмитриевич был в числе шести генерал-майоров, поддерживавших на серебряных древках балдахан, под которым шествовала императрица в собор. Он был один из первых, кто получил после учреждения Екатериной I орден св. Александра Невского. Григорий Дмитриевич был сенатором и с 1727 г. членом Государственной военной коллегии.

При погребении Петра I в 1725 г. князь Григорий Дмитриевич был в числе трех маршалов (кн. Александр Меншиков и граф Федор Апрашкин), следовавших за гробом государя. Он скончался на 56-м году и погребен в Москве, в Богоявленском монастыре.

Сын Григория Дмитриевича, князь Борис Григорьевич (1695–1759) был отправлен Петром I на учебу во Францию с другими 20 детьми русских сановников. Он возвратился из Парижа с блестящим по тому времени образованием. Был избран московским губернатором (1738), президентом Коммерц-коллегии, главным директором по устройству Ладожского озера, 9 лет директором Петербургского Сухопутного кадетского корпуса, действительным тайным советником, сенатором. Кавалер орденов – св. Александра Невского и Св. Апостола Андрея Первозванного (1751).

В марте 1730 г. князь Борис Григорьевич получил грамоту от императрицы Анны Ивановны «за верность и ревностное радение» и чин действительного камергера с рангом генерал-майор. Бирон очень завидовал ему и в 1740 г. «доискивался» до него. Судьба распорядилась так, что через 34 года эти семьи породнятся, а сын Бирона будет супругом его младшей дочери – Евдокии.

Николай Борисович Юсупов-старший (1751–1831) – еще в младенчестве был записан в лейб-гвардию, а в 1771 г. пожалован в поручики лейб-гвардии конного полка. Затем ушел в отставку. Находясь с июня 1772 г. вне военной и государственной службы, он провел несколько лет в путешествии по Европе (Англия, Франция, Гер-

мания, Италия, Испания, Португалия). В Лондоне в 1776 г. он встречался с известным писателем Бомарше.

В январе 1783 г. Николай Борисович был послан российским послом в Турин, ко двору Сардинского короля Амедея III. Он получил согласие Римского Папы на снятие списков с Рафаэловых лож в комнатах Ватиканского дворца. Опытные художники – Мазон, Россин и др. – трудились по приглашению князя Н. Б. Юсупова для снятия копий с подлинников. Затем Эрмитаж в Санкт-Петербурге украсился Рафаэловой галереей. У него была также богатая коллекция редкой красоты и художественной ценности резных камней.

В 1791 г. он стал управляющим театрами в Санкт-Петербурге. Затем был президентом мануфактур-коллегии, при императоре Александре I был членом Государственного совета, был действительным тайным советником, известный меценат, награжден орденами св. Александра Невского (1796) и Святого Андрея Первозванного (1797). В 1800 г. он стал министром Департамента уделов, сохранив за собой также управление мануфактур-коллегиею. В 1804 г. князь Николай Борисович по болезни временно ушел в отставку, до выздоровления получив разрешение ехать за границу.

В Париже был с почетом принят Наполеоном.

В 1826 г. Николай Борисович был назначен верховным маршалом при коронавании нового царя. Таким образом, ему суждено было занимать эту должность при трех коронациях: 5 апреля 1797 г. – императора Павла I, 15 сентября 1801 г. – императора Александра I и в августе 1826 г. – императора Николая I. Он скончался 15 июня 1831 г. и погребен в подмосковном селе Спасском.

Николай Борисович Юсупов-младший (1826–1891) – член Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны, ведал Петербургской публичной библиотекой.

Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков, Эльстон-старший, получил титул князя Юсупова по женитьбе на Зинаиде Николаевне Юсуповой – последней представительнице рода Юсуповых, командир Кавалергардского полка; московский генерал-губернатор (1914–1915); председатель общества акклиматизации животных.

Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков, Эльстон-младший, участник убийства Распутина; был женат на княжне Ирине Александровне, племяннице императора Николая II.

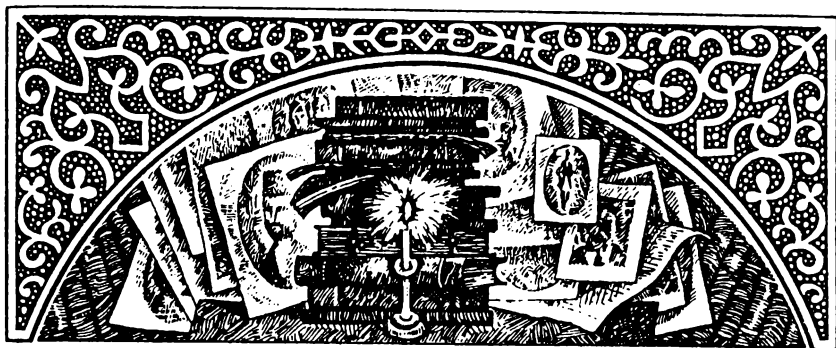
До сих пор сохранилась усадьба князей Юсуповых в с. Архангельское Красногорского р-на Московской области.

Род князей Урусовых, как показано в справке разрядного архива и в других родословных книгах, происходит от сына Исмаила, князя Уруса.

Многие из внуков Уруса приняли христианскую веру с титулом князей Урусовых.

Известно, что сыновья Янарслана (сын князя Уруса) были взяты в Москву в качестве аманатов и там крещены: Урак под именем Петра, Заурбек – Александра. Разрядная книга под 1594 г. говорит, что в июле этого года при приеме цесарских послов, когда послы ели у государя, вина «нарежал» и пить наливал князь Петр Урусов.

Урак (Петр) Урусов убил в декабре 1610 г. тушинского самозванца Лжедмитрия II. Петр Урусов был женат на вдове князя А. Шуйского. Он начал свою карьеру в первых рядах московской придворной молодежи еще при царе Федоре Ивановиче (сыне Ивана Грозного).

НИТЬ, ВЕДУЩАЯ В ПРОШЛОЕ

Г. Х. Мамбетов

Нальчик

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ В XVII–XX ВЕКАХ

Изучение этнокультурных связей народов Северного Кавказа имеет безусловный научный и практический интерес, так как может представить ценный материал для восстановления картины экономического, политического и культурного взаимодействия соседних народов.

Каждый человек, по обычаям адыгов и балкарцев, должен был знать свою генеалогию, свое происхождение, своих братьев и сестер до седьмого колена. В прошлом (до 1917 г.) этому придавали большое значение. Именно поэтому работы С. Н. Бейтуганова, А. И. Мусукаева, А. А. Максидова и других имеют большое значение не только для фамилий, которым они посвящены, но и для истории.

Кабардинцы и балкарцы издавна поддерживали экономические, политические и культурные связи с осетинами, чеченцами, ингушами, грузинами, народами Дагестана и русским населением. Так, например, кабардинцы жили в чеченской деревне Брагуны (XVI в.), Герменчуке, Шали, Давлет-Гиреевской. В свою очередь, значительное число чеченцев и ингушей обосновалось в кабардинских селениях Псидахе, Гайтиево и Эльджеруково, в предместьях Терекского городка, в Кизляре. Кумыки и кабардинцы – в Давлет-Гиреевской, а также на берегу Терека; осетины до сего времени живут во многих

кабардинских селениях – Лескене II, Урухе и других.

Между кабардинцами, балкарцами, чеченцами, ингушами, осетинами существовали дружеские, семейные связи, игравшие большую роль в укреплении мирных и добрососедских отношений и исключавшие вооруженные конфликты.

Многие кабардинцы, балкарцы имели кунаков и побратимов в чеченских, ингушских, дагестанских селениях, на которых они могли положиться и которые приходили друг другу на помощь, если такая нужда возникала. Об этом убедительно свидетельствуют исторические рассказы, песни (одним из них является рассказ о знаменитом адыгском рыцаре Дохшуко Бгуншокове), многочисленные фамилии кабардинцев и балкарцев ингушского, чеченского, кумыкского, осетинского происхождения.

Частыми являлись вступления в брак кабардинцев, балкарцев с кумыками, чеченцами, ингушами, тем более что они исповедовали одну и ту же религию – ислам. Да и различие в религии осетин (христианство) не мешало их вступлению в брак с кабардинками и балкарками и наоборот. Так, в конце XVI в., несмотря на то, что отдельные кабардинские владельцы, малокабардинский князь Шолох отказался порвать отношения с кумыками, так как в Тарковском шамхальстве и других дагестанских владениях жили его дочери, родственницы и соплеменницы (см. С. А. Белокурова); на кабардинке из рода Анзоровых был женат Шамхал Чопалау. От этого брака родился Султан-Магмут – эндереевский правитель (см. Н. Семенова). По преданию, народный герой Каншобий выдал свою младшую дочь Коз за владетельного кумыкского князя. Таубий Чегемского общества Балкаруков был женат на дочери Тарковского шамхала.

Подобные браки заключались между кабардинскими, чеченскими, ингушскими, балкарскими владельцами. Роднились и представители народных масс. От простых кабардинских женщин-прислуг княжны Таусултановой пошел род Кавдосаров в Ингушетии (см. Н. П. Гриценко). Многие крепостные крестьяне кабардинских владельцев Мударовых состояли в браке с кумыкскими крестьянами. Эти связи сыграли определенную роль в распространении ислама в Кабарде и Балкарии. Балкарцы Чегемского ущелья, по преданию, стали мусульманами после женитьбы их таубия Ахтугана Балкарукова на кумыкской княжне (см. В. Миллера и М. Ковалевского). В начальный период распространения ислама среди кабардинцев и балкарцев служители культа (муллы) обучались в религиозных школах Дагестана, где духовное образование было поставлено значительно лучше. Дагестан был своеобразным культурным центром, откуда арабская культура и литература распространялись в другие

районы Северного Кавказа.

Семейными и генеалогическими связями, жизнью в одних и тех же населенных пунктах объяснялись примеры аталыческих отношений. Не редким было воспитание детей кабардинских князей и балкарских таубиев в семьях осетинских, чеченских, ингушских феодалов, которые, в свою очередь, посылали детей на воспитание к адыгам.

Адыгский этикет – этот свод неписаных законов, которыми регулировалось вплоть до XX в. поведение человека во всех областях общественной, семейной жизни и которые оказывали влияние на этикет соседних народов.

Европейские ученые, бывшие на Кавказе в XVI–XIX вв., отмечали, что удивительно строго регламентированные формы почитания, величания женщин придавали поведению кабардинцев и балкарцев поразительную изысканность. Они сравнивали его с рыцарским этикетом первых королей Германии и Франции.

Английский путешественник Джемс Белл об адыгском этикете писал: «По всему тому, что я видел, я смотрю на черкесов в массе своей как на самый вежливый от природы народ, который я когда-либо знал или о котором я когда-либо читал». Корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. Лонгворт отмечал: «Ни в какой стране мира манера поведения людей не является столь же спокойной и достойной, как у адыгов».

А В. И. Абаев заметил, что адыгский этикет соответствовал правилам светского приличия, был изысканно вежливым и учтивым. Грузинский философ И. Рехвиашвили писал: «Выработанный и строго соблюдаемый адыгскими племенами этикет... был принят в качестве единой нормы поведения почти всеми кавказцами». Так что соседним народам Северного Кавказа было чему поучиться, что перенять.

*А. Г. Митиров
Элиста*

КАЛМЫЦКО-КАБАРДИНСКИЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Вопрос о генеалогических связях калмыков с кабардинцами имеет давнюю историю. Она связывает узами родства представителей многих народов.

Так, например, Иван Грозный был женат на дочери Темрюка,

князя Большой Кабарды, – Марии Темрюковне. В конце XVI века двоюродные братья Темрюковичей – Куденек Камбулатович и Сунчалей Янглычевич перешли жить в Терский городок. Сунчалей в 1615 году царем Михаилом Федоровичем был пожалован княжеским титулом, и в Терском городке возникло княжество – Черкасское, в дальнейшем перешедшее к потомкам Сунчалей, а в 1661 году – к Каспулату Муцаловичу.

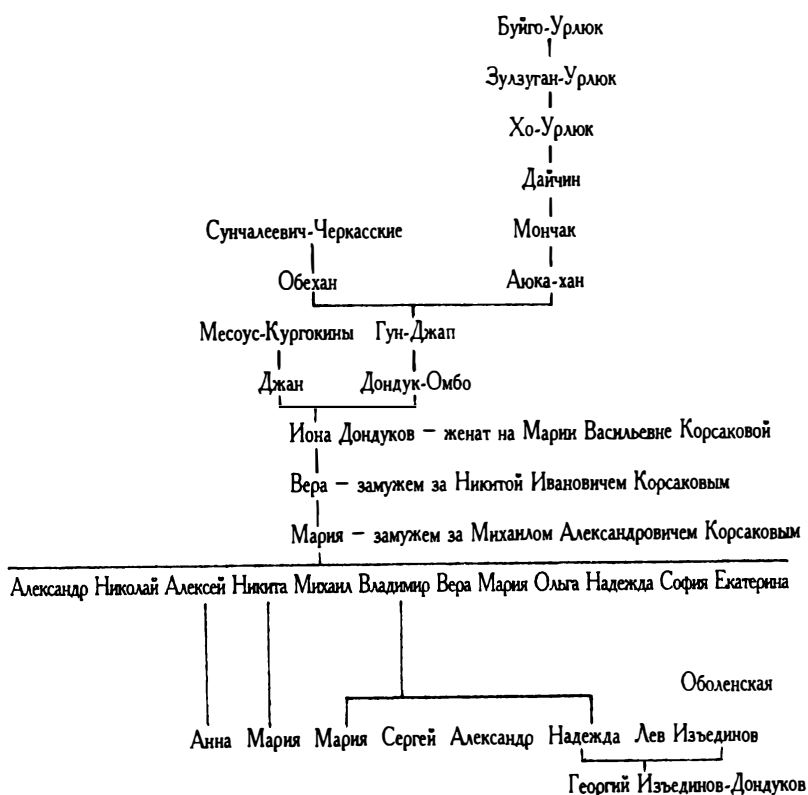
Сын Сунчалей – Сунчалей Сунчалеевич при крещении был наречен Григорием. Именно он в 60-х годах XVII века стал первым воеводой в Астрахани, где пересеклись пути князей Черкасских и калмыцких владельцев.

Князья Черкасские пользовались большим авторитетом и известностью среди народов этого региона. Г. С. Черкасский поддерживал дружественные связи с калмыками, ходил с ними в военные походы. Об этом свидетельствуют письма калмыцких владельцев Дайчин и сына его Мончака. Они заметили в письме, что до приезда в Астрахань Г. С. Черкасского и «до сватовства с ним... у великого государя в послушанье, он, Мончак тайша, не бывал и никакого его, великого государя, повеленья не исполнял... а как-де приехал в Астрахань он... учинились он, Мончак и отец его Дайчин и племянник Ялба тайша во всяком послушанье навеки». Мончак далее уточнил, что станет «радеть и служить для того, что учинились в сватовстве с ним, боярином и воеводою, взял по его, боярскому договору, за сына своего племянницу его, Обехан, а князь Каспулату сестру». Сыном же Мончака был Аюка – будущий хан. Сватовство калмыцких и кабардинских князей было традиционным явлением, как и у многих народов в древности, как обычай заключения «Мира и родства». Обехан прожила с Аюка-ханом более пятидесяти лет. У Аюки было несколько жен и детей, но предположительно от Обехан был сын по имени Гун-Джап.

В 20-х годах XVIII века сын Гун-Джапа – хан Дондук-Омбо женился на сестре кабардинских князей Кургокиных-Месоусов-Джан. После смерти хана Дондук-Омбо Джан со своими детьми была крещена с титулом и фамилией князей Дондуковых. Одним из них был полковник князь Алексей Дондуков, его брат – бригадир Иона Дондуков. На Ионе Дондукове пресеклась мужская линия этой семьи, но началась история другой. Иона Дондуков был женат на М. В. Корсаковой – дочери полковника В. И. Корсакова, и у них в 1781 году родилась дочь Вера. Она в 1802 году вышла замуж за полков-

ника Н. И. Корсакова, который по просьбе жены принял титул, герб и фамилию князей Дондуковых и потомственно стал именоваться князем Дондуковым-Корсаковым. Потомки их породнились с представителями известных фамилий России и европейских стран. Отметим, что самую впечатляющую карьеру сделал А. М. Дондуков-Корсаков. Он был губернатором многих губерний, генерал-адъютантом, генерал от кавалерии, императорским российским комиссаром в Болгарии и Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, членом Государственного Совета.

Как видим, калмыцко-кабардинские генеалогические связи получили очень интересное продолжение в истории народов России. Вот родословная таблица князей Дондуковых-Корсаковых.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИХ ФЕОДАЛОВ В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ КАВКАЗА В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Межэтнические браки народов Северного Кавказа являлись одним из каналов культурного взаимовлияния. Подтверждением этому служат фрагментарные свидетельства в фольклоре, письменные источники и другие этнографические материалы.

С XVII в. брачные связи осетинских феодалов с представителями социальных верхов соседних народов прослеживаются документально, о чем свидетельствует богатый архивный материал. Причины, по которым осетинские феодалы вступали в родственные отношения с аристократией Кабарды, Балкарии, Карачая, Грузии, Ингушетии и других народов Кавказа, были политические, экономические, классовые. Постыдным считалось женить сына на девушке низшего по сравнению с ним общественного положения, почему алдары (осетинские феодалы. – *И. М.*), как правило, рондились с представителями осетинских или иноплеменных феодальных родов.

В генеалогических преданиях осетин, как и других этносов Кавказа, очень часто сообщается о межнациональных браках представителей привилегированных классов этих народов, что подтверждается сохранившимися родословными росписями. Сформировалось правило, по которому горские феодалы вступали в брак только с равными себе.

Наибольшее количество подобных браков у осетин приходится на феодалов Тагаурского и Дигорского обществ Северной Осетии.

Изучая историю развития феодализма, Штедер писал о дигорских феодалах, что «путем связей и родства с кабардинцами они стремились, как и те, пользоваться правами князей, равными которым они себя почитали».

В качестве примера приводим несколько фактов подобного родства: женой тагаурского алдара Султана Дударова была дочь кабардинского узденя I степени Фатима Тамбиева (1832 г.); дочь генерал-майора Муссы Алхастовича Кундухова была женой кабардинского первостепенного узденя Кургоко Куденетова.

Установление брачно-родственных связей с кабардинскими феодалами было характерно и для куртатинцев. Наиболее часто

встречающиеся браки были заключены с феодалами Малой Кабарды. Дзанхот Темирович Демиров был женат на дочери кабардинского узденя Джан Азапшевой; Темир Махамат-Гиреевич Мамуков – на Анзоровой; Дей Камболатович Черджиев – на Болатовой. Особенность географического расположения Куртатинского общества, его отдаленность от соседних кавказских народов влияли на количество заключенных брачных союзов между куртатинскими феодалами и представителями знати других народов. Подобные браки участились лишь с начала XIX в.

Нередко случалось родниться осетинским феодалам и с князьями Большой и Малой Кабарды. По сохранившимся источникам, нам известно несколько таких примеров: дочь князя Казиева была выдана замуж за тагаурского алдара Каспулата Кундухова; на дочери мало-кабардинского князя Кудас Ахловой был женат первым браком Темурко Эльмурзович Дударов, а его сын от второго брака Хаджи-Бекир стал мужем Ахловой Гошнаны Казиевны; на княжне Мударовой был женат Хату Тотикович Шанаев; родоначальник фамилии куртатинских таубиев Караевых был женат на дочери Чехмата Ахлова – Кыз, а его родственник Забол был зятем Ахлоу Ахлова; на Ахловой был женат и алдар Каншау Шохович Мамсуров; женой Карабугаева Джанхота была княжна Изза Атажукина.

Частыми были заключения браков между осетинской и балкаро-карачаевской аристократией. Причем основное их количество приходится на Дигорское общество: Дзамболат Бек-Мурзович Кантемиров был женат на дочери балкарского таубия Кантутай Айдаболовой; женой Ислама Кулиевича Карабугаева была дочь карачаевского таубия Даду Адиловна Карабашева; известный общественный и культурный деятель второй половины XIX в. Джантемир Шанаев был женат на дочери таубия Холамского общества Балкарии Фузе Шакмановой.

Браки с феодальными родами Ингушетии были частыми в среде тагаурской знати. Объясняется это близким географическим соседством Тагаурского общества Северной Осетии и Ингушетии. На девушках рода Мальсаговых были женаты: Дударовы – Багра Батырбекович, Асланбек Ахметович, Эльмурза Болаевич; с Хаматхановыми породнился Аспий Тулатов, с Сmailовыми – Урузмаг Туганов, с Льяновыми – Уци Тотразович Шанаев; с Ахриевыми – Гибицо Темуркович Дударов.

В родословной росписи баделят Чегемовых указывается на факт заключения брака представителя этого рода – Мурзабека Казиевича Чегемова и дочерью майора князя Келеметова «из Закубанцев» – Айсой.

Знатные роды Алагирского и Тагаурского обществ имели тесные родственные отношения с грузинской аристократией. Подтверждением этому служат заключенные брачные союзы: женой полковника царской армии Касполата Габисовича Есенова была дочь генерал-майора Зали Гавриловна Казбек, а его дочь Сона стала женой князя Георгия Тархан-Моурави; Эдик Асланбекович Дударов был женат на дочери Федора Казбек – Марии, на ее сестре Гурдзихан был женат Чопан Хамурзович Жантиев; Бади Долат-Мурзаевна Дударова была выдана замуж за Вахтанга Казбек-Чопикашвили; матерью Бимболата (Александра) Казбек также была Дударова, дочь Темурко Эльмурзовича.

В XIX в. семья Бекира Абдурахмановича Цопанова из рода шамхалов Тарковских породнилась с социальными верхами Дигорского общества. Сам он был женат на представительнице влиятельного царгасатского рода Калле Зекеевой, двое из его сыновей также были женаты на осетинках: Долат-Мурза – на Саните Хаджи-Бекировне Таймазовой, Тазрет – на Гуасала Мурзабековне Ельбиевой.

Фаризат Мисостовна Кубатиева была замужем за Ахмедом Абубекировичем Лафишевым, принадлежавшим к абазинскому феодальному роду, на Дзидза Лафишевой был женат Мисост Мурзабекович Зекеев.

В XIX в. стали появляться браки между горской аристократией и русским дворянством. Так, Батырбек Асланбекович Туганов был женат на Ольге Захаровне Лерман; на дочери статского советника Марии Романовне Умановой был женат Казбулат Бабиевич Зурапов.

Брачные связи осетинских феодалов с аристократией Кабарды, Балкарии и других народов Кавказа служили укреплению межнациональных отношений этих народов, а установление родственных и дружеских отношений в среде знати влекло за собой аналогичные процессы и в среде подвластного им населения.

Х. Х. Яхтанигов
Нальчик

АДЫГСКИЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЗНАКИ: ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

Тысячи фамилий горцев Северного Кавказа донесли из глубин истории до наших дней свои фамильные или родовые знаки, называемые словом «тамга». До сих пор нет единого мнения о наличии или отсутствии связи между горскими знаками и античными знаками сарматов и Боспора. А между тем объективный подход к знакам

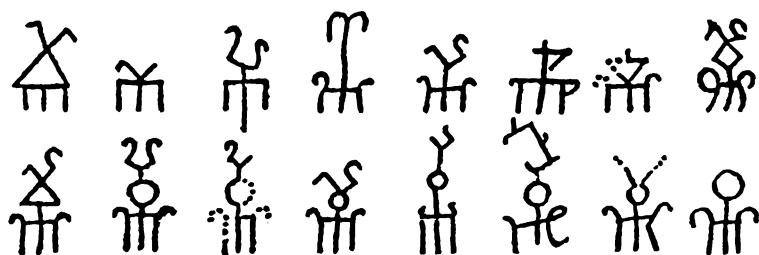
горцев Северного Кавказа говорит о том, что они имеют исторические связи, отстоящие от данного региона весьма далеко как во времени, так и в пространстве. Тамги эти охватывают Кавказ, Иран, Среднюю Азию, Хорезм, Китай и Восточную Европу. Для примера приведем слова исследователя Б. И. Вайнберга: «С. П. Толстов, присоединившись к мнению своих предшественников о сходстве хорезмийской и кушанской (Хувишка) тамг, сопоставил некоторые варианты хорезмийских тамг с эфталитскими, согдийскими и тамгами из Восточной Европы, распространявшихся в сарматско-массагетской этнической среде и ее последующих исторических трансформациях...»

Отмеченные им параллели, подкрепленные анализом семантики тамг Хорезма и Боспора, дали возможность сделать очень важные выводы о том, что «хорезмийская тамга сиявушидов-афригидов, равно как и дополнительные династические и фамильные знаки Хорезма, входят в круг массагето-сармато-аланских родовых символов и позволяют вместе с тем говорить о более интимных генеалогических связях между хорезмийскими сиявушидами, с одной стороны, и массагето-сако-сарматскими династиями Боспора, кушанской и эфталитской империи и аршакидского Ирана – с другой...»

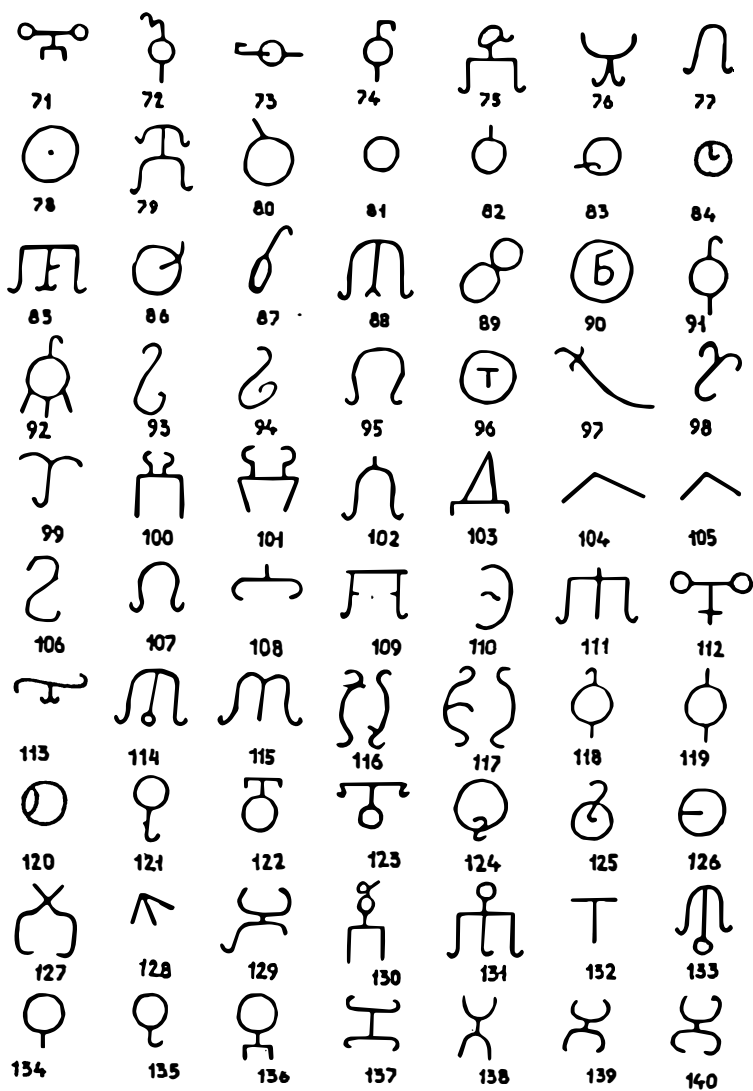
Далее автор делает интересный вывод: «Тамги среднеазиатских династий, которые китайская раннесредневековая традиция относит к «юсчжи дома Чжаову», отличаются от юсчжийских-кушанских и обнаруживают близость с тамгами сарматского круга в самом широком толковании этого понятия...»

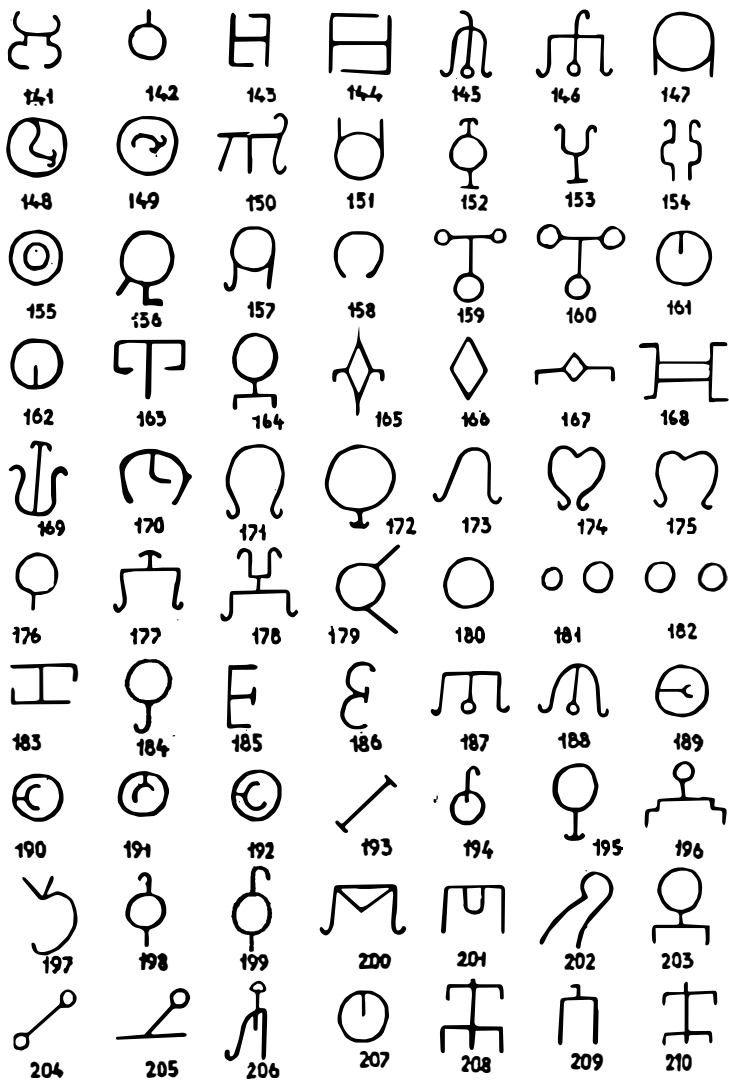
Для ясности мы приводим группу северокавказских тамг и группу знаков античного Боспора.

ТИПЫ БОСПОРСКИХ ТАМГ

ТИПЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ТАМГ

О ПОТОМКАХ ПОЛОВЕЦКОГО ХАНСКОГО РОДА КОТЯН НА РУСИ, СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ВЕНГРИИ

В русской истории до начала XX века признавалось, что Ростислава-Феодосия Мстиславовна, в иночестве Евфросиния, дочь Мстислава Мстиславовича Удалого – князя торопецкого (удельного смоленского), новгородского, галицкого, крупного полководца того времени, была второй женой Великого князя Ярослава II Всеволодовича и матерью всех их детей. Эти факты отражены в летописях, а также в других документах.

Однако в 1908 году Н. А. Баумгартен, крупный специалист в области княжеской генеалогии, выступил со статьей, в которой стал доказывать, что Феодосия якобы является дочерью рязанского князя Игоря Глебовича и третьей супругой Великого князя Ярослава II Всеволодовича, а также матерью всех его детей, в том числе Александра Невского.

Учитывая большой авторитет Н. А. Баумгартена, эта версия без дополнительных исследований была признана и разделялась историками в течение нескольких десятилетий.

И только в 1986 году была опубликована первая и в 1996 году вторая работы ученого В. А. Кучкина, в которых он убедительно и аргументированно доказывает ошибочность положений Н. А. Баумгартена.

Имеются и дополнительные аргументы, указывающие на то, что Ростислава-Феодосия – дочь Мстислава Мстиславовича Удалого.

Вместе с тем нами выявлены убедительные доказательства, свидетельствующие о том, что Ростислава-Феодосия является внучкой знаменитого половецкого хана Котяна.

Выяснены подробности брака, семейной жизни и судьбы потомков Мстислава Удалого и дочери половецкого хана Котяна.

У Александра Невского от брака с княжной Полоцкой – Александрой Брячиславовной было четыре сына и одна дочь: Василий – князь новгородский, Дмитрий – великий князь Владимирский, Андрей – удельный князь городецкий, Даниил – удельный князь московский. Сын Александра, Даниил, положил начало «Дому великих князей московских», который наследовали: Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской, Василий I, Василий II Темный, Иван III, Василий III, Иван IV Грозный и Федор I.

На основании имеющихся данных, нами установлены 333 потомка Александра Невского по мужской и женской линиям, а также его предки: 10 прямых по мужской линии и 25 ближайших родственников, из которых 24 имеют в этногенезе половецкий компонент, в соответствии с чем и составлено родословное древо.

У брата Александра Невского Андрея – Великого князя Владимирского от брака с Устиньей Данииловной, дочерью Даниила Романовича – короля Галицкого, было три сына: Юрий, Василий и Михаил – князь суздальский.

У Константина – удельного князя галицко-дмитровского от брака с неизвестной – 2 сына: Давыд – удельный князь галицко-дмитровский и Василий – князь галицкий.

У Ярослава – удельного князя тверского от брака с Ксенией – дочерью Юрия Михайловича – боярина Новгородского, было 3 сына: Михаил Старший – княжич тверской, Святослав и Михаил II – удельный князь Тверской и две дочери, имена которых неизвестны. От Ярослава III Ярославича ведет свое начало «Дом владетельных князей Тверских», которому наследовали Михаил II, его сыновья, внуки и т.д.

В соответствии с вышеуказанным можно сделать вывод, что брак Ярослава II Всеволодовича и Ростиславы-Феодосии, внучки половецкого хана Котяна, дал России детей, которые заложили основу русского государства.

Выявлены также объективные данные о количестве сыновей и дочерей у Великого князя Ярослава II Всеволодовича и Феодосии – внучки хана Котяна; о сыне Мстислава Удалого – Юрии; дате смерти и месте захоронения Феодосии.

Указаны причины династических браков русских князей и половецких ханов, в том числе сыновей Владимира Мономаха – прадеда, Юрия Долгорукова – деда, Всеволода Юрьевича Большое Гнездо – отца Ярослава II Всеволодовича, а также самого Ярослава II и Феодосии – внучки и Мстислава Удалого – дочери хана Котяна.

Имеются сведения о том, что одна из дочерей хана была женой, а затем матерью короля Венгрии, а также о браке Даниила Романовича – короля Галицкого на внучке хана Котяна; о замужестве внучек хана Котяна за венгерскими королевичами...

Однозначно установлено, что половцы явились одним из компонентов в процессе этногенеза балкарского, карачаевского и многих других народов.

Первой волной ухода половцев (кипчаков) в горы было время вторжения монголо-татар на Северный Кавказ во главе с Джэбз-

найоном и Субедэй-багатуром в 1223 году, о чем сообщают древние источники. Кроме того, известно, что уход кипчаков в горы имел место и в дальнейшем. Этот процесс мог происходить во время других походов монголо-татар, а также в золотоордынский период, когда хан Батый приказал уничтожить кипчацкую знать. Известно, что многие половецкие ханы были взяты в плен и над ними изощренно издевались завоеватели, другие были убиты, третьи – бежали...

В числе убежавших в горы оказался мужчина из ханского рода Котян. Возможно, что уход его на Кавказ, в горы Чегемского ущелья, связан и с борьбой за ханскую власть.

Словом, один из потомков ханского рода Котян вынужден был искать своего спасения в горах Северного Кавказа. Старейшины рода балкарцев Кётенчиевых считают, что эта фамилия ведет свое происхождение от ханского рода Котян. В связи с этим сохранились легенды и предания.

Сама фамилия Котян, упоминаемая в древнерусских источниках, Кутен – в европейских, являются искаженным от тюркского слова «Кётен», ибо слов «Котян» или «Кутен» у них просто не существует. «Кётен, кетенли» переводится с тюркского как «спесивый, чрезмерно гордый, высокомерный, заносчивый».

Мнения о ханском происхождении Кётенчиевых придерживался и известный венгерский ученый Конгуров – кипчак по происхождению.

М. И. Барзбиев
Нальчик

НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ С НАРОДАМИ КАВКАЗА В XVII–XIX ВЕКАХ

Чрезвычайно важным моментом в этнокультурных взаимоотношениях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа являлись связи кровнородственного и брачного характера. Национально-смешанные браки выступали одним из факторов развития этнических процессов в крае и вместе с тем формой осуществления этнических контактов. Межэтнические браки усиливают этнические контакты и обычно способствуют сближению народов. Этнокультурные отношения подобного рода имели большое значение и в семейно-общественном бы-

ту кавказских этносов, приводя к трансформации этнической самоидентификации целых фамилий.

На протяжении всей истории своего существования балкарцы и карачаевцы поддерживали кровнородственные взаимоотношения со всеми соседними народами Кавказа.

Наиболее часто в описываемый период межэтнические браки заключали представители княжеских династий Балкарии и Карачая. Уже в документальных источниках XVII столетия, содержащих упоминания о балкаро-карачаевцах, отмечается, что их знать поддерживала тесные родственные отношения с представителями княжеских династий соседних народов.

В большинстве случаев балкаро-карачаевские аристократы вступали в родственные отношения с абазинскими (Бибердовы, Джантемировы, Лоовы), абхазскими (Маршания) и грузинскими (Гардапахдзе, Геловани, Дадешкелиани) князьями, кабардинскими и бесленеевскими князьями и первостепенными дворянами (Атажукины, Канокоты, Мисостоты, Наурузоты, Анзоты, Коголкины, Куденоты, Тамбиевы и т.д.), дагестанскими (Шамхалы Тарковские) и осетинскими (Абисалоты, Карабугаевы, Кубатиевы, Шанаевы и т.д.) князьями, представителями ногайской аристократии (Гирей, Карамурзины, Мансуроты, Туганоты). Для балкаро-карачаевских феодалов заключение подобных браков диктовалось соображениями политического характера (примирение, установление союзнических отношений и т.д.), а также стремлением не уронить своего сословного положения неравным браком.

Родственные взаимоотношения с представителями знатных феодальных фамилий Кавказа подчеркивают высокий социальный статус балкаро-карачаевских князей в ряду кавказских этнических элит.

Изучение брачных контактов представителей высшей категории узденского сословия балкаро-карачаевцев (уллу-узденей) с представителями соседних народов Кавказа показывает, что по своему социальному статусу названных можно считать представителями дворянского сословия. Балкарские и карачаевские уллу-уздени поддерживали родственные связи с кабардинскими дворянами третьей и четвертой степени (беслан-урок и урок-шаотлугуса).

Изученные нами материалы позволяют не согласиться с мнением некоторых исследователей о традиционности межэтнических браков только лишь в крестьянской среде, наоборот, они убедительно свидетельствуют о том, что представители знатных феодальных родов Балкарии и Карачая на протяжении всего описываемого периода

были связаны теснейшими родственными узами с аристократическими родами соседних народов, что способствовало ассоциированности с общекавказской аристократической субкультурой. В этой связи можно отметить, что кавказские феодалы, и в частности балкаро-карачаевские, полностью соответствуют характеристике, даваемой С. А. Арутюновым европейским феодалам. Арутюнов считает, что об отдельных представителях, семьях, династиях феодалов часто трудно и просто невозможно сказать, к какому этносу они принадлежали.

Значение межэтнических браков и родственных взаимоотношений балкаро-карачаевской аристократии выходило за рамки этого сословия, так как они вплоть до второй половины XIX столетия оказывали сильнейшее влияние на общественно-политическую ситуацию в крае. Вместе с тем подобные браки оказывали непосредственное влияние и на крестьянскую среду, способствуя налаживанию родственных и добрососедских отношений между всеми социальными категориями соседних народов.

Существовала разница в брачных контактах балкарцев и карацевцев с представителями кавказских этносов. У карацевцев эти связи были несколько шире. Вступая в брачные связи со всеми теми народами, что и балкарцы, они поддерживали их также с абхазами и ногойцами, с которыми балкарцы почти не роднились.

М. И. Барзбиев
Нальчик

КАВКАЗСКИЕ ФАМИЛИИ БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В различные периоды истории из Балкарии и Карачая в места проживания соседних кавказских народов переселилось значительное количество людей, ставших родоначальниками новых фамилий в среде этих народов. В ходе изучения данной проблемы выявилось, что балкарское либо карачаевское происхождение имеют некоторые фамилии кавказских этносов. Так, балкаро-карачаевское происхождение присутствует в следующих кабардинских фамилиях: Атабиевы, Балкаровы, Бегиевы, Безиловы, Жабоевы, Жамбековы, Жанокоевы, Кулиевы, Культербаевы, Кучменовы, Кушховы, Мальсургеноевы, Матуевы, Мисаковы, Соховы, Суншевы, Темиржановы, Урусбиевы, Чочаевы, Шакмановы, Эльмесовы.

Осетинские фамилии, выводящие свое происхождение из Балкарии и Карачая: Алиевы, Байкуловы, Боллоевы, Габачиевы, Газановы, Галеовы, Гериевы, Дзанкисовы, Дигоевы, Езеевы, Зуймоновы, Кабановы, Казаховы, Калуховы, Кобегкаевы, Кожиевы, Койбаевы, Найфоновы, Савкуевы, Саоевы, Темираевы, Хорановы и Цалкосовы.

Грузинские фамилии балкаро-карачаевского происхождения: Бахсолиани, Боташвили, Вездени, Гоштелиани, Гуджеджиани, Кахиани, Курдиани, Маргвелиани, Мсавиани, Хергиани, Чхумиани, Рехвиашвили.

Кумыкские фамилии балкаро-карачаевского происхождения: Бамат-Аджиевы и Умар-Аджиевы.

Можно отметить, что зачастую балкарцы и карачаевцы, вынужденные по каким-либо причинам покидать свою родину, переселялись в места проживания соседних народов Кавказа, где они ассимилировались в местной этнической среде. Наиболее часто подобные переселения балкарцы и карачаевцы совершали в Кабарду, Северную Осетию (Дигорию) и Грузию (Сванетию), то есть именно к тем народам, с которыми балкаро-карачаевцы поддерживали тесные этнокультурные связи. Причем следует подчеркнуть, что переселенцы на протяжении нескольких поколений помнили о своем происхождении и старались не прерывать взаимоотношений со своими родственниками, оставшимися в родном краю. Это, в свою очередь, стимулировало развитие новых этнокультурных контактов между балкаро-карачаевцами и другими народами Кавказа.

А. И. Мусукаев, П. А. Кузьминов
Нальчик

КАРАЧАЕВСКИЕ ФАМИЛИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ЗАПИСОК О ГОРЦАХ БАТАЛПАШИНСКОГО УЕЗДА» Н. ПЕТРУСЕВИЧА

В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия–Алания хранится составленный в 1872–1874 годах начальником Баталпашинского уезда Н. Петрусевичем обстоятельный документ (ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 103–121 об.) о политическом и социально-экономическом состоянии карачаевского общества, в котором отражены вопросы этногенеза, этнической истории народа, генеалогии, межэтнических браков и связей и многое другое. Уже первое

знакомство с «Записками о горцах Баталпашинского уезда» свидетельствует об эрудиции и глубине знаний Н. Петрусевича, его осведомленности и заинтересованности в анализируемом вопросе, в судьбе карачаевского народа, объективности автора и его прогрессивной настроенности.

Н. Петрусевич профессионально и мастерски увязывает фольклор с ранней историей Карачая, предание о Карче и его соратниках с реальными фактами. Впервые он приводит рассказ о переселении из Турции в Крым Карчи, Будияна, Абдрухая и Науруза, о перемещении их в Джеметой (район Анапы) и, наконец, в верховья Зеленчука и Лабы. Предание повествует о столкновении карачаевцев на новом месте жительства с кизилбеками, требованиях заносчивых и агрессивных соседей выплаты непомерной дани, уничтожении сборщиков налогов и бегстве в верховья Баксана. Время военной демократии не обошло их стороной и здесь: кабардинским феодалам не нравилось, что выше по течению Баксана кто-то пытается селиться. После неоднократных стычек и сражений люди Карчи смогли не только договориться о мирном соглашении, но и потребовали за понесенный ущерб компенсаций. Кабардинские владельцы Тамбиевы выплатили их людьми и скотом, и эта сделка впоследствии положила начало карачаевским Тамбиевым.

Н. Петрусевич не исключает, что предание частично построено на вымысле и что потомкам Карчи с целью поднятия их престижа и планки знатности приписывалось турецкое происхождение, поскольку необходимо было идеологическое обоснование притязаний на господство среди сограждан. Но факт столкновения с кабардинскими князьями и уорками, заключения мирного договора и выплаты компенсаций людьми Тамбиевых встречается в разных жанрах фольклора и ряде источников.

Согласно варианту приводимого Н. Петрусевичем предания первоначальные карачаевские фамилии вели свои корни от детей и внуков Карчи, его друзей Будияна, Науруза и Абдрухая, Хустоса и Шадибека – людей, неизвестных рассказчику, а также выходцев из Кабарды, Западного Кавказа, Сванетии, Абхазии и Дагестана. Так карачаевцами стали темиргоевские Казиевы и их подразделение Тогаевы, потомки Болотоковых и Карамурзиных (последние из Мисостовых). Родственниками по крови с кабардинскими Шипшевыми

считали и считают себя Гебеновы, Каракотовы, Каитовы, Кипкеевы, Даттуевы.

Генеалогии карачаевских фамилий свидетельствуют и об активных межэтнических связях карачаевцев, проявлявшихся и через браки. Н. Петрусевич приводит значительное количество примеров из жизни семей Крымшамхаловых, Дудовых и Карабашевых, роднившихся с высшей знатью адыгов, абазинцев, сванов, осетин и других народов Кавказа. Кстати, история двух последних фамилий связана с многоженством Карчи. От трех его жен пошли Дудовы, Александровы, Минкоевы, Каджиковы, Чипчиковы, Теирбулатовы. Дочь Джантугана от второй жены Карчи явилась родоначальницей Карабашевых. Интересна информация у Н. Петрусевича и о возвышении фамилии Крымшамхаловых. Связано оно было, во-первых, с дочерью Карчи Кюнсюлю, вышедшей замуж за выходца из Крыма, во-вторых, потому, что Карчи нужен был достойный наследник-воин (чем, по преданиям, не отличались его сыновья). Он передал главенство карачаевским обществом Крымшамхалову. Это произошло во время пребывания Карчи на Баксане, когда Кабардой управлял Кази.

Анализируя текст «Записки» Н. Петрусевича, обращаешь внимание на то, что в первоначальную среду карачаевцев веками проникали иноэтнические элементы, адаптировались и в результате ассимиляции становились одним целым с местным населением. Вливание в эту среду проходило через военные коммендации и патронат, причем пришлые часто брали те фамилии, под чье покровительство они попадали.

Н. Петрусевич повествует о населенных пунктах Карачая, очередности их образования: Хурзук > Карт-Джюрт > Учкулан > Даут, указывает на поквартальный принцип поселения семей потомков одного родоначальника. При характеристике вопросов экономической общности семей и родственных коллективов, землевладения и землепользования автор также замечает, что к 70-м годам XIX века произошли существенные изменения в общественных и социально-экономических отношениях в России, на Кавказе и, естественно, в карачаевском обществе, хозяевами патронимических и фамильных владений все чаще становились и чужаки, шел распад традиционных общественных институтов, а значит, утрачивали значимость родство и генеалогическая память.

ИСМАИЛ МИЗИЕВ НА РОДОВОМ ДРЕВЕ

Имя балкарского ученого историка Исмаила Мизиева широко известно не только в академических научных кругах, но и среди людей, интересующихся историей Северного Кавказа. Из пятидесяти шести прожитых им лет тридцать шесть были отданы науке. Его перу принадлежит 12 монографий и около 200 научных статей. Тринадцатая монография, посвященная покорению Эльбруса, находится в печати. Весь материал, который апробирован в работах И. М. Мизиева, основан на научных фактах, добытых им путем археологических и этнографических исследований, а также методом детального составительного языкового анализа. Имея свои взгляды и собственное мнение по поводу многих спорных вопросов истории Кавказа, он открыто вступал в дискуссии, не прятался за спины «авторитетов» кавказоведческой науки, вскрывая серьезные противоречия в теоретических построениях некоторых авторов. «Спор – ключ к истине», – писал он в своей книге «История рядом».

Начиная свою научную деятельность как археолог, он глубоко проникал в смежные исторические дисциплины, а также серьезно исследовал древнейшие пласты карачаево-балкарского языка. Не осталась незатронутой в его трудах и генеалогия. Многолетняя работа по исследованию карачаевских и балкарских родовых поселений, фамильных башен и могильников вылилась в такие работы, как «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» (1970), «Туристскими тропами в глубь веков» (1976), «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории» (1981). Знакомство с поселениями балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. позволило автору выделить среди них моногенные и полигенные заселения.

Моногенные поселения, патронимические названия которых переходят в топоним, представляются И. М. Мизиевым как первая низшая фаза патронимии, которая трудно улавливается из-за отсутствия детального анализа археологических памятников, что подтверждает мнение известного этнографа-кавказоведа М. О. Косвена. Последующее развитие патронимических поселков в их последней распадной стадии И. М. Мизиев видит в мощных фамильных поселках, представляющих собой раннефеодальные крепости и замки типа Усхур, Зылги, Джабоевых, которые обособились от основной массы той же патронимии. К XVI–XVIII вв. автор прослеживает

разрушение родственного принципа расселения. Развивая мысль, высказанную И. М. Мизиевым, можно сказать, что идея освоения пространства в большей степени зависит от общественных ценностей и институтов и вытекает из генеалогии. Так, род мог обитать и перемещаться в пространстве, занимать лучшие земли в зависимости от места, которое он занимает внутри общества по сравнению с другими родами.

В сфере же общественного бытия в Балкарии и Карачае сохраняется принцип доминирования общественного мнения и значимости решений и оценок рода. Перефразируя известную поговорку «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», для балкарцев справедливо утверждение: «Скажи, из какого ты рода (фамилии), и я скажу, кто ты». Человек определяется прежде всего его местом в группе, поскольку последняя является гарантом постоянства. Качество члена группы приобретает лишь благодаря генеалогической связи и связью с определенным местом жительства.

История балкарского рода Мизиевых связана с преданием о трех братьях, пришедших в Балкарию из Осетии. Расселившись в разных ущельях, они положили начало трем балкарским фамилиям: Мизиевым, Чоччаевым и Цораевым. Долгое время на браках между представителями этих родов лежало строгое табу. Интересно, что и сегодня некоторые пожилые люди всех трех родов помнят это и считают себя родственниками.

На социальной лестнице род Мизиевых занимал довольно высокое положение и относился к первостепенным дворянам – узденям. Влиятельность и сила этого рода подтверждается еще одним преданием. В одной из семей Мизиевых воспитывалась кабардинская девочка-княжна (фамилия, к сожалению, не установлена). Выполнив аталыческие обязательства, по достижении княжной совершеннолетия ее с почестями отправили домой. Однако в дороге произошло досадное недоразумение, которое могло стоить Мизиевым понижением социального статуса. Один юноша рода по имени Беги лишил девушку невинности. Старейшины рода, возмущенные поведением нерадивого соплеменника, изгнали его из рода. Он вынужден был бежать в соседнее ущелье, где положил начало новому роду – Бегиевым. Инцидент не повлиял на положение рода Мизиевых только благодаря строгому и справедливому вердикту старейшин, а также благодаря знатности и богатству рода.

На сегодняшний день по прямой родственной мужской линии Исмаила Мизиева известно восемь поколений: Кишну–Бекмырза–Хаджи–Мырзабек–Мусса–Исмаил–Тимур–Инал. Род Мизиевых

нельзя назвать многочисленным. Он включает в себя четыре атаула (ветви), не равнозначные между собой по количеству членов и по степени изученности. Исмаил Мизиев принадлежит к наиболее обширной ветви и является той фигурой, которая по праву добавила роду Мизиевых авторитет, уважение и вес в обществе.

О. О. Айшаев
Нальчик

К ИСТОРИИ ФАМИЛИИ АЙШАЕВЫХ

О фамилии Айшаевых коротко упоминается в книге профессора А. И. Мусукаева «Балкарский тукъум» (Нальчик, 1978).

В процессе работы в Центральном госархиве КБР, во время встреч и бесед со старейшими представителями данного рода нам удалось установить генеалогическое древо этой фамилии.

Происхождение фамилии Айшаевых относится к эпохе средневековья и имеет свою весьма интересную историю. Она тесно связана с балкаро-сванскими отношениями.

Жители балкарского селения Шыкы, что у подножья большой Кавказской гряды, в очередной раз украли у своих соседей – сванов, живших за перевалом, невесту. Устроили ее смотрины в светлую лунную ночь. Увидев ее красивое лицо, кто-то из собравшихся воскликнул: «Нечик ариуду, тюзда толгъан айча!» («Какая красивая, словно полная луна!») – и назвали ее с той самой ночи Айша-Айча (Луноликой, Луноподобной).

Айша с мужем жили в любви да согласии, почитая и исполняя законы гор, обычаи и традиции горцев. За короткое время Айша смогла выучить балкарский язык, стала общаться на нем не хуже, чем сами балкарцы. Айша показала великолепное умение вести домашнее хозяйство. Слава о ней пошла по всем саклям аула. Шыкы-чыла стали восторгаться и восхищаться не только ее красотой и изяществом. Но неожиданно случилось горе вместе со счастьем: Айша родила сына и тут же умерла.

Мальчику дали имя Бийчокку. Он рос и много хорошего слышал о своей матери Айша. «Айшаны жашы» («Сын Айша») лелеяли все взрослые. Так и остался он сыном Айша.

Айша Бийчокку женился, у него родились два сына: Эсеуа и Гебек.

У Эсеуа было 4 сына и 2 дочки: Кичинай, Кубади, Гылыгу, Бобалак, Таубийче и Ханбийче.

У Кичинай было пятеро сыновей и одна дочь: Чонай, Махай, Мыртаза, Жауария, Ортабай, Мустафа. Махай, Мыртаза и Жауария не успели обзавестись семьями, умерли преждевременно.

У Ортабай имеются дочь Аслижан и сын Оюс.

У Оюса – две дочери и сын: Зарема, Зульфия и Алевдин.

У Мустафы – шестеро сыновей: Махти, Хызыр, Хасан, Камал, Мурадин, Сагид.

У Хызыра – сын Сафар; Хасана – сын Хаким; Камала – два сына: Алим и Альберт; Сагида – два сына: Кайсын и Кязим.

У Чоная – три сына.

У Кубадия – один сын и три дочери: Мурат, Зулифа, Казибя, Азиза.

У Мурата – 3 сына и 4 дочери: Мурадин, Мухадин, Эдуард, Фазика, Раиса, Мариям, Маржан.

У Мурадина – 3 дочери и 5 сыновей: Альбина, Аминат, Алимат, Аскер, Аслан, Арсен, Азрет.

У Мухадина – 2 дочери и 1 сын: Зульфия, Зарема, Кязим.

У Гыльгу был один сын – Конак.

У Конака 2 сына: Магомед и Расул.

У Магомеда – одна дочь и два сына: Эльмира, Борис, Али.

У Бобалака – два сына и одна дочь: Али, Хасан и Чаки.

У Али – один сын: Алик.

У Хасана – сын Марат и дочь Залина.

Все вышеназванные ветви составляют генеалогическую линию Эсеуа, который остался в ауле Шыкы. Но его брат Гебек уехал в Кёндеден, и от него здесь пошла другая генеалогическая линия. Она выглядит следующим образом:

У Гебека был один сын – Жижу.

У Жижуа – 4 сына: Хажосман, Жюнюс, Мусса, Нох.

У Хажасмала был сын Иса.

У Исы – сын Чокай.

У Жюнюса – пятеро сыновей и три дочери: Ахмат, Исмаил, Шарапи, Магомет, Хут, Лейла, Люба, Зухра.

У Ахмата – три сына: Далхат, Нух, Барадин.

У Барадина – 3 сына: Аскер, Анзор, Ахмат.

У Исмаила – 4 дочки и 2 сына: Света, Абидат, Рая, Мадина, Илияс, Самат.

У Илияса – дочь и сын.

У Самата – одна дочь и два сына.

У Шарапи – два сына: Рамазан и Алим.

У Рамазана – 3 сына: Мурат, Омар и Хусей.

У Жюнюса был сын Мустафа.

У Мустафы была дочь Оджтха и сын Сафар.

У Ноха – 3 дочери и 1 сын: Раузат, Хаулат, Роза, Исмаил.

У Исмаила – 2 сына: Мухамат и Хасан.

У Мухамата – сын Тимур.

У Хута – 4 дочери: Зайнаф, Налжан, Шапи, Роза.

Представители фамилии Айшаевых в настоящее время живут в селениях Хасанья, Белая Речка, городе Нальчике, селении Кичмалка Зольского района, поселке Кашха-Тау, селениях Кара-Су Черекского района, Шалушка Чегемского района, Кенделен, городе Тырныаузе Эльбурского района Кабардино-Балкарской Республики. Также они живут в городе Кара-Су, Ошской области, Республики Кыргызстан.

Т. Ш. Биттирова
Нальчик

БИТТИРОВЫ: ДОКУМЕНТЫ И УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Уздени Биттировы – известная и многочисленная фамилия Хуламского ущелья. Представители рода занимаются составлением родословной на протяжении более 20 лет, после семейного съезда в 1977 году.

Первый семейный съезд Биттировых и Газаевых – тукумных братьев – состоялся в начале XX века, на котором наряду с другими (соблюдение сословного принципа при вступлении в брак, земельные споры, отношение к военной службе и др.) был поднят вопрос о составлении генеалогического древа и его изучении подрастающими поколениями.

Участник названного съезда, известный знаток и сказитель караево-балкарского нартского эпоса Хамзат Эртуович Биттиров (1881–1965), опрашивая старших, которые могли дать по своему возрасту достоверную информацию за несколько веков, установил генеалогию Биттировых от периода жизни хана Адурхая. Информаторами по последующему уточнению и дополнению этой работы были Ибрагим, Шакман, Зукай, Азнор, Бадина, Адрай, Адрахман, Мухтар и другие Биттировы. Надо заметить, что женщины рода знали эту информацию иногда лучше мужчин.

Потомками легендарной исторической личности – хана Адурхая, адурхаевцами (холамское произношение двоякое: «адурхайла», «адургъайла») считаются несколько современных карачаевских фамилий – **Байчора, Лайпан, Чома, Эрикген, Орус, Шидак, Жукка, Кулча** и две балкарские – **Биттир и Газа**. Следует отличать Газа из Чегемского ущелья от Газая черекской патронимии, как не имеющих в своем происхождении ничего общего. Надо отметить, что произошло случайное фонетическое совпадение имени патронимий в русской транскрипции и разница произношения оригинала не учитывается.

Адурхаю, как и многим представителям его патронимических линий, было посвящено множество фольклорных произведений. В них он характеризуется как мудрый, но мягкий правитель. Согласно фольклорно-исторической поэме «Карча», он с Карчой перешел жить в Кубанское ущелье вместе с сыном Кулчой. Другой сын – Кылча остался в Чегемском ущелье, потомки последнего в 7-м колене разошлись на две самостоятельные фамилии Биттир и Газа, родственные отношения которых проявляются до настоящего времени избеганием брачных союзов.

Как известно, в карачаево-балкарских устных исторических преданиях большое место отводится Карче и его сподвижникам – Адурхаю, Боташу, Будияну, Траму, Наурузу. Время их подвигов и поражений – XVI век. Генеалогия, составленная Х. Э. Биттировым, соответствует этим временным рамкам. Сам Х. Э. Биттиров согласно его генеалогическому дереву является потомком хана Адурхая в 15-м колене (**Хамзат–Эртуу–Жанболат–Ибак–Ийналук–Зуппай–Болака–Биттир–Байулдур–Черек–Ока–Чериу–Арауган–Кылча–Адурхай**). Если учесть, что в настоящее время появились прапраправнуки Х. Биттирова, то родословная Биттировых насчитывает 19 поколений.

В этом списке прямых предков Х. Биттирова много известных в карачаево-балкарской истории имен. Им посвящены песни, легенды, предания, сохранились также принадлежащие им крылатые выражения и велеризмы. Так, с именем Ока (на балк. *Окъа* означает «золотые нити») связано множество легенд и даже сохранился отрывок из величальной песни: «Окъа окъдан ётгенди, Чабып къабаны жетгенди, Къозу ойнагъанда дырын жыйса, Жукъларгъа Холамгъа келгенди» – «Ока перелетал через стрелы, Догонял в беге

вепря, Собира́л сено в Козу Ойнагъан (название местности около современного поселка Белая Речка), А ночевать приходил в Холам».

Этот архаичный текст, призванный показать ловкость и силу героя, подтверждает информацию, содержащуюся в других исторических легендах о том, что родовым поселком Биттировых было Суу Ара и впоследствии Биттировы были вынуждены перейти в Холамское ущелье в первой трети XVIII века, потеряв свои земли и сословную принадлежность. В Холаме они оказались в списке узденей. Поскольку песня об Ока сочинена гораздо раньше переселения Биттировых в Холам, можно предположить, что и до XVIII века в Холаме имелись земельные владения Биттировых.

Широко известен был и Болака по Холамскому памятнику начала XVIII века, сохранившемуся в Краеведческом музее КБР, в котором он выступает как один из влиятельных свидетелей «тажге шагъат». С именем Болака Биттирова связывается множество подвигов, говорится о его необычайной физической мощи, мужестве и мудрости. Среди его друзей были дигорский князь Сафарали Каражуаов, Исмаил Урусбиев из Баксанского ущелья. В песне о Болаке рассказывается о его сражениях с Асланбеком Кайтукиным. Все упоминаемые в данной исторической песне герои – реальные личности, жившие в конце XVII–XVIII веке.

Исследования в области истории патронимий позволяют устанавливать родство (что очень важно для карачаево-балкарской ментальности) не только по прямой линии, но часто и по материнской, что способствует возрождению и укреплению дружеских и родственных чувств.

Прав был Басият Шаханов, сказавший в XIX веке, что история балкарского народа – это история каждой его фамилии.

ЛИТЕРАТУРА

Посемейные списки сел. Холам // ЦГА КБР, ф. 9, оп. 1, д. 21.

Шаханов Б. Избранная публицистика. Нальчик, 1991.

Биттирова Т. Биттирли, угъай – Биттирлары // Советская молодежь. 1989. 24 ноября.

Миллер Б. В. Из области обычного права карачаевцев // Этногр. обозрение. М., 1902. № 1.

О СЕМАНТИКЕ И АРЕАЛЕ КАБАРДИНСКОЙ ФАМИЛИИ КІУЭКІУЭ

В лексике любого языка определенное место занимают собственные имена (фамилии, географические названия), связанные с важнейшими компонентами уклада жизни, хозяйствования. Такая лексема со значением «обрабатывать» (землю) закрепилась, на наш взгляд, в фамилии КІуэКІуэ, хотя в кабардинском языке, в результате ложной ассоциации с глаголом *кІуэ-н* «идти», эта фамилия законсервировала изначальный смысл, идущий от языка источника. Но смысл этот обнаруживается, когда обращаешься к абхазо-абазинской природе (известной как по родовому преданию, так и по документам) этого антропонима.

Абхазо-абазин. *куакуара* значит «рыхлить, возделывать, выращивать (пахарь)». Сравним основы современных абхазских фамилий Куакуба (бзыбское), Кокба* (абжуйское). Та же основа в абазинском Куакуа «Коковы». Глагольная основа данной фамилии выступает в абхазском причастии *а-куакуара*, обозначающем неоднократное действие «возделывающий», в названии орудия труда *а-куакуага* (-га – суффикс орудия), что значит «полольник», а также в масдарных формах *а-куакуара* «разрыхлять землю», *а-куара* «обрабатывать, обтесывать камни (жернова)» [6, 335, 337].

Фамилия КІуэКІуэ имеет семантические параллели: каб. *Вэрокъуэ - вэ-н* «пахать»; в нарт. эпосе – *Вакъуэ Ханэ* [1, 294]; *Георгий* от греч. *Georgos* – «земледелец» – добавочное имя Зевса, который, согласно преданию, покровительствовал земледелию, в особенности разведению маслин [7, 448]; карач.-балк. *Сабанчи* «пахарь» (как и соответствующая кабардинская фамилия тюрк. происхождения). Ср. также др.-русскую фамилию *Земцев* от основы «земля» [3, 99] и русскую фамилию тюркского происхождения Сабанеев «имеющий плуг» [3, 293].

На абхазо-абазинское происхождение фамилии *КІуэКІуэ* указывает как живое функционирование антропонима в кабардинском и абазинском (в КЧР) языках, так и отсутствие его в ономастиконе

* Кстати, эту фамилию носит одна из улиц Сухума (в честь Кокба Виктора, ученика академика Марра, уроженца г. Гудауты, расстрелянного в 1937 году). Элемент *-ба* в этой фамилии соответствует кабардино-черкесскому патронимическому элементу *-къуэ* «сын»...

адыгейского языка. На это же может указывать факт закрепления этого фамильного имени в топонимии: *Куакуэ рынхарпIа* «место проживания (очаг) Куакуа» – южнее города Ткварчели. Закрепление этой фамилии в топонимии КБР (в кабардинской форме) имело место в позднее время: *КIуэкIуэ Жамырзэ и унапIэ* «очаг Кокова Жамурзы» – на правом берегу Лескена, к юго-западу от сел. Ерокко [8, 205]. Последний факт еще раз подтверждает известный в топонимии закон относительной негативности: топоним образовался по редкой по данной местности фамилии, а в местах компактного проживания людей с этой фамилией (в долинах Малки, Баксана и др.) подробные названия не образовались (вспомним замечание известного ономаста В. А. Никонова: на Онеге фамилия Онегин была бы избыточной).

По преданиям, сохраняющимся в кабардинских и осетинских семьях (в селениях Малка, Озрек и др.), эта фамилия в наше время известна и осетинам (Кокоевы, Кокиевы, Коковы).

Начало распространения этой фамилии среди кабардинцев прослеживается не позднее, чем самое начало XIX века. Об этом свидетельствует сохраняющееся в архиве «прошение» «жительствовавшего близ Железных вод в ауле Кокова из Абазии узденя Камбота Амурзы Кокова» на имя «Его Превосходительства командующего войсками Кавказской линии господина генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта и кавалера Граббе». В документе речь идет об «отпуске крестьян с выкупом на волю», а также о переселении «вольноотпущенников» в Кабарду, в аул Трамова (ф. 79, оп. 1, д. 1787, л. 1).

Упомянутый здесь аул Трамова составил часть западной половины современного сел. Малка. В другом документе называются конкретные даты («1818 года октября 19 дня») и имена «отпущенных от узденя Науруза Кокова и его братьев» абазинцев, переселившихся в 1835 году в аул Трамова (ф. 79, оп. 1, д. 1787, л. 63).

Расселявшиеся из района Железных вод «Коковы» компактно осели в Красном Востоке (Гум-Локт) и других и сохраняют родной абазинский язык. Некоторая часть этого рода поселилась в районе ногойского селения Канглы близ Минеральных Вод. Сюда имело место переселение части рода Коковых, бежавших из Кабарды от эпидемии (в конце XIX в.). Их ногойцы называли *черкеш Коколары* «черкесы Коковы».

Но большая часть представителей рода проживает в КБР, в селениях Малка, Дугулугей, Старая Крепость, Верхний и Нижний Куркужин, Куба, Карагач, Псыхурей, Батех, Залукоде, Залукокоаже, Камлюко, Приреченское, Кичмалка, Герменчик, Шалушка, Чегем I, В. Аул и других.

Фамилия Кӡуэӡуэ – одна из многих, имеющих абхазо-абазинское происхождение. К ним относятся: Абзыуан, Ашабэ, Абыкъу, Лий, Лафыщ, Маршэн, Ныр, Сэралъп, Хьэӡупшы и др. [2, 48–51].

С другой стороны, целый ряд адыгских антропонимов пополнил абхазо-абазинский ономастикон: Асланыка, Тлапсыка, Марзакан, Хапаш, Наха, Супача и др. [9, 237].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нартхэр. Нальчик, 1951.
2. Коков Дж. Н., Кокова Л. Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, 1993.
3. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.
4. Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик: Эльбрус, 1983.
5. Никонов В. А. География русских фамилий // Вопросы языкознания. М., 1983. № 2.
6. Шакрыл К. С., Конджария В. Х. Словарь абхазского языка. Сухуми: Алашара, 1986. Т. 1.
7. Справочник личных имен народов РСФСР. / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Русский язык, 1987.
8. Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974.
9. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка: (Исследование и тексты). Тбилиси, 1964.

*Дж. Н. Коков, Б. Дж. Кокова
Нальчик*

НАЗВАНИЕ МЕТАЛЛА И КУЛЬТУРЫ ЕГО ОБРАБОТКИ В АДЫГСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Антропонимы и топонимы адыгских языков, в которых отразились кузнечное дело и культура обработки металла, относятся к наиболее древнему слою народных собственных имен различных категорий. На это указывает прежде всего то, что в пантеоне языческих божеств адыгов *Лъэщ* (каб.-черк.) // *Лъэшь* (адыгейск.) «Тлепш» (в русской записи) занимает почетное место. Это имя принадлежало богу железа, кузнечного ремесла и оружия.

Топонимия сохраняет этот мифоантропоним. Конусовидная гора между реками Баксан и Гунделен кабардинцами и поныне называется

ся *Лъэпц* и *кЪыц* «Кузня Тлепша». Имя нарта Тлепша адыгская топонимия увязывает и с другими местами. *Лъэпц* и *уадэ уанІэ* «Тлепша молот где ковал (бил)» – так называется место на Терском хребте близ Нижнего Акбаша. Эта вершина на картах по-русски обозначена – «Гора-Кузнец». Предание говорит, что нарт Сосруко был извлечен Тлепшем из камня именно здесь. Об этом говорит и вариант данного названия: *Сосрукъуэ мывэм къыщыдаха щІыпІэ* «место, где Сосруко извлекли из камня». Устное народное творчество называет еще одно «место, где ковал Тлепш», – между Афипсипом и Банахесом (в Шапсугии). Трудно судить о подлинных хронологических рамках и реалиях, отразившихся в фольклоре, но в местах, на которые указывают приведенные топонимы, находили вконец истлевшее железо и древесный шлак [4, 73, 74].

В составе современных кабардино-черкесских фамилий теоним *Лъэпц* имеет широкое распространение как в изначальной форме, так и с патронимическим элементом *-хъуэ* «сын»: *Лъэпц*, *Лъэпщокъуэ* (современная русская запись этих фамилий – «Тлепш», «Тлапшоков»). Эти фамилии распространены не менее чем в десяти населенных пунктах центральной части Кабардино-Балкарии.

Несколько уже ареал распространения фамилий, образовавшихся от названия самой кузни – *кЪыц*: *КЪыц* «Киш-ев» (Чегем II, Баксан, Псауче-Дахе). Эту же основу имеют патронимическая фамилия *КЪыщокъуэ* «Кешоков», личное имя *КЪыщыкъуэ* «Кишуко» и фамилия *КЪыщмахуэ* (*-махуэ* «счастливый»).

Но интересующая нас группа антропонимов получила наибольшее распространение как обозначение мастера по металлу и рода его деятельности. Это прежде всего слово *гъукІэ* «кузнец». Фамилия *ГъукІэ* «Гучев» встречается во всех ареалах проживания адыгов. В КБР она распространена в 24 селениях. Частыми стали и фамилии, производные от этой же основы: *ГъукІэпц* «Гукепшев» – «главный кузнец», *ГъукІэпщокъуэ* «Гукепшоков» (патронимическая форма от предыдущей), *ГъукІэлІ* «Гукетлов» – «кузнец-мужчина», *ГъукІэмыхъу* «Гукемух» – «неумелый кузнец», *ГъукІэщауэ* «Гукешаов» – «кузнец молодой», *ГъукІэжъ* «Гукежев» – «кузнец старый (опытный)» и другие [1, 142]. Фамилии по словам со значениями «кузня» и «кузнец» имеют широкое распространение и в других языках: рус. Кузнецов [2, 99], укр. (по происхождению) Ковалев, Ковалихин [2, 100], англ. Smith, нем. Smid(t), тюрк. Темирчи (в каб. форме – Темирчи) и др.

Фамилии, в которых отражаются названия металлов и изделий из них, в адыгской ономастике часты. Они связаны прежде всего с тра-

дицией обработки цветных металлов и оружейным делом. О частоте таких фамилий можно судить по степени распространенности их в кабардинских селениях.

ДышэкI «Дышеков» (адыгейск. *ДышэкI*): *дыщэ* // *дышэ* «золото», «золотых дел мастер» – в 35 селениях КБР и КЧР [1, 146; 3, 29];

ГъуэпльащIэ «Гоплачев» – «мастер по меди» – в 12 сел.;

АфэщIагъуэ «Афашагов» – «отменная кольчуга» (*афэ* «кольчуга») – в 17 сел. [1, 125];

АфэщIыж (букв.: кто чинит кольчугу) «Афасижев» (Баксан, Уляп);

Основу *джатэ* «меч» имеет несколько фамилий:

Джатэ «Гятов» (в 12 сел. КБР и КЧР);

Джатауэ «Гетаов» – «бьющий мечом» (в 17 сел. КБР и КЧР);

Джатэгъэжэ – от личного имени со значением «в чьих руках изнашивается меч» (в 8 сел. КБР);

Джэтэжэ «Гетежев» (букв.: меч старый) мелиоративная форма от *джатэ* (в 5 сел. КБР и КЧР);

Джэтэжэьокъуэ «Гатажоков» – патронимическая форма от предыдущей фамилии (в 4 сел. КБР);

Джэтэжэьей «Гетажаев» – притяжательная форма от *Джэтэжэ* (в 7 сел. КБР);

Джэтэрызэ «Гетериев» (букв.: пашущий мечом) (видимо, поначалу – прозвище) – в 4 сел. КБР и КЧР и др.

К фамилиям, восходящим к оружейному делу, следует отнести еще:

ФочыщIэ «Фокичев» от *фоч* «ружье» и *щIы-н* «делать, изготавливать» (в 5 сел. КБР);

ШащIэ «Шашев» – «пули (стрелы) делающий» (в 11 сел. КБР);

ШэдэжэхъэщIэ < *ШэкIыхъыщIэ* «Шекихачев» – «делающий длинные стрелы» (в 10 сел. КБР).

В ряде фамилий закрепилось название металла как метафора: *Дыщэ* «Дыша» (КЧР) (букв.: золото); *Кумыщ* «Кумышев» (заимствованное слово со значением «серебро») – в 17 сел. КБР; *Жыр* «сталь» (крепкий) – *Жырыкъуэ* «Жируков» (Кошехабль), *Жырокъуэ* «Жероков» – в 5 сел. КБР.

Возможно, в метафорическом значении употреблено слово *гъуыцI* «железо» в названии *ГъуыцIыкъуэ* «железная балка» – близ Аушигера. *ГъуыцI* «железо» в переносном значении «прочный», «стойкий» (букв.: железо, железный) присутствует в нескольких фамилиях и личных именах. Например, каб. фамилия *Къардэн* сочетается с основной *гъуыцI* «железо» – *КъардэнгъуыцI* «Кардангушев» (в 3 сел. КБР).

В кабардино-черкесском ономастиконе прочное место заняли имена и фамилии с метафорическим значением слова *темыр* (заимств.) «крепкий, стойкий» (букв.: железо).

Антропонимы с этой основой (*Темыр, Темыркъан, Темырчы* и др.) характеризуются глубиной залегания в языке и образовали производные формы. Известен даже случай перемены кабардинского родового имени по исконному слову *щаклуэ* «охотник» на фамилию по личному имени *Темыркъан* «Темирканов». Личное имя *Темрыкъуэ* и образовавшаяся от него фамилия *Темрокъуэ* имеют кабардино-черкесский патронимический элемент – *къуэ* «сын». В русской записи это личное имя известно как «Темрюк» (оно принадлежало тестю Ивана Грозного), а фамилия – как «Темроков».

Фамилии по этой основе *темыр* «железный» (крепкий) закрепились и в русской антропонимии. В недавно вышедшей книге Е. А. Грушко и Ю. М. Медведева «Фамилии...» читаем: «Все **Тимирязевы** – далекие «потомки» знаменитого Тамерлана, Тимурленга Железного Хромца: ведь **темир темр** – железо (тюрк.). Родственные фамилии: *Темирев, Темирканов* (искаженное *Темир-хан*), *Темиров, Темирязов, Темров, Тимирев, Тимуров* (от имени **Тимур**, ставшего в нашей стране знаменитым благодаря повести А. Гайдара «Тимур и его команда») [5, 383].

Иные носители фамильных имен этого ряда заставляют вспомнить философские рассуждения П. Флоренского, П. Руже и других о власти имени над судьбами людей.

Ономастика адыгов отразила почтительное отношение к редким, а потому ценным для общества мастерам по металлу, как и самим изделиям из металла. Не об этом ли говорит кабардинское название *ГъущIхуэвэ гъуазэкIэ* (букв.: ради железа вспахиваемое место) в окрестностях Верхнего Акбаша. Здесь крестьяне сообща вспахивали участок своего кузнеца.

Еще одно свидетельство топонимики о том, какое особое внимание уделялось изделию из металла в процессе номинации. Ничем, казалось бы, не примечательное болото близ адыгейского аула Шенджий удостоилось специального названия – *Ашъо зыхэлъ темэ-мэн* «Болото, в котором лежит кольчуга».

Время давно похоронило того, кто носил это воинское снаряжение, кольчуга истлела, болото высохло, а название осталось для связи времен, как историческая память.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коков Дж. Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик: Эльбрус, 1983.
2. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.
3. *Коков Дж. Н., Кокова Л. Дж.* Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик: Эльбрус, 1993.
4. *Коков Дж. Н.* Избранные труды. Нальчик: Эльбрус, 2000. Т. 1.
5. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Фамилии... М., 1998.

М. В. Федорова
Белгород

СЕМЕЙНОЕ И МЕЖЭТНИЧНОЕ В СТАРОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Вводные положения

1. На рубеже I–II тыс. н.э. в Восточной Европе обитало лишь 7,5 млн человек (Народы мира. I. С. 16). Следовательно, в предшествовавшие века жителей здесь было еще меньше.

2. После древнего общего очертания «своей / известной» земли люди переходили к обозначению границ, что показывают топонимы разных периодов образования; г. **Мелекес** – при венг. **меллек*** «край»; р. **Икорец** – при ст.-кабард. **икер** «конец» (Ш. Б. Ногма); полоса топонимов типа **Ровеньки, Ровное, Ровно** идет по рус. и укр. лесостепи, топоним же объясним только от саам. **рёввын** «край; граница» и т.п.

3. Заселение Восточной Европы началось со Среднерусской возвышенности (СРВ), небольшой площади между Доном и Северским Донцом, где сейчас расположены южнорусские области и часть Украины: только эта местность не была закрыта ледником (Федорова М. В., 1999). Черное море было замкнутым бассейном, воды которого нашли выход лишь в IV тыс. до н.э. Заводнение Восточной Европы было огромным, а земель для удобного обитания было мало; этим обусловлено наличие значительного количества лексики, позволяющей говорить о древних контактах адыг., ф.-уг. и и.-евр.

* Слова из языков народов, не пользующихся кириллицей, даем в русской транслитерации.

племен на сравнительно небольшой территории (Федорова М. В., 1996, 1998).

1. Семейные связи являются очень древними. Условия именно кровного родства разрешают понять, почему в современных и.-евр. и других языках близки по звучанию и значению слова типа **мать, сестра, брат**. Однако включение в состав семьи / рода / племени не по родству, а по другим причинам было обычным, причем играло роль и соседство с неродственными этносами. У и.-евр. племен было древнее материнское право, но они встретились с типом отцовского права у соседей, где отец определял отношение к женщине своего сына – **синысэ** «моего сына жена / женщина» (Яковлев Н., Ашхамаф Д., 1941. С. 298), и заимствовали такое слово, как рус. **сноха**. В речи адыгов такое сочетание / слово сложилось в процессе создания категории органической / неорганической принадлежности. Значит, что и.-евр. племена имели связи с адыгами длительные, почему в **сноха** то отсутствует **с-** (от адыг. **сэ** «я», «мой»), то присутствует (см.: Фасмер М. Т. 3). Следовательно, мнение о том, что адыг. слово заимствовано из и.-евр. языков (А. К. Шагиров) нельзя принять.

2. Названия частей тела складываются постепенно; иногда от таких названий переходим к бытовой лексике, к названиям орудий труда. Так, в рус. есть производные от **рука – ручка, рукоять** «то, за что беремся или держимся», но рукоять сохи называется **обжа** (стар.). Понять это слово помогает адыгейский язык, где **Іапш** «запястье» как сложение основ **Іэ** «рука» + **пшІэ** «шея»: как шея помогает двигаться голове, так запястье помогает двигаться кисти руки (пясти). Важно то, что люди разнятся объемом запястья, но общее в другом: охватите правой рукой запястье левой – пальцы почти не сойдутся, а это не будет мешать при работе. Следовательно, **обжи** делали в семье, причем понятие «запястье» уже существовало. Интересно, что в мордовском эрзя языке «запястье» – **кедь кирьга** (букв.: руки шея). Античные авторы знали землю **Морденс / Мордиа**, располагая ее восточнее **фениев** (финно-угров) и севернее меотов и синдов. Сейчас лингвистически и археологически доказано, что мордва имела и весьма западные локализации.

3. Учет схем именования членов семьи / рода при генеалогическом аспекте исследования. В рус. первым членом является личное имя, в коми языке оно занимает последнее место. Так, крупный ученый Василий Ильич Лыткин из народа коми по нормам коми языка

именуется Лытка / Лыткин Иллья Вась; подобное известно и адыгам.

4. Религиозные представления, возможность смены религии. Известно, что адыги были знакомы с христианством; о степени древности этого говорить трудно, но приведем две группы фактов: а) в адыг. преданиях говорится о свадьбе инглиза и жены адыг. князя в православной церкви – **шоане** – на левом берегу Кубани; б) в Белгородской обл. есть два села с названием **Хотмыжск**. При слав. суффиксе **-ск-** база слова объясняется из ст.-каб. **хутмеш** «дьякон» (Ш. Б. Ногма). Белгородская граничит непосредственно с восточными областями Украины, поэтому укажем, что в укр. и блр. речи день недели воскресенье еще называют **тыждень** и **тыдень**, причем первое объяснимо как сложение адыг. **тхэ** «бог» + **жы** «старый» + слав. **день** = старого бога день. Укажем фамилию белгородца **Шогеня** при наличии адыг. **Шэуджэн**, **Шогенцуков** и ст.-каб. **шоген** «священник» (Ш. Б. Ногма). Этим материалом подтверждается правильное понимание сравнительно недавней исламизации адыгов.

5. Учет степени сожительности. Фамилию белгородец **Старокожев** получил от ойконима нашей области **Старокожево**. Значит, на месте села уже жили адыги, называя селение просто **къяужэ** / **къяуджэ** (в записи Ш. Б. Ногма – **коже**); славяне поселились рядом, а позднее образовалось одно общее селение.

6. Оценка иноязычных соседей по трудолюбию, боеспособности и других признакам. Выделяем рус. слово **хохол** «украинец» как название славян днепровско-донского региона: каб. **хахузэ** «смелый» + **ллы** «мужчина»; древность л-финали подтверждается ст.-каб. **Хахолиунэ** «героев дом» (Ш. Б. Ногма), образованиями типа **вакIу-элI** «пахарь» и «мужским» суффиксом **-л-** в рус./слав., морд., лит., саам. лексике – при устранении ларингала (Федорова И. В., 1995). От базы **хохол** в рус. фамилии **Хохлов**, **Хохлушкин**, **Хахулин** и др.

При вариативности адыг. гласных, особенно в устах иноязычных соседей, с морд. **ломань** «человек» могут быть связаны рус. фамилия **Ламанский**, в Германии и США – **Леман** как «мордовский», «мордвин». При морд. **аламонь содыця** «мало знающий» герм. этноним **алеманы** понятен (его толкуют как «все мужи» по сводке герм. Этнонимов. – Трубачева О. Н., 1974).

7. В генеалогическом плане учитываются семейные/родовые именованья, хотя здесь много трудностей, сложны связи с апеллятивами.

«Глазенапы (шуточное) «глаза», Тургенев: «запускать глазенапы к соседям», т.е. при игре... подглядывать украдкой в карты партнеров, также донск. (Миртов). Преобразовано из глаз под влиянием... остзейской дворянской фам. фон Глазенапп... Ср. также Мыс Глазенапа на Аляске... Гавань Глазенапа на Чукотке» (Фасмер М. I). У Тургенева слово (сочетание) употреблено иронически, но требуют внимания северные топонимы. Брокгауз и Ефрон сообщают следующее: Глазенапы – дворянский род, прибывший из Померани в Лифляндию в XVI в.; Г. Карл-Фридрих, муз. писатель, род. в 1877 г. в России; Г. Григорий Иванович, ум. в 1819 г., генерал-губернатор Зап. Сибири; Г. Сергей Павлович, астроном; в 1874 г. участвовал в экспедиции в Вост. Сибирь (Новый энциклопедический словарь. Т. 13). Сохранение фамилии едва ли членами одного рода и помета Миртова донск. позволяют думать, что фамилия могла сложиться и не в Германии. Правда, рус. глаз считают германизмом, часть же нап объяснима лишь на базе адыг. напІэ «веко» при нэ «глаз» + пІэ «крышка» (Шагиров А. К., 1977). Фамилия, видимо, сложилась на базе прозвища для человека с «тяжелыми» веками, когда ресницы как бы приопущены, что и дало возможность появиться фразе со значением «подглядывать».

Известно не только фонетическое, но и семантическое изменение заимствованного слова, развитие в нем вторичных значений. Так, в юж.-рус. фамилии Хахалев, Хахилев – от хахаль «возлюбленный, поклонник», что явно вторично по отношению к хохол «украинец».

М. В. Федорова
Белгород

АДЫГИЗМЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

(В связи с материалами словаря М. Фасмера)

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера (М.: Прогресс, 1964–1973) в составе русской лексики представлена и такая, которая отражает результаты взаимодействия или контактирования русичей с носителями других и.-евр. языков, а также

языков финно-угорской и тюркской языковых семей. В этом словаре, как и во многих подобных ему, отсутствует (кроме *шапка*) адыгский материал, который был еще недостаточно изучен. К настоящему времени есть основания говорить о русско- и славяно-адыгских языковых связях. Языки абхазский, абзинский, адыгейский, кабардинский, убыхский образуют сев.-зап.-кавказскую языковую семью (для краткости – адыг.) Носители этих языков сейчас в основном связаны с сев.-зап. Причерноморьем, но есть языковые свидетельства о прежнем обитании адыгов и в средней полосе Восточной Европы (Федорова М. В., 1987, 1988, 1995, 1998). С таким расселением были связаны славяно-адыгские контакты прошлых эпох. Из лексики, свидетельствующей о таких контактах, в предлагаемой статье приводим 10 слов, называющих объекты, важные для быта людей, говорящих на разных языках. Эти слова даны в Словаре М. Фасмера, но их семантизация неверна или спорна. Для сопоставления с русскими словами используем данные кабардинского (каб.) языка.

В отдельных случаях рус. и каб. слова очень близки материально и семантически: *лететь/летать* – каб. *лъэтэн* (-ть и -н – суффиксы инфинитива). В русском выделяют корень *лет-*, но в каб. слово имеет корень от глагола *лъэн* «прыгать» с непродуктивным суффиксом – *тэ-* (Шагиров А. К., 1977. Т.1. С. 252); следовательно, адыг. слово является более древним. Далее слова приводим в алфавитном порядке.

Закупорить, откупорить имеют связанный корень. Эти слова используют при закрытии/открытии отверстия в сосуде/бочке пробкой, которая должна войти глубоко, – каб. *куу* «глубокий», *кууулэ* «вглубь». В совр. каб. «закупорить» – *гъэбыдэн*; «пробка» – *шкaм-пIыл*, *пхъэмыф* и – как русизм – *пробкэ*.

Заяц. Охотясь за животными, обычно идут по следу; заяц же передвигается скачками, «смешивает» следы, поэтому можно сопоставить рус. слово с каб. *зэлIуэн* «смешивать, мешать»; украинская фамилия *Зайченко* сопоставима со ст.-каб. в записи Ш. Б. Ногма *зайчангоэ* с теми же значениями. В совр. каб. «заяц» – *тхэкIумэкIыхь* (букв.: длинноухий).

Земля, общеслав. Значение «земля» передается в каб. словом *щIы*, в адыгейском – *чIы*, эти слова широко используются в различных сочетаниях; общеупотребительны каб. *лэжээн* «работать», *лэжэын* «обработать». «Невозделанная земля» – *зэмылэжэа щIы* («необработанная кожа» – *зэмылэжэа фэ*); в первом слове префиксы *зэ* – совершенности и *-мы-* – отрицания. Часть именования, наи-

более часто повторяемая, оказалась усвоенной в виде *земля*. Следовательно, славяне говорили именно о необработанной земле.

Ил «густой осадок на дне водоема/под водой», общеслав. с семантическими дериватами. Мотивируется каб. *ильын* лежать/лежать под» при *тельын* «лежать на».

Конура «домик для собаки», общерус. и укр. (у Фасмера – отсылка к *канура*), имеет аналог в рус. диал. (арханг. – по В. И. Далю) *хорун*. Последнее точно соответствует каб. *хъэ унэ* «собаки дом». В каб. звук *р* в ряде случаев утрачивался, в арханг. форме он сохранен. Метатезы согласных при заимствованиях обычны, мена *х – к* в Восточной Европе нерегулярна, но известна (тип *крест – хрест*).

Лягушка – название объекта с длинными ногами. Возможны два сопоставления с каб. лексикой: 1) *лъакъуэ* «нога» + *ихуэ* «большая» – с озвончением *к* в интервокале; 2) архаич. *лъэ* «нога» + *къуаниэ* «кривая» (букв.: кривоногая – о позе сидящей лягушки). В совр. каб. лягушку и жабу называют одним словом – *хъэндыркъ-уакъуэ*, вторая часть которого соотносима с рус. междометием и глаголом *квакать*.

Олень, общеслав., если не общеиндоевропейское; М. Фасмер отсылает и к слову *лань*. Характер движения животного позволяет привлечь к сравнению прежде всего ст.-слав. *елень* при каб. *елъэн* «прыгнуть» от *лъэн* «прыгать». В совр. каб. «олень» – *щыхъ*, «лань» – *бланъ*.

Пещера (у М. Фасмера – *печора*) хорошо мотивируется каб. *пэи* «комната» + *щ/ы/ч/ы* «земля» + суффикс существительного –*р*- (букв.: комната в земле). В совр. каб. «пещера» – *бгъуэниц/агъ*.

Цыпленок, *цып-цып* содержат старую каб. основу *цыпэ* «волосок» от *цы* «шерсть»: цыплята сперва покрыты не перьями, а пушком. В совр. каб. «цыпленок» – *джэджьей* от джэд «курица» (ср. рус. *куренок*).

Щебень «измельченный камень», каб. *щабэ* «рыхлый», *гъэщэбэн* «рыхлить», *ущэбын* «натолочь». В совр. каб. значение «щебень» передается описательно: *мывэр/чырбыш зэхэгъэлъэла*, где *мывэ* «камень», *чырбыш* – из рус. *кирпич*.

Изложенное показывает, что адыгизмы требуют внимания не только русистов и славистов. В ряде случаев рус./слав. слово показывает адыг. архаизм, который когда-то уступил место другому слову, а потому наш лексический материал полезен и для адыговедения.

ШУКАЕВЫ: СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Всему миру известно ревностное отношение горцев Северного Кавказа к генеалогии своего рода, истории фамилии и передаче этой информации подрастающему поколению.

В прошлом, да и сегодня считается недопустимым не знать поименно своих прямых предков до седьмого колена по восходящей линии. Н. Дубровин в середине XIX века писал, что даже «адыгские женщины четко представляют себе генеалогию своих родов».

Шукаевы, как балкарцы, так и кабардинцы, чьим общим предком является Гуру-ула из Верхней Балкарии, хранят в памяти генеалогические предания, которые передают из поколения в поколение накопленный жизненный и духовный опыт.

Несмотря на художественное обрамление, наслоение художественного вымысла, в основе генеалогических преданий представителей рода Гуруева лежат отголоски исторических фактов, имевших место в древности, и особенно в эпоху феодального развития балкарского общества.

Для подтверждения данного положения приведем выдержки из «Описания административного деления и управления Кавказом, быта, нравов и обычаев народов Кавказа за период с 1796–1803 гг.», составленного историком П. Г. Бутковым.

«...Балкарцы имеют древних собственных владельцев фамилий Басиат. В 1794 году в фамилии Басиат насчитывалось до 26 человек, и старший между ними был Солтан-мат Каншаов.

...Население сего племени простирается до 2000 домов. Главное их селение называется Басиат по фамилии их владельца. По сему грузины называют их население басианами. Зависящие от главного прочие... Гобсарт, Адшалча, Мохаул и Холам...

...В 1878 году балкарские народные владельцы Исса, Кыргулз (Гуру-ула?), Мауст и Сколты явились к генерал-поручику Потемкину с...»

Во всех записанных генеалогических преданиях о роде Гуру-ула присутствуют миграционные мотивы и локализация места первопоселения. Нет сомнений в том, что эти предания основаны на каких-то исторически реальных фактах.

«Ущелье реки Черек считается первоклассным местом поселения балкарцев», переселившихся в эти места из равнинной части предгорья Кавказа. Во второй половине XIX столетия первый балкарский историк и просветитель Мисост Абаев в своем историческом очерке о Балкарии записал древнюю легенду о родоначальнике балкарцев – Малкар. В легенде содержится и некоторое исторически достоверное «зерно», первоначальная чистота которого засорена позднейшими добавлениями.

Многие исследователи истории последнего десятилетия отождествляют этнонимы «малкар», «балкар» с болгарскими. «К тому же первые упоминания в источниках о болгарях связаны с Кавказом».

О Балкарском ущелье русские источники заговорили в начале XVII века: в послевоенном приказе за 1629 год говорится о владениях балкарских князей.

В 1743 году русские источники сообщают о «власти Малкар в вершинах реки Черек», в 1765 году – о народе «балкар», который находится по соседству с «Дюгором».

В генеалогических преданиях представителей рода Гуру-ула часто затрагиваются вопросы общественного быта и патронимическая организация – «тукъум» Гуру-ула, которая, по их утверждению, существовала с древних времен до 1927 года. Это сообщение подтверждается исследователями быта и общественной организации народов Северного Кавказа М. О. Косвеном и А. И. Мусукаевым.

Тукъум Гуру-ула представлял собой, как и другие патронимические тукъумы балкарцев, коллективы родственных семей, в которые входили родственники по крови – Гасиевы, Туменовы, Жакеевы и Шукаевы.

По определению А. И. Мусукаева, тукъум Гуру-ула можно обозначить термином «атаул» (букв.: от одного отца). Все информанты из тукъума Гуру-ула подтверждают это определение и выводят фамилии Гасиевых, Туменовых, Жакеевых, Шукаевых – сыновей Гуру-ула – от основателя тукъума – Гуру-ула.

На то, что информация о своем первопредке достоверна, указывает и таблица нисходящего родства тукъума Гуру-ула, составленная авторами исследования по информации представителей фамилии Гасиевых, Туменовых, Жакеевых и Шукаевых.

I	Гуру-ула					
II	Бингур					
III	Гасы		Тумен	Жаке	Шука	
IV	Ма- хош	Махош	Гасау	Сеид	Еузды	Бузды
V	Заур- бек	Каирбек	Алхас	Шабата	Кудай	Кудай
VI	Ис- са	Исса	Бекмурза	Мауд	Баяз- руко	Доло- туко
VI I	Ах- мат	Масхуд	Мазан	Кичи	Хараби	Орта- бай
VI II	Ис- хак	Ибрагим	Адаль- бий	Султан	Гилу	Муха- мат
IX		Шамиль			Орус- бий	Амин
X		Мурат			Му- харби	Алик
XI					Гиса	Мурат

Все информанты без исключения называют имена 7–8 поколений от первопредка Гуру-ула. Основываясь на законах научной генеалогии, относящихся к таблице нисходящего родства: на сто лет приходится деятельность трех поколений. В данном случае известны имена одиннадцати поколений. Это соответствует 350 годам. Из одиннадцати поколений известны годы рождения представителей 4 поколений. О лицах, помещенных в росписи между первым и седьмым, сведений нет.

Нам известен год рождения Амина Мухаматовича Шукаева – 1905-й. Отнимаем от этого года 30 лет, получается 1875 год. Это год рождения Мухамата, его мы имеем в зарегистрированных источниках. Неизвестны годы рождения семи поколений по нисходящей от Гуру-ула, т.е. $30 \times 7 = 210$, если 1875 г. – $210 = 1665$ г. Этот год можно считать годом рождения Гуру-ула. Таким образом, эти данные не разнятся с источниками, в которых упоминается имя некоего Бингура Гуруева, возможно, потомка Гуру-ула, жившего во второй половине XVII века в Черекской долине в селении Каспарты.

Единый поток жизни на Земле не прерывается. Общебиологическое, родословное начало через генеалогическую память продолжает свое действие. Поколения на самом деле связаны между собой более тесно, чем это кажется сегодня.

Используя опыт народной педагогики кабардинцев и балкарцев, необходимо включить в систему образования преподавание основ

генеалогических знаний в школе. Обучать школьников практике поиска и составления родословных таблиц, терминов родства, методике сбора и способов представления генеалогической информации.

М. М. Хафицэ
Нальчик

ЧЕРКЕССКИЕ РОДЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ИЗРАИЛЕ

Контакты между адыгами Кавказа и их братьями и сестрами, живущими в Израиле, имеют всего лишь девятилетнюю историю. Зарождению их способствовал проходивший в Нальчике Первый Международный конгресс черкесов, на котором присутствовала и делегация израильских соотечественников.

После окончания его работы гости из стран Ближнего Востока, Европы, Турции, США посетили населенные пункты Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, побывали в Шапсугии, нашли своих родственников. С тех пор в КБР, Адыгею, КЧР и Шапсугию постоянно приезжают адыги с земли обетованной.

В Израиле, на земле древней Галилеи, находятся две черкесские деревни – Кфар-Кама и Рихания. В Кфар-Каме проживает более 2200 человек. В основном это шапсуги. Встречаются семьи хатукаевцев, бжедугов, абадзехов. Живут здесь и две кабардинки из рода Моловых. Родились они в Сирии, на Голанских высотах, вышли замуж.

Основанное в 1876 году, селение находится в самом центре древнего еврейского государства. Своеобразно его расположение: в самом центре – солидное здание мечети, от нее лучами расходятся улицы. Неподалеку от Кфар-Камы высится гора Тавор. «Тавор» по-еврейски означает «пуп». От Тивериадского озера селение отдалено всего лишь на 30 километров. В четырех километрах расположено селение Кфар-Тавор, дальше – в шести километрах – еще одно арабское селение. Адыгские жилища напоминают еврейские – они светлы, просторны. Из выходцев двух черкесских селений в городах проживает около 35 человек. Для черкесов оседлый образ жизни привлекательней, это у них в крови. Объясняется это еще и тем, что до воссоздания Государства Израиль адыги и евреи жили рядом с арабами с некоторой опаской, не имея твердых гарантий своей безопасности. Поэтому многие предпочитали жить в сельской местности, превращая свои дома в крепости.

Я побывал в одном из таких домов в Кфар-Каме. Дому этому более 90 лет. Здесь уже никто не живет, но стены сохранили дух

ушедшей эпохи, традиции бывших хозяев. Ими были Шхалаховы, в свое время самые знатные и богатые люди Нижней Галилеи. Мне поведали о том, что не было в Оттоманской империи дипломата, министра, генерала, купца, который, бывая в Кфар-Каме, не посчитал бы за честь посетить гостиную Шхалаховых. После турецкой революции 1918–1923 гг. два ссыльных адыга, два брата – Эдхем-паша и Рашид из рода Дипшоу – в течение двух лет находили приют в этом доме.

Сегодня в Рихании проживает свыше 100 арабов. Но, что интересно, все они считают себя адыгами. Живут там и татары, и боснийцы, и турки. Все в совершенстве знают черкесский язык, учатся в местных школах и считают себя черкесами.

Вот еще несколько интересных цифр. Из девушек Рихании 54 стали невестами джигитов из Кфар-Камы, а 50 молодых риханийцев взяли себе в жены молодых кфар-камок. Из Рихании в Кфар-Каму переехали 7 семей. Переселился из Рихании в израильские города 31 человек.

Еще одна деталь из жизни местных адыгов. С 1948 г. Израиль был закрыт для адыгов, живущих в других государствах. Поэтому жители Кфар-Камы и Рихании не имели возможности общаться с черкесами, живущими в арабских странах. Отсюда случаи скрепления семейных уз между родственниками, что не поощряется у адыгов. За последние годы положение несколько изменилось. Теперь в Рихании и Кфар-Каме можно встретить невест из Кабарды, Адыгеи, Шапсугии... Так, Шокуй Бжедуг женился на Анжеле Гулижиновой из Нальчика.

Перечислим фамилии родов, проживающих в черкесских селениях.

Кфар-Кама: Абзах, Тлиув, Тлибей, Горхож, Бжедуг, Хахо, Ха-тукай, Абредж, Чушха, Напсо, Чемсо, Шоген, Ачмиз, Бата, Баста, Бланагапца, Бгана, Кoble, Хутыз, Натхо, Наго, Тхаухо, Хидзел, Хадлиш, Шаджаше, Шхалахо, Ташу, Тлихуж, Куаджа, Калэ, Китыж, Карzedж, Фаджэ, Бошнак.

Рихания: Гиш, Тлиша, Хапапх, Шхагум, Шагуж, Хуаж, Куаш, Гута, Пшибий, Цей, Хутыз, Абзах, Хаджи, Карzedж, Малыша, Хун, Хахо, Шууко, Муса, Мышкур, Бата, Хуршид, Ростом, Балаг, Нагой, Татар, Идрис.

Со всей уверенностью могу сказать: вернутся ли черкесы на свою историческую родину, останутся ли в Израиле – в любом случае они всегда будут адыгами – со знанием родного языка, традиций, обычаев.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ: ПОИСК ФАМИЛЬНОГО СМЫСЛА

Интерес горских евреев к своим корням был всегда, но с распадом СССР, с репатриацией в Государство Израиль, с эмиграцией этот интерес усилился.

И все же современный еврей имеет смутное представление о том, что означает фамилия, которую он носит, как, когда она возникла.

Генеалогия связана с библией, где приводится около 2,8 тыс. личных имен. Для обозначения понятия «генеалогия» в древнейших частях Библии употреблялось слово «теледот» от ивритского «родить». В библии приведены генеалогические таблицы, в которых отражены десять поколений. Есть родословная Авраама, Якова, сынов Израильских, смешанных линий, родословная Давида и даже жителей Иерусалима.

В горско-еврейскую среду проникали имена, заимствованные у персов, встречаются имена греческие, мусульманские. Евреи, живущие в диаспоре, пытаются сохранить свои родословные связи, знают свои корни. У многих евреев два имени. Родители, зная, что имя определяет судьбу человека, стараются дать детям имя положительных библейских персонажей. Обязательно дают детям имена своих предков – с тем, чтобы не прерывалась нить родословий.

У горских евреев разрешены браки между родственниками, и это отражается в генеалогии. Анализируя фамилии, можно делать вывод об этнических смешанных браках. Фамилии Ашуровы, Алхасовы, Журтовы, Шабаевы, Шаваевы встречаются и у горских евреев, и у кабардинцев, и у балкарцев. Горские евреи в честь своих друзей нееврейского происхождения давали имена нееврейские, но второе имя было обязательно еврейским, и его знала община.

В последние десятилетия еврейская генеалогия вышла на более высокий уровень. Редактор журнала «Авотейну» Салльяни Амдур Сак считает, что «два события определили еврейскую жизнь двух прошедших столетий: массовая эмиграция и Холокост, они стали движущей силой растущего интереса к поиску своих корней». К 2000 году имелось уже 75 еврейских генеалогических обществ.

Для рассмотрения родословий мы изучили различные схемы, но за основу взяли разработанную таким образом, что исследуемый находится в центре, а от него вниз и вверх идут направления родословий.

РОДОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КУШХОВЫХ

В процессе подготовки к родовому съезду и за четыре года после него нам удалось исследовать исторические аспекты рода, обобщить материалы о жизни и деятельности его славных представителей, воссоздать родословную. В наш род входит свыше 800 семей и 4000 человек, род – третий в республике по численности после Шогеновых и Кардановых.

В шестидесятые годы XVIII века, в результате Кавказской войны, из Кушховых около 1000 человек переселилось в другие страны. В настоящее время в Турции проживает свыше 700 человек, в Иордании, Сирии, США столько же. В общей сложности за границей проживают приблизительно 2000 человек.

Главным итогом деятельности родового объединения является то, что мы уже знаем всех представителей своего рода, географию компактного проживания его. Если раньше представители рода, проживающие в разных районах, относились друг к другу в основном как однофамильцы, то теперь благодаря кропотливой работе по изучению генеалогического древа трехсотлетней давности, на основе исторических и архивных материалов установлено, что все ветви, носящие эту фамилию, имеют единый корень и родственную связь.

Большая заслуга в проведении данной исследовательской работы принадлежит Мухадину Джаборовичу, благодаря которому каждый из Кушховых может легко отыскать своих предков до седьмого колена.

Другим приоритетным направлением в программе является разработка и внедрение родового кодекса чести, призванного способствовать возрождению лучших адыгских традиций и обычаев. Совет рода предпринимает практические шаги, чтобы воспитывать молодежь в духе патриотизма. С этой целью создана родовая молодежная Хаса, в которую входит более 80 юношей и девушек, обучающихся в высших учебных заведениях. В соответствии с программой и решением Совета рода разработана и выпущена брошюра для молодежи «Помнить о прошлом, ценить настоящее, заботиться о будущем», включающая в себя практические рекомендации по вопросам нравственного воспитания, поведения в обществе, отношения к старшим, женщинам, родителям.

За 4 года проведено 17 заседаний Совета рода, в том числе 3 выездных в пос. Залукокоже, селениях Лечинкай и Аушигер, на кото-

рых обсуждено более 70 различных вопросов. Среди них ход работы по изучению родословий и подготовка материалов для родовой энциклопедии «Социально-исторический портрет рода Кушковых». Была проведена встреча Совета со старейшинами и представителями молодежи рода, где высказаны предложения по укреплению связи с представителями рода, проживающими в селениях, по организации практической работы. Была создана секция по работе с молодежью в составе Совета рода, утверждены члены этой секции. Участники встречи приняли обращение ко всей молодежи с призывом активно включиться в работу по претворению в жизнь программы и Устава рода, строго соблюдать вековые традиции народов Кабардино-Балкарии – жить в дружбе и братстве, деля хлеб и соль, радости и горести со всеми представителями народов, проживающих в республике.

Важную роль в деле консолидации всех ветвей рода играет газета «Голос Кушковых», главным редактором которой является Асиямирза Гедгафов. В десяти вышедших ее номерах освещается проводимая Советом рода работа, принимаемые решения, их выполнение. Отдельные номера были посвящены представителям рода, компактно проживающим в Зольском, Баксанском, Терском районах, в селениях Аргудан, Аушигер, Лечинкай.

*М. Х. Пшуков
Нальчик*

РОД ПШУКОВЫХ

Род Пшуковых насчитывает 300 семей, которые проживают в 32 населенных пунктах Кабардино-Балкарии.

Следует внести ясность в разночтение фамилии – «Пшуков» в русской транскрипции и «ПщыгукI» в кабардинской. Так, при составлении справочника о фамилиях, проживающих в кабардинских селениях, можно читать «ПщыгукI», «Пщыкьуз», «ПщукI». Такое разночтение встречается даже в одном селении, где все представители фамилии являются кровными родственниками. Такие неточности можно встретить и в работах Дж. Кокова, и у ряда других авторов.

Побывав во всех 32 селениях и переговорив со многими из рода Пшуковых, убеждаешься, что такое свободное толкование не имеет основания. В течение последних лет были организованы встречи рода Пшуковых в селениях Малка, Карагач. Старейшины рода еди-

нодушно подтверждают, что есть только одна фамилия: Пшуков – «ПшыукI». Солидарны они и в том, что в далеком прошлом произошли от 5 (7) родных братьев, волею судьбы разбросанных в разных населенных пунктах КБР (Кабарды). Прямо или косвенно это подтверждают и архивные документы. Так, в сословной переписи населения Кабарды 1825 года записано, что в ауле Б. Бабукова Атажикинской фамилии проживал уздень 3-й степени Ибрагим Пшиучев, 40 лет, сын Исуп – 2 года, брат Ибрагима Измаил – 15 лет.

В ауле Гудаберда Астемирова, принадлежавшем кн. Б. Черкасскому, проживали уздени 3-й степени Анзор Пшуков – 44 лет, Исмаил Пшуков – 41 год.

У В. Кудашева читаем: «Такие настоящие дыжинуго, как... и Пшуковы в Кабарде не остались, и они по положению (социальному) поравнялись с узденями 1-й степени».

Правда, В. Кудашев не поясняет, кто это был и в каком селении (ауле) проживал. Видимо, это относилось не ко всем, кто носил эту фамилию.

В более подробной подворовой переписи населения Кабарды 1886 года указано, что Пшуковы проживали в то время только в аулах Ашабова, Астемирова, Иналова, Коново (Абзеванова).

Круг этот еще сужается, если обратиться к более ранним документам. В книге С. Бейтуганова «Кабарда в фамилиях» имеется список фамилий и имен, пожелавших вернуться в Кабарду из района г. Георгиевска. Кстати, об этом факте помнят старики рода, естественно, по рассказам своих старших.

Любопытно в этом документе то, что переселенцам было поставлено условие обязательного расселения в разных аулах, там, куда укажут представители власти.

Среди прочих фамилий в этом документе указаны и Пшуковы, кому следовало поселиться в аулах Ашабова, Конова, Иналова. Некоторым другим было предписано переселиться в Малую Кабарду. Возможно, что это было началом расселения Пшуковых в разных концах Кабарды.

Упоминание фамилии Пшуковых относится к периоду 1770 – 1790 годов, т.е. к моменту строительства крепости Моздок и оборонительной линии. Именно в этот период происходят массовые переселения в знак протеста против строительства Кавказской линии.

Однако еще раньше известен факт переселения кабардинцев из района реки Гума. Тогда становится более объяснимым, почему бабуковцы пожелали переселиться именно сюда.

Л. Я. Люлье приводит интересные данные о том, что фамилия

«Пшиуик» встречается у племени «Гоя», обитавшего в Причерноморье по соседству с шапсугами, натухайцами, впоследствии слившегося с натухайцами.

Современные историки КБР фамилию Пшуковых раскладывают на две составляющие: *Пшы* – «князь» (глава), *укI* – «убить». Однако вариантов возможного появления фамилии из-за отсутствия исторических документов не приводят.

Некоторые из историков ссылаются на устные предания: кто-то из рода когда-то имел конфликт на бытовой основе, в результате убийства пришлось переселиться в другие места. Выглядит вполне правдоподобно, такие случаи у народов Северного Кавказа были нередки. Если учесть, что черкесы были точны в определении имени, кличек, то нет сомнений в том, что фамилия появилась не случайно. Ведь она означает конкретное событие. Нет сомнений и в том, что раньше наши предки носили другую фамилию.

А. И. Мусукаев
Нальчик

ФАМИЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЗДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Если в период распада первобытнообщинных отношений за выделяемыми родственными группами закреплялись имена или прозвища семейных общин или патронимий, то со временем, с социальным развитием обществ, численным их увеличением и изменением мировоззрения людей, создалось множество форм и возможностей рождения соответствующих обозначений. Требования экономики, психология и образ жизни общинников, профессии и этническая принадлежность – все это и многое другое могло послужить основой фамильного имени. Несмотря на то, что большинство институтов и традиций этнических общностей носили универсальный характер, в реальности трудно себе представить необычность и неповторимость каждой из ситуаций в отдельности.

Так, каких-то восемьдесят с лишним лет назад случайно, из-за неряшливости одного из хозяев дома, появилось фамильное обозначение Пиакартовых: после Октябрьской революции в селениях шла перепись населения и присвоение фамилий тем семьям, у которых их не было. Войдя во двор к Мэшыкбуэ Сижажову, статист позвал

хозяина. Шел проливной дождь. Мэшыкъуэ накинул сверх своей шерстяной шапочки, чтобы она не промокла, еще что-то наподобие головного убора и вышел навстречу к гостю. Обратив внимание на нелепый вид хозяина, статист сначала объяснил цель своего прихода, а затем с юмором заметил: «Ты сам себе выбрал фамилию Пыльэкэрт – «слоеная шапка». Интересно, что живший по соседству брат Мэшыкъуэ так до конца жизни и остался Сижажевым.

Фамилия арикских Абанокowych в документах встречается со времен переселенческих мероприятий Ермолова на Северном Кавказе. Старшее поколение Абанокowych рассказывает, что закрепление фамильного имени за их пращуром связано с его консервативным характером и тяжелым восприятием нового. Его приверженность ко всему устоявшемуся распространялась на все стороны жизни и даже одежду. И если он носил какую-то вещь, то до тех пор, пока она не изнашивалась полностью. Говорят, такой любимой его вещью была совсем потертая безрукавка (*абэ* – безрукавка; *ныкгуэ* – половина).

Значительный процент фамилий связан с широко практиковавшимися на Северном Кавказе миграциями. Причем причины этого процесса были многообразными.

Соновы (Сонэ) происходят их сванского княжеского рода Даддани. Семь-восемь поколений назад Айбек Даддани, которого в связи со сванским происхождением в Кабарде называли Сонэ, будучи предпринимателем, оказался в селении Бековича Черкасского. В настоящее время это Кизлярский поселок Моздокского района. В Кабарде в его семье родился сын Бэчир и два внука: Махмуд и Акъыбаде. В Госархиве мы встретили документ от 27 мая 1902 года относительно Акъыбаде, когда он проживал в Н. Куркужине. В нем, в частности, говорится о том, что Конновское правление в связи с предпринимательской деятельностью разрешает ношение холодного оружия местному жителю Акъыбаде Сонову.

Согласно статистическим отчетам Терской области его брат Махмуд занимался ремесленным производством и был хозяином кузницы.

Ветви Соновых продолжили сыновья Махмуда: Нэфыщэ и Макъ и сыновья Акъыбарды: Матгу и Шэшэн.

В наши дни старшим нижнекуркужинских Соновых является шестидесятипятилетний Зачи, прямой правнук Акъыбарды. Члены фамилии расселились в Каменноостском, Сармаково, Нальчике.

В основе образования второлескенской фамилии Кандаровых (Къэндар) лежит обыденная житейская история: нежелание отпускать дочь с мужем дагестанского происхождения в село ее избранника. Старший представитель фамилии Алексей Сафарбиевич Кандаров рассказывает, что его прадед, мастер на все руки, приехав на заработки в Кабарду, во Втором Лескене влюбился в местную красавицу и ради нее не задумываясь принял условия ее родителей: они согласились на брак в том случае, если он останется в Кабарде. Молодые были под стать друг другу, пользовались уважением в селении и родившийся их сын Андрахман окончательно перевесил решение дагестанского парня навсегда остаться на родине любимой женщины.

Представители соседних северокавказских народов, переезжая по объективным и субъективным причинам на другие места жительства, часто меняли не только этническую принадлежность, но и фамильные имена. Гордугожевы Атажукина I из-за преследований кровной мести уехали из Карачая, где принадлежали к фамилии Безгировых. Кстати, потомки тех или иных фамилий могли поменять их даже внутри этноса. Кошеровы Урожайного (Абаево) сохранили в памяти предание, свидетельствующее о том, что их пращур Хъэдин выделился из фамилии кабардинских Елкановых. Дословный перевод фамильного имени Кошеровых – «братская линия или ветвь». И по сей день потомки Хъэдина в Урожайном, Моздоке и других населенных пунктах Кабардино-Балкарии считают себя подразделениями основного корня Елкановых: кабардинского и осетинского.

Татроковы являются производной от знатной и богатой фамилии аушигерских Жанокowych. Предание гласит, что девять поколений назад Хажпаго Жанокowych с друзьями отправился за солью в Астрахань. Так случилось, что молодой человек влюбился в девушку татарского происхождения и, недолго думая, увез ее с собой. По приезду в Аушигер у молодых начались неприятности, связанные с тем, что их союз не хотели признать близкие и родственники Хажпаго. На старших Жанокowych не произвела впечатления «безродная и неизвестно откуда взявшаяся невестка». Более того, перед юношей было поставлено условие не только отказаться от жены, но и в случае рождения сына поменять фамильное имя. Упрямый Хажпаго не принял ультиматума и уехал в Бабуково, где мудрые местные старожилы просто решили вопрос с фамилией будущего ребенка

молодоженов. Его сына Мухамеда стали называть Тэтрокьюэ, то есть потомком татарки.

Насколько богато творчество народа, свидетельствует образование фамильных имен от физических данных человека, его верований, эмоционального восприятия окружающего мира. Заюковские Апшевы связывают свое появление со следующей историей. Князь Атажукин по пути в соседнее селение неожиданно был остановлен всадником, сорвавшим с него шапку. Подобное некорректное поведение незнакомца настолько удивило Атажукина, что он от неожиданности растерялся, не сразу поняв, что произошло. Остановившись на небольшом расстоянии, всадник, молодой еще по возрасту человек, ненавистным взглядом смотрел на окружение князя. Последний, конечно, мог дать команду своим людям, и они не оставили бы от дерзкого юноши мокрого места. Однако князь добродушно улыбнулся, попросил незнакомца не шутить и не играть с огнем и вернуть головной убор. Любой горец, естественно, понял бы, что означает сорванный с мужчины головной убор: налицо было основание для совершения кровной мести. Не осмысливавший до конца своего опрометчивого поступка юноша не только не внял благоразумному совету, но и решил диктовать свои условия: «Отбитую шапку даром не возвращают». Секунды отделяли незадачливого «рыцаря» от смерти, как вдруг к нему на скорости подлетел невесть откуда взявшийся односельчанин князя, одной рукой снял его с седла и в следующее мгновение вернул князю шапку. Удивившись ловкости всадника, последний поблагодарил его за храбрость, умение и уважение. В разговоре князь назвал понравившегося ему односельчанина «Уэпшэ» – «рукастый».

Образование фамилии Мерových и Маировых связано с именем новорожденного ребенка, украденного докшоковцами в походе зекуюэ. По преданию, ребенка привезли одному из местных уорков, и поскольку он был родом из русской деревни, называли Урысыкьюэ. Ребенка положили в люльку – «мей», подвешенную высоко на веревке. Старочеркесские Маировы считают, что отсюда пошло название Мерových. Некоторые из Мерových пишутся как Маировы. Фамильное имя Симаховых восходит к понятию «счастливый день»: «си махуэ» – «мой день». Связывался он то ли с рождением ребенка, то ли со свадьбой, то ли с какой-то удачей. При этом понималась радость, которую ждали не день, не два.

Можно привести и множество других примеров говорящих фамилий, реальным создателем которых была сама жизнь во всех ее проявлениях.

В. Н. Котляров
Нальчик

СЕКУНДНАЯ СТРЕЛКА В ИСТОРИИ (О близком человеке газетной строкой)

Что знаю я о роде своем? К большому стыду, очень и очень мало. Отец не особо любил рассказывать о своем прошлом. Не любил по той простой причине, что был в нем, прошлом, арест моего деда и последовавший приговор пресловутой тройки; это обвинение по политическим мотивам человека, который просто не привык плохо работать, за что и поплатился жизнью, отложило свой черный след на всю биографию отца. Где-то там, в коридорах власти, когда речь заходила о должностях и званиях, незримо всплывало кулацкое прошлое Николая Котлярова, и его потихоньку отодвигали в сторону. И если бы так происходило только в пятидесятые, когда реферат отца был признан лучшим, и ему вдруг засветила карьера дипломата – пришел вызов из Москвы, из дипломатической академии. Но политическая неблагонадежность всплыла тут же – доброжелатель сообщил куда надо и вызов, естественно, аннулировали. Кстати, автор подметного письма и поехал на учебу, дипломатом не стал, вернулся в Нальчик и, встречаясь с отцом довольно часто, как ни в чем не бывало здоровался, расспрашивал о делах, улыбался. Отец узнал о письме значительно позже, но я так и не услышал из его уст слов осуждения того человека. Перегорело, переболело? Не знаю, но судьба распорядилась столь странно, что этот человек, если разобраться, поломавший судьбу отца, оказался тесно связан со мной, с моей семьей – во время учебы в университете я слушал его лекции, моя жена писала у него курсовые, он ставил ее в пример перед другими студентами...

Впрочем, речь-то о другом, тем более что того поборника партийной справедливости давно уже нет в живых. Прошлого рода, даже во времена оттепели, оставалось закрытой темой, вернее темой, которая не поднималась. Словно его и не было... Возможно, так отец оберегал меня от ненужных волнений, возможно, было что-то дру-

гое. Спросить не у кого – старших рода уже нет. Старшим, как ни горько это звучит, в 45 лет стал я.

Откуда же пошла наша фамилия? Котляр – котельный мастер, а также человек, изготавливающий медную посуду, самовары и другие металлические изделия (см.: *Федосюк Ю. А.* Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1972). Известно, что прадед Андрей Котляров, по национальности украинец, был мастером по изготовлению карет, его так и называли – Андрей-каретник. В жены он взял сербку Анастасию Васильевну. От их брака и родился в 1888 году мой дед Василий Андреевич Котляров. Жена деда, моя бабушка, Марфа Дмитриевна Холанская (умерла 4 сентября 1975 года) смешала в себе кровь отца поляка – слободского головы села Воронцовка Воронцовского района Воронежской губернии, и матери Татьяны Антоновны, крепостной с Украины. Как, имея столь многонациональную родню, отец мой оказался русским – вопрос, покрытый мраком. Но ясно, что в традиционно русской губернии не проявляли особой щепетильности при выборе национальности, тем более, когда выбор был столь затруднителен.

У отца была сестра Анна, старше его на десять лет, и брат Иван, младше на два года. Когда деда 11 февраля 1930 года арестовали, конфисковав все имущество, семья, спасаясь от репрессий, собрав нехитрый оставшийся скарб, на телеге отправилась в поисках лучшей доли. Долго ли, коротко ли, близко или далеко, но оказались в Кабардино-Балкарии, где и обосновались.

Какой была их жизнь? Обычной, такой же, как у всех. Трудной... В одном из очерков отца, посвященном летчику Василию Бубликову, есть строки о детстве героя. Не трудно догадаться, что писал их отец о себе: «Ходил в школу, вступал в пионеры; с аппетитом ел обугленную на костре картошку, радовался синим штанам из хлопчатки, купленным матерью, и ботинкам на резиновой подошве с крашеным парусиновым верхом, выданным школой. А еще запомнились мне из детства походы с ночевкой на Сарай-гору, поездки на санках зимой в лес за дровами, прочитанные книги о путешественниках. Скромные мои радости, скажешь? Может быть, и так. Да на большее мы в то трудное время и не могли рассчитывать».

И еще один отрывок – из «Письма моей учительнице» Антонине Васильевне Рыжевой, опубликованного все в той же «Кабардино-Балкарской правде». Учительнице, сыгравшей в судьбе моего отца, в судьбах многих-многих ее учеников особую роль – роль доброго и заботливого наставника, родного и близкого человека: «Было это в далекие теперь уже, тревожные и радостные предвоен-

ные годы. Мы учились в новой, недавно отстроенной средней школе № 3, носившей имя Максима Горького. Вы вошли в наш класс, еще не совсем уgomонившийся после перемены, и просто представились. Но уже на этом первом уроке почувствовали мы высокую культуру нового педагога, большую начитанность и эрудированность. И еще: на всех нас произвели впечатление ваша молодость, обаятельность, красота. (О, мы, восьмикласники, уже умели отличить в женщине это качество!)

Новая учительница не ограничивалась одними только уроками. Она организовала литературный кружок, давала ребятам возможность самим попробовать свои силы в прозе и поэзии. И ребята пробовали. Лучшее из того, что вышло тогда из-под нашего пера, вошло в рукописный сборник и даже увидело свет на страницах молодежной газеты». Вот откуда любовь отца к слову, к газете. Далеким сороковым датируется его первая публикация. Но продолжим: «А помните, Антонина Васильевна, новогодний бал 1941 года? Нарядную елку в большом школьном зале, полумрак, веселые игры, новогоднюю «почту», доставлявшую робкие объяснения в любви той, с которой днем сидел за одной партой? Сколько выдумки и энергии вложили вы в организацию этого вечера.

Все было. Было и страшное 22 июня 1941 года. Не на открытие пионерского лагеря, как намечалось накануне, отправились вы, а в военкомат, чтобы вместе со своими учениками уйти на фронт.

—Учите детей грамоте,— посоветовали вам,— война быстро закончится.

О, как они ошиблись! С полными слез глазами провожали вы нас на фронт, знали, что видите некоторых в последний раз. Были среди нас рядовые и офицеры, были орденосцы и Герои Советского Союза, только не было ни одного предателя и труса. Значит, зерна любви к родной земле, посеянные вами, упали на благодатную почву».

Это было в конце 1941 года. Вот как писал об этом сам отец в очерке «Ты помнишь, товарищ?»: «В одно из декабрьских утр по расквашенным зимней оттепелью улицам Нальчика нестройно шагал под командой военкоматского начальника отряд новобранцев. Их было около ста человек. Был среди них и автор этих строк...

А вслед за ними, размазывая по лицу кончиками головных платков текущие слезы, шли матери, невесты, жены. Впрочем, последних было немного, потому что у большинства из шагавших едва успело обсохнуть на губах материнское молоко, и, не будь неожиданной

беды, долго грызли бы они в классных комнатах и аудиториях суровый гранит науки.

В те дни война не докатилась еще до тихого Нальчика, но она была где-то рядом, там, куда ушли отцы и старшие братья этих школьников, там, откуда прибывал в город за эшелонами эшелон с тяжелоранеными.

Кавказцы, они приняли свой первый бой, отстаивая родные горы. Много месяцев длилось упорное сражение за Новороссийск и Кубань. Цепляясь за последние плацдармы на Кавказе, враг озлобленно сопротивлялся. Выкурить из бетонных казематов могла его только тяжелая артиллерия. Немало неприятных минут доставили гитлеровцам артиллеристы 124-й гаубичной бригады большой мощности, в которой служили наши земляки. Массированными многодневными бомбежками с воздуха, непрерывным огнем дальнбойных пушек фашисты пытались заставить замолчать наши орудия, но в ответ получали новые и новые удары.

Нальчан можно было увидеть тогда на самых опасных участках фронта: в боевых порядках пехоты, на наблюдательных пунктах, корректировавшими огонь своих батарей. Полученные в школах и институте знания позволили солдатам в совершенстве овладеть сложными военными специальностями: артиллерийских разведчиков, топографов-вычислителей, радистов, связистов. Часто благодарили их за храбрость и мужество командиры. Многие наши земляки уже в то время заслужили высокие правительственные награды. Артиллерийская же часть за умелые операции по разгрому врага и овладение городом Новороссийском была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Большой и славный путь прошла 124-я артбригада. Она громила крепостные укрепления, доты и дзоты фашистов под Бобруйском и Ковелем, на Висле и в Варшаве, на Одере и в Берлине. Не раз в приказах Верховного Главнокомандующего выносились ей благодарности. За бои в Праге часть получила наименование «Пражской». И хотя к концу войны официальное название ее оказалось несколько трудноватым для запоминания – «124-я Пражская Краснознаменная орденов Ленина, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого отдельная гаубичная артиллерийская бригада большой мощности резерва Главного командования», солдаты ее гордились этим именем. Ведь каждое слово в нем, каждый орден на боевом знамени – это признание Родиной заслуг всех ее бойцов и командиров». И, конечно же, моего отца, ни на день не расставшегося с бригадой, прошедшего Северо-Кавказский, 3-й Украинский, 1-й Белорусский

фронта, бравшего Прагу и Берлин, стрелявшего из своей 203 миллиметровой гаубицы прямой наводкой по Берлину; два с половиной года бывшего командиром отделения. Ушедшего на войну в декабре 41-го и вернувшегося из армии в ноябре 1945-го. Вернувшегося в родной Нальчик с многочисленными медалями, среди которых «За отвагу», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», и орденом Красной Звезды.

В армии, уже после войны, в октябре отца приняли в ряды КПСС. Вероятно, некому было сообщить о его кулацком прошлом. Но партийная карьера, несмотря на то, что отец получил высшее партийное образование – в 1949 – 1951 годах учился в Саратовской областной партийной школе, которую закончил с отличием, а в 1952 – 1954 годах заочно обучался в ВППШ при ЦК КПСС – так и не состоялась. Отца направили в редакцию вновь организованной республиканской газеты «Советская молодежь» – заместителем редактора выпуска, выходящего на русском языке. С этого времени и началась его журналистская судьба. Вместились в нее немного – любимая молодежка, не менее любимая «Кабардино-Балкарская правда», несколько лет на местном телевидении и вновь главная республиканская газета. С нее ушел на пенсию. Но дома усидеть так и не смог. Работал ответственным секретарем в чегемской газете «Красное знамя» практически до своих последних дней.

Вот строки из некролога «Памяти коллеги», опубликованном в газете «Кабардино-Балкарская правда» 12 мая 1997 года: «Умер Николай Васильевич Котляров. Горько от мысли, что одним умным и добрым человеком стало меньше в этом мире.

Как больно было узнать, что не стало нашего коллеги сразу после Дня Победы. Для него, прошедшего Великую Отечественную от Кавказских гор до Эльбы, это был самый радостный праздник. Впрочем, сам он не очень-то любил вспоминать о войне, и только когда в прессе появились многочисленные публикации о боях на Малой земле, мы, его коллеги, узнали, что среди ее защитников был и Николай Васильевич, что награжден он орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

Он пришел в «Кабардино-Балкарскую правду» после демобилизации в ноябре 1945 года. Работал сначала выпускающим, а потом корреспондентом, заведующим отделом. Он всегда оставался верным военно-патриотической тематике. И это было вполне естественно. Считал, судьба уберегла его, чтобы поведать живым о подвиге павших. Лишь небольшая часть написанных Николаем Васильевичем очерков вошла в сборник «Испытание огнем». И умел он,

рассказывая об участниках войны, находить такие слова, что на глаза невольно наворачивались слезы.

Был он человеком открытым, доброжелательным, неимоверно трудоспособным, дорожил мужской дружбой, готов был отдать ради товарищей последний рубль. А похвастать любил лишь крепким здоровьем. Гордился, что сын тоже выбрал журналистскую профессию, а внук носит его имя. Мечтал издать еще одну книгу.

Однако не уберегла-таки его судьба от жизненных потрясений. Потеряв чуть больше месяца назад супругу, ушел и сам, не дожив несколько дней до своего 75-летия. Но Николай Васильевич оставил добрую память у родных и близких, друзей, коллег, читателей газеты, тех, о ком успел написать».

А этот очерк журналистка Римма Кроник, проработавшая несколько десятилетий в одном коллективе с отцом, опубликовала в газете «Кабардино-Балкарская правда» 21 мая 1997 года...

«Нынешней весной сад был несказанно красив. Словно невесты, стояли в своем бело-розовом наряде разросшиеся яблони, буйно зеленели кусты малины и смородины. Но хозяина не дождались. Так уж случилось, что прежде город дважды наступал на выделявшиеся Николаю Васильевичу участки. Но он с упорством брал новые. Этот на горном склоне за Долинском растил с особой любовью. Он скрашивал одиночество, которое неминуемо возникает после ухода на пенсию. А может, где-то в глубине души чувствовал, что это зеленое чудо последнее, что может он оставить внукам, которых обо-жал.

Создавалось впечатление, что на природу тянуло желание выплеснуть избыток физической силы, которой удивлял нас не раз. Вовсе не атлетического сложения, он играючи ворочал мешки с картошкой в те времена, когда редакционный коллектив запасался ею на зиму. А однажды, помогая перевезти вещи на новую квартиру, на глазах изумленных товарищей взвалил на спину холодильник и одним махом поднял его на четвертый этаж.

Но вот сейчас, сопоставляя факты его жизни, вдруг подумала: а не крестьянская ли кровь так неудержимо звала его к земле? Ведь детство прошло в селе Воронцовка Воронежской области, где у них были и свой дом, и крепкое хозяйство. А мать одно время даже работала в саду у знаменитого Мичурина. Но в тридцатые годы, когда властвовало беззаконие, тройка приговорила отца к трем годам лишения свободы. Из лагеря он не вернулся, и лишь в 1993 году семье удалось получить документ о его полной реабилитации. И хотя утверждали у нас, что дети за родителей не отвечают, судьба отца ска-

залась и на судьбе Николая Васильевича Котлярова. Окончив в пятидесятые годы сначала с отличием Саратовскую двухгодичную партийную школу, а затем заочно и ВПШ, мечтал о дипломатии и написал реферат, который был признан блестящим. Увы, «пятно» в биографии стало преградой в престижный вуз».

Здесь необходимо кое-что уточнить, а для этого прервем журналистку. Документ о реабилитации отец, а вернее, его брат Иван Васильевич получил не в 1993 году, а значительно раньше – в 1962 году, во время хрущевской оттепели. Для дяди осуждение отца внесудебной тройкой было нестихающей раной, болью, которую, не затушевало время, тем более что его судьба тоже оказалась сломанной. В марте 1962 года он написал письмо в Воронежский областной суд с просьбой пересмотреть дело по обвинению его отца. Заявление направили прокурору области, о чем сообщили дяде 11 апреля 1962 года. 21 мая за № 1-19-161 из прокуратуры Воронежской области за подписью прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности юриста I класса Антюхина пришло очередное письмо, в котором сообщалось, что заявление о реабилитации Котлярова Василия Андреевича проверяется. 30 августа старший помощник облпрокурора по надзору за следствием в органах госбезопасности, советник юстиции Чепраков сообщил, что заявление рассмотрено и вместе с делом направлено в Президиум Воронежского областного суда для окончательного рассмотрения. А 14 сентября заместитель председателя облсуда Малютин подписал справку о реабилитации за № 112С, в которой говорилось: «Выдана в том, что постановление тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО от 15 августа 1930 года в отношении Котлярова Василия Андреевича, 1888 года рождения, до ареста работал в своем хозяйстве – постановлением президиума Воронежского областного суда от 6 сентября 1962 года отменено, и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения». Вот и вся реабилитация – ни за что, ни про что сгноили человека в лагерях, но сидел-то, получается, заслуженно, просто доказать вину не смогли. Впрочем, в то время и такая справка была победой. Не случайно она взята из личного дела моего дяди, всю свою сознательную жизнь проработавшего в органах МВД республики, правда, в бухгалтерии, но вышедшего на пенсию в звании полковника. Ушедшего из жизни в конце 1999 года под звуки автоматных очередей. Первая и последняя громкая благодарность от власти...

А откуда же в материале журналистки появился 1993 год? Дело в том, что 1 марта того года мои родственники, дети Василия Андрее-

вича – Анна, Николай, Иван – повторно обратились к прокурору Воронежской области с просьбой «поднять и изучить дело отца, вынести полную реабилитацию, так как никакого преступления он не совершал, а просто оказался в маховике репрессивной сталинской машины и был осужден за агитацию против колхозов. В момент, когда нашего отца арестовали,– писали они в обращении,– нам было 18, 8 и 6 лет соответственно, все мы до сих пор живы и хочется хоть на старости лет узнать, что справедливость восторжествовала, что отец не был врагом народа, а занимался обычной индивидуальной трудовой деятельностью и пострадал не потому, что был преступником, а потому, что много и добросовестно работал». И вот ответ председателя Воронежского областного суда, подписавшего справку о реабилитации: «Выдана в том, что постановление тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО по внесудебному рассмотрению дел от 15 августа 1930 года в отношении Котлярова Василия Андреевича, 1888 года рождения, до ареста работавшего в своем хозяйстве, осужденного по ст. 58 п.10 ч.1 УК РСФСР и по ст. 58 п.4 УК РСФСР (по политическим мотивам) к 3 годам лишения свободы, срок наказания исчисляется с 11 февраля 1930 года, постановлением президиума Воронежского областного суда от 6 сентября 1962 года отменено, дело производством прекращено. По данному делу считать реабилитированным Котлярова В. Н.». Все: власть извинилась. Только где вот твоя могила, дед мой... Узнаю ли когда, поклонюсь ли родному праху...

Снова строчки из очерка Риммы Кроник: «Эта невозможность реализовать себя в выбранной профессии всегда угнетала. Но как знать, состоялась бы его дипломатическая карьера или нет. А вот творческая удалась вполне. Хотя никогда специально этой профессии не учился, стал одним из ведущих журналистов республики. Талант у него, как говорится, был от Бога. 22 мая ему бы исполнилось семьдесят пять. Мы, его товарищи, собирались сделать ему сюрприз на страницах газеты, которой он отдал многие годы. Но не успели, он ушел из жизни на следующее утро после Дня Победы. Теперь упрекаю себя, что в суете сует не навестила еще раз. О многом хотелось расспросить, о многом узнать. И тогда бы рассказ о нем был куда полнее и весомее.

По газетным публикациям и внешне знала я Николая Васильевича, можно сказать, с детства, мы жили на одной улице. И, глядя на всегда серьезного, уверенного в себе журналиста, даже не предполагала, что станем коллегами, и я открою в нем совершенно другого человека: мягкого, а в чем-то даже и бесшабашного. Один из его

самых близких друзей, наш фотокор Михаил Суанов, которого тоже уже нет, нередко вспоминал, как в трудные послевоенные годы, когда он голодал и не мог найти работу, Коля помог устроиться в редакцию, куда сам пришел в ноябре 45-го. Дружеские отношения сохранились между ними навсегда, хотя и любили подшутить друг над другом.

А познакомились они за шахматной доской. Переиграть Николая Васильевича стремились у нас, кстати, в редакции многие, но мало кому удавалось. Правда, к таким баталиям мы не относились всерьез, считая блицтурниры в секретариате лишь разрядкой от основной работы. И только недавно, готовя одну из публикаций о шахматистах, с удивлением узнала, что Николай Васильевич в 1949 году был чемпионом республики. И относился к игре не как к увлечению. Не раз участвовал в соревнованиях и выходил в финал. И только недостаток времени не позволил заняться шахматами основательно».

Дадим теперь слово еще одному журналисту – Хадису Мечиеву, писавшему в газете «Кабардино-Балкарская правда» 7 августа 1999 года: «Мы, журналисты, – неплохие шахматисты...» Николай Васильевич произносил это с гордостью. Газета, как утверждает один философ, это секундная стрелка в истории. Таким вот историком, репортером и летописцем, наверное, ощущал себя и Н. Котляров, который всю свою сознательную жизнь проработал в газете «Кабардино-Балкарская правда».

Вообще Н. Котляров был быстр, легок, решал и делал все как бы играючи. А из игр больше всего любил шахматы. И когда мы засиживались в редакции в ожидании подписных полос, он непременно приглашал нас в свой кабинет, расставлял шахматы и с азартом разыгрывал партии и, как правило, побеждал.

Шахматный потенциал его был достаточно велик, но так и не раскрылся до конца. А будь он более честолобив... О том, что было бы в этом случае, мы теперь можем строить только догадки.

В послевоенные годы Н. Котляров имел репутацию одного из сильнейших шахматистов республики. С каждым годом авторитет молодого журналиста в шахматных кругах рос, а когда он завоевывал звание чемпиона республики, ему представилась возможность выступить во всесоюзном турнире, который проводился в Москве. Николай Васильевич от поездки отказался. Считал неудобным просить отпуск. И в дальнейшем работа всегда будет у него на первом плане, и это обстоятельство во многом скажется на его шахматной карьере. Но, быть может, он и не думал о ней, слишком скромно оценивая свои возможности? Что ж, если дело обстояло именно так, то он ошибался.

Вот что рассказывает о Н. Котлярове трехкратный чемпион республики Борис Дюмин:

– Что касается силы игры Николая и его теоретических позиций, то здесь смело можно сказать, что в шахматах он многое знал и многое умел. Стил ь игры был строгий, авантю р избегал, позиционное понимание высокое. Преклонялся перед шахматным гением Капабланки и Алехина. Играл на уровне мастера. Прекрасный был человек. Конечно, с симпатией относился к тем, кто любил шахматы. Всегда готов был обсудить какую-то позицию, принять участие в анализе.

Одним словом, Н. Котляров был сильным игроком, хотя в сыгранных им партиях и не наблюдается законченного мастерства, но в этом, может, виноваты его противники, предупредительно избавляющие его от труда искать сложных выигрышей. И все же ситуация, которая произошла в партии Н. Котлярова с О. Левицким в 1949 году, говорит об обратном. Судите сами». Далее приводится партия, сыгранная отцом. Как считают специалисты, очень даже интересная.

...Вернемся к очерку: «Главным оставалась журналистика. Это окончательно понял, когда подписал первый номер «молодежки». Вот что рассказывает о том периоде старейший журналист республики Жилиаби Кумехов:

– Впервые я с ним встретился – даже дату помню – 5 июля 1953 года. В тот самый памятный день меня приняли на работу в редакцию газеты «Советская молодежь», ставшую преемником довоенного «Молодого сталинца». Главного редактора еще не подыскали, и газетой руководили заместители – Николай Васильевич Котляров и Хазрет Шумаевич Хожаев: один в русском варианте, другой – в кабардинском (газета дублировалась). Меня представили им. Вернее – они сами представились. Коллектив был совсем молодой – и по возрасту сотрудников, и по времени существования, кроме меня в нем оказались и другие новички. Поэтому «шефы» решили собрать нас и поговорить. По первому впечатлению Николая Васильевича я оценил как сурового человека. Но не чуждого общительности и доброты. По тому, как он дает задания корреспондентам, как вычитывает материалы и правит их в присутствии авторов, как он несколько запальчиво, но все же доброжелательно указывает на ошибки, я сделал заключение, что бояться его не надо. Его надо уважать, у него надо учиться. Впоследствии понял, что не ошибся в нем. Он оставался всегда самим собой, был абсолютно лишен показухи, лицемерия, тщеславия. Да и не старался себя вести как ру-

ководитель в традиционном (тогда) представлении. Был старшим среди равных, но не более – ибо напрочь был лишен чиновничьих манер. Мог смеяться, пошутить, поспорить, даже повздорить с подчиненными, но как с равными.

В редком номере не появлялись очерки, фельетоны, статьи, подписанные Николаем Котляровым. Но его «звездным часом» стали репортажи с Московского фестиваля молодежи, которые он ежедневно передавал по телефону из столицы. И сейчас они читаются с интересом, тонко передают волнующую атмосферу этого события.

И, перейдя на телевидение, работал с такой же самоотдачей. Неделями пропадал на съемках своих фильмов. Времени для семьи почти не оставалось. И основные заботы о доме, детях брала на себя жена Мария Васильевна, с которой прожито сорок восемь лет.

Мы работали вместе с Николаем Васильевичем с середины шестидесятых, когда он вернулся в «Кабардино-Балкарскую правду». С утра, бывало, появлялся в редакционном коридоре с пачкой свежих газет. Его информированности, энциклопедичности знаний оставалось только позавидовать. Ну а кроссворды любой сложности щелкал как орехи, заразив этим и остальных. Но, конечно, учились у него прежде всего профессионализму. Не раз брал меня в командировки, поражая тем, как кропотливо собирал факты. Привозил полный блокнот, а использовал едва на треть. Почти каждый его очерк был для газеты событием. Не сразу привыкли мы к его необычной манере: заявив на планерке материал, который был, как говорится, еще в чернильнице, утром приносил в редакцию. Писал по ночам сразу, одним махом. Тогда мне это казалось непостижимым, лишь постепенно понимая: он сживался с героем будущего очерка настолько, что оставалось лишь изложить то, что уже складывалось в уме в готовые фразы.

А писал в основном о событиях военных лет. Тема эта была неисчерпаема, и не случайно многие публикации печатал под рубрикой: «Неизвестные страницы войны». Он раскрывал их для читателей, а сам прошел фронтовыми дорогами от Кавказа до Берлина, имел более двадцати наград. О себе не писал никогда. А чего стоили только бои за Новороссийск, где его фронтовая бригада потеряла двести человек. Так что в каждом таком газетном материале ощущалось выстраданное им самим.

Принято считать, что газета живет один день. Это так и не так, чему подтверждение – собранные в небольшой сборник очерки Николая Котлярова. Многих из тех, о ком в них рассказано, уже нет, и тем необходимей о них память. А так хотелось ему, чтобы увидели свет и остальные произведения. Он тщательно работал над ними,

готовя к изданию. Листая страницы с поправками, сделанными красивым котляровским почерком, ловлю себя на мысли, что вижу его рукописные строки в последний раз.

Не суждено было увидеть ему новую книгу. И не могу не согласиться с Жиялиби Кумеховым в том, что он был куда выше по мастерству, чем многие его коллеги, которые годами «мозолили» глаза в коридорах книжных издательств. Унеся с собой много неизданных умных книг, и без них сделал себе доброе, светлое имя».

Что осталось за кадром? Как раз работа на телевидении сценаристом. Несколько штрихов к ней можно почерпнуть из материала отца, который называется «Оператор Евгений Мониин». Материал о его друге, большом мастере фотографии, моем крестном отце, которого давно уже нет среди нас: «Я хорошо знал этого высокого, слегка располневшего человека, всегда скромного и по-детски застенчивого. Первый его трехчастевой фильм «Нартух» был сделан по моему сценарию. Правды ради надо признать, что отснятый Мониным и смонтированный режиссером Магомедом Аттаевым материал имел довольно малое сходство со сценарием и моя роль фактически свелась к написанию дикторского текста... Но это уже, как говорится, вина сценариста. Операторская работа, по мнению, знатоков, была в этом фильме почти безупречна». И ведь отец на самом деле считал, что его работа незначительна на фоне того, что делали его товарищи. Но сценаристом он был отменным – не случайно все его фильмы увидели всесоюзный экран, а название одного из них – «Люди из облачной долины» – стало синонимом трудовой доблести. Снимался фильм в Верхней Балкарии, в одном из его эпизодов камера остановила свой взгляд на мальчишке, которому тогда, в 1962 году, исполнилось десять лет. Думал ли тогда отец, что он прививает мне азы журналистского мастерства...

Готовя этот материал, я пошел в архивы. К сожалению, сведений об отце они не содержат. Вернее, неизвестных мне сведений. В 1985 году сам отец обратился, уже не знаю, по какой причине, в архив обкома КПСС, откуда за № 366 получил справку. Прочитую ее: «По документам партийного архива установлено, что Котляров Николай Васильевич, член КПСС с 1945 года, 15 июля 1953 года был утвержден заместителем редактора молодежной газеты «Советская молодежь» Кабардинской АССР. 10 ноября 1958 года переведен на должность заведующего отделом пропаганды и агитации редакции газеты «Советская молодежь» согласно поданного заявления и освобожден от обязанностей заместителя редактора. 15 августа 1960 года освобожден от должности заведующего отделом пропа-

ганды редакции газеты «Советская молодежь» в связи с переходом на работу в редакцию газеты «Кабардино-Балкарская правда». Другими сведениями партийный архив не располагает».

Какими сведениями о моих родственниках располагают архивы страны, неизвестно, но то, что такие сведения есть, несомненно. Буду искать.

Вот пока и все, что хотелось мне рассказать об отце газетной строкой. Добавлю только, что от брака отца с моей матерью Николаевой Марией Васильевной (родившейся в селе Михайловка Волгоградской области 21.06.1924 и трагически погибшей в Нальчике 01.04.1997) в 1952 году родился я, а в 1958 году – моя сестра Елена. Продолжателем рода является мой сын Николай (1979), фамилию Котляровых носит дочь Анна (1986) и моя жена и сподвижница в деле, которому служу, Мария.

СВОЙ ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ

Вначале небольшая выдержка из газеты-журнала «Полиграфбизнес» (1999. № 12): «За номером ИД 00003 Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций выдана лицензия на издательскую деятельность ООО «Полиграфсервис и Т», приступившему к работе в столице Кабардино-Балкарии городе Нальчике». «Ну и что с того, – скажете вы, – регистрационный номер среди первых, да издательство в стране тысячи!» Все верно, но сообщить читателю именно о «Полиграфсервисе» мы решили по нескольким причинам. Во-первых, потому, что новое издательство, располагая так называемой малой полиграфической базой, выпускает книги в срок до месяца. Во-вторых, профессиональных издательств в республиках Северного Кавказа раз-два – и обчелся, в той же Кабардино-Балкарии всего одно, а в составе «Полиграфсервиса» все профессионалы. В-третьих, предприятие планирует занять нишу, которая по разным причинам в республике оказалась не заполнена: издавать монографии, сборники исследовательских работ ученых Кабардино-Балкарии. Причем издавать по ценам куда более низким, чем сложившиеся. Опыт подобной работы у издательства есть – увидела свет монография «Проблемы кабардино-черкесской грамматики».

После этой публикации во всероссийском издании не прошло и года, и вслед за монографией А. Х. Шарданова, явившейся итогом многолетних раздумий автора над различными проблемами грамматики адыгского языка кабардинцев и черкесов, охватившей все основные грамматические идеи структуры кабардино-черкесского языка и ставшей основой для успешно защищенной им докторской

диссертации, издано более двадцати книг, большинство из которых работы, привлёкшие внимание научной общественности.

В частности, исследование М. Х. Таовой и Е. Х. Таовой «Системная красная волчанка, системная склеродермия, ревматоидный артрит», в котором сделана попытка интегрировать процессы дезорганизации соединительной ткани и нарушенного иммуногенеза при данных заболеваниях, представлены современные подходы к назначению иммуносупрессивных препаратов при лечении.

Монография Г. А. Яковлевой «Русские терские говоры Северного Кавказа», в которой рассматривается все многообразие их проблем, дается системное описание в исторической перспективе развития, сопоставления с литературной нормой. Работа представляет собой опыт синхронного описания диалектного языка в его современной структурно-территориальной дифференциации и написана на основе полевого материала, который собирался автором почти 50 лет во время диалектологических экспедиций в КБР, Северной Осетии, Ставропольском крае и бывшей Чечено-Ингушской Республике; это вклад автора в изучение русских говоров, развивающихся в особых, иногда уникальных условиях иноязычного окружения.

Пособие Р. Т. Жиругова «Аренда: опыт, практика, законодательная база», в котором раскрывается понятие аренды, приводятся формы договоров, разработанных и применяемых в сельскохозяйственном предприятии «Анзорей» Кабардино-Балкарской Республики, публикуются материалы по законодательной базе этой одной из наиболее эффективных форм хозяйствования.

Книга научных статей З. Х. Баковой и Х. Т. Тимижева «Литература черкесского зарубежья», глубоко и всесторонне анализирующая творчество адыгских писателей стран Ближнего Востока и Европы, снабженная солидным справочным аппаратом, приложениями, иллюстрациями. Книга вышла на кабардинском языке, но она, без сомнения, найдет после перевода и широкого русскоязычного читателя.

Монография М. Х. Балкизова, А. В. Габоева, А. Х. Дикинова, Х. Х. Сохрокова «Управление процессами институциональных преобразований экономики Кабардино-Балкарской Республики на этапе экономической стабилизации», в которой предлагаются конкретные рекомендации по преодолению кризисных явлений в функционировании государственной собственности, в процессах приватизации,

инвестирования в реформирование отраслей реального сектора экономики.

Большой интерес, о чем свидетельствуют публикации в республиканской прессе, вызвала и собственная продукция нового издательства. В частности, за рекордно короткий срок – 7 дней! – была написана, оформлена и издана книга «Жар и свежесть мгновения», посвященная автором-составителем Марией Котляровой 25-летию выпуска кабардинской студии Театрального училища им. Б.В. Шукина. В сборник помимо авторского предисловия вошли бережно собранные, выверенные и отредактированные выдержки из статей в центральной и местной прессе, справочный материал обо всех спектаклях театра за четверть века, именной указатель, богатый фотоиллюстративный материал о творческом пути бывших студийцев. Кстати сказать, часть тиража была выпущена в подарочном варианте, а двадцать три экземпляра именные: с впечатанными фамилиями юбиляров и пожеланиями им от издательства. Жар и свежесть мгновения, который, по мысли Поля Валери, может передать только театр, нашел в данном издании свое живое подтверждение.

Символично и образно название еще одной книги «Полиграфсервис и Т»: «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров». Именно так надо рассматривать исход с Северного Кавказа членов общины, основанной на исторической памяти. Книгу составили записи интервью старожилов горско-еврейской колонии города Нальчика, интервью, ставшие своеобразной летописью этого самобытного этноса на протяжении XX века, летописью смирения и единения, печали и верности.

За короткий срок издательство проделало без преувеличения огромную работу. Дело в том, что к редактору поступили черновые расшифровки интервью, воспроизведенных с видео- и аудиокассет, осуществленных Фондом визуальной истории «Шоах», руководителем которым американский кинорежиссер Стивен Спилберг. Требовалось не только привести их в соответствующий вид, провести кропотливую работу по сверке огромного информационного материала, но и сохранить при этом манеру и стиль авторов интервью.

И вот книга тиражом 1000 экземпляров перед нами. Более двухсот страниц убогистого текста вместили ряд предисловий – «Открытие сердца» Марии Котляровой, «...Объединены временем и историей» Светланы Даниловой, «Характерные черты народа» Александра Мусукаева и Йоханна Маттиса. В основной раздел «История в судьбах» вошли интервью четырнадцати непосредственных уча-

стников описываемых событий, в раздел «Генеалогия горских евреев» – генеалогические древа не только семнадцати представителей общины, но и списки горско-еврейских фамилий, женских и мужских имен всего Северного Кавказа. Для многих сотен людей это своего рода путеводитель к их корням, живая память о предках. Книга снабжена блоком архивных документов, воспроизводящих сухим языком протоколов судьбу жертв Холокоста, имеется резюме на английском языке, в том числе основных предисловий.

Народов на Земле столько, сколько требует гармония миров – говорится в предисловии издательства – и не нам разрушать ее.

Созвучна означенной тематике и книга «Черкесы в Израиле», рассказывающая об уникальной черкесской общине, проживающей на Земле обетованной, общине, сохранившей свое культурное наследие, избежавшей ассимиляции, выработавшей модель отношений между диаспорой и Родиной. Ученые, писатели, журналисты, чьи материалы собраны в сборнике, дают читателю яркое свидетельство сопротивления человеческого духа превратностям судьбы, намерениям и интригам имперских политиков и истребительной мощи их армий. Выброшенные из родного кавказского гнезда, осколки адыгских племен не только выстояли, выжили, но и шагнули вместе с Израилем на более высокую ступень развития мировой цивилизации.

Человечность – вот главное среди людей. Без нее можно существовать, но прожить достойно едва ли возможно – вот лейтмотив книги «Экзамен на человечность». Составившие ее воспоминания «Подвластное время» заслуженного врача КБР Грануш Галустовны Акопян и очерк «Тревоги Армении» журналистки Марии Котляровой – это не только живое, непосредственное повествование о жизненном пути армянского врача, связавшей свою судьбу с Кабардино-Балкарией, но и эмоциональный рассказ о тех жителях нашей республики, кто, откликнувшись на боль Армении в трагические дни спитакского землетрясения, проявил истинное милосердие и человечность. Герои книги уяснили для себя главное: добро должно побеждать; островки сострадания создают живущие рядом с нами и среди нас. В этом сила человечества и его гордость. Иного не дано. С этой мыслью закрываешь эту небольшую, но на редкость добрую книжку – об обычной судьбе, обычных людях, честно и добросовестно выполняющих свой профессиональный и человеческий долг.

К 100-летию классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова в издательстве выйдет книга «Ты создал мир. И он велик». Это своего рода энциклопедия жизни и творчества поэта – разделы, вошедшие в нее, освещают его биографию практически всесторонне. Через воспоминания современников – известных писателей, поэтов, партийных деятелей, друзей и товарищей, через архивные материалы, многие из которых ранее не публиковались, опросы тех, кто находился рядом с поэтом в его последние дни – дни пребывания в Бобруйском концлагере, прослеживается жизненная канва. Вплотную к данному разделу примыкают два других, повествующих о матери и отце поэта, его родственниках, детях.

Всего в сборнике более десяти разделов, каждый из которых раскрывает какие-то грани творчества А. А. Шогенцукова: «Язык Али», «Песня Али», «Слово Али», «Мир Али», «Свет Али», «Факел Али», «Наследие Али» – в них приводятся многочисленные высказывания о творческой манере поэта критиков, литераторов, собрана поэтическая антология произведений, посвященных классику, дается полная библиография его произведений и материалов о нем, опубликованных за последние пять десятилетий.

Жизнь Али Шогенцукова продолжается, и об этом убедительно свидетельствуют страницы сборника, рассказывающие о музее поэта, проспекте, вершине, библиотеке его имени, театральных постановках по его произведениям, обращении к нему скульпторов, художников.

Особого внимания заслуживает раздел «Новое прочтение Али», в котором публикуются переводы широко известных стихотворений, осуществленные поэтом Георгием Яропольским. Без сомнения, взгляд через десятилетия привнес в эти стихи дыхание времени, пульс нашего уходящего века. Бережное отношение к оригиналу, характерное для творческой манеры переводчика, открыло нам нового Али – Шогенцукова-современника, Шогенцукова-лирика, чье творчество созвучно вековым устремлениям людей.

Ко всему этому надо добавить, что книга богато иллюстрирована, ее отличает оригинальное внутреннее оформление, бережный, поистине любовный подход к подбору многочисленных материалов, собранных в библиотеках, архивах.

Рассказ о направленности «Полиграфсервис и Т» будет неполным, если не сказать еще о ряде книг – в частности, сборниках стихов «Мой мир гор» Владимира Голубчикова, «Свирель» Руслана

Козырева, «Лирическая проза» Георгия Багашвили, «Жемчуг» Александры Жаровой, вышедших в карманном варианте.

И еще что хотелось отметить. Издательство стремится к тому, чтобы все его работы отвечали самым высоким требованиям – соответствовали техническим книжным гостам, нормам правописания. Поэтому с каждой поступившей рукописью проводится большая редакторская работа, книги снабжаются знаками библиотечной идентификации, международным штрих-кодом, информация о каждой из них размещается на интернетовском сайте издательства (www.elbrus.nalnet.ru), становясь тем самым доступной международному читателю. Добавим к этому, что в силах издательства выпустить книгу на европейском уровне в прямом смысле за два-три дня, чему примеров уже достаточно.

Виктор Котляров,
главный редактор издательства «Полиграфсервис и Т»

Информационную поддержку коллоквиума осуществляет
издательство ООО «Полиграфсервис и Т»

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19,
Телефоны: (86622) 5-52-67, 9-39-20, факс: (86622) 9-33-25
Internet: <http://www.elbrus.nalnet.ru>, e-mail: elbrus@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Участникам II Международного генеалогического коллоквиума.....	3
Обращение к истокам. <i>Х. Сохроков</i>	5
<i>Котляров В. Н.</i> Прозрение через родовое знание	7

ПОСТИГАЯ ДУХ ВРЕМЕНИ

<i>Мусукаев А. И.</i> Исторические корни и значимость генеалогической памяти.....	20
<i>Намитокова Р. Ю., Нефляшева Н. А., Нефляшева И. А.</i> От истории рода – к истории народа.....	22
<i>Смирнов М. И.</i> Компьютерные исследования родственных связей с кавказскими титулованными родами	25
<i>Пшемурзов В. Х.</i> Генеалогия, историческая память, ментальность	28
<i>Мальбахов К. А.</i> Кавказская генеалогия в зарубежной литературе.....	30

САМОБЫТНОСТЬ, УХОДЯЩАЯ В ВЕКА

<i>Абрамян Р. М.</i> Материалы по генеалогии армянской колонии Москвы.....	33
<i>Пирумян Ю. Л.</i> Карабахский род Пирумянов	35
<i>Мелик-Шахназаров А. А., Абрамян Р. М.</i> Карабахский род Мелик- Шахназарянов	38
<i>Исмаилов Э. Э.</i> Ханы карабахские и князья Уцмиевы	41
<i>Гулордава Д. А.</i> Генеалогические легенды в гербах грузинских князей.....	42
<i>Кузьминов П. А.</i> Из истории родословной калмыцких князей Тюменевых	43
<i>Шишкин В. П.</i> Решающее звено в развитии таланта	46
<i>Абрамян А. А.</i> Люди многонациональной семьи	50
<i>Думин С. В.</i> Князья Туркестановы	55

ПРИЧАСТНЫЕ К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

<i>Максидов А. А.</i> Касожский князь Редедя: реальности летописного сюжета	61
<i>Гребельский П. Х., Думин С. В., Лопухин В. О.</i> Род Лопухиных	69
<i>Пчелов Е. В.</i> Ясская бабушка Александра Невского.....	71
<i>Карданов Ч. Э.</i> По соображениям государственным	74
<i>Мальбахов Б. К.</i> Родственные связи кабардинских князей с Романовыми	76
<i>Наумов О. Н.</i> Князья Черкасские в XIX – начале XX века.....	81
<i>Дзамихов К. Ф.</i> Адыгская аристократия и традиция политического сотрудничества Москвы с нерусскими элитами.....	84
<i>Кидирнязов Д. С.</i> Юсуповы и Урусовы – русские князья ногайского происхождения.....	95

НИТЬ, ВЕДУЩАЯ В ПРОШЛОЕ

<i>Мамбетов Г. Х.</i> Этнокультурные связи кабардинцев и балкарцев с соседними народами в XVII–XX веках	99
<i>Митиров А. Г.</i> Калмыцко-кабардинские генеалогические связи	101
<i>Марзов И. Т.</i> Межэтнические браки северо-осетинских феодалов в системе этнокультурных отношений народов Кавказа в XVII – начале XX века	104
<i>Яхтанигов Х. Х.</i> Адыгские геральдические знаки: древние и современные	106
<i>Катанчиев С. Х.</i> О потомках половецкого ханского рода Котян на Руси, Северном Кавказе и Венгрии	110
<i>Барзбиев М. И.</i> Национально-смешанные браки в этнокультурных связях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVII–XIX веках	112
<i>Барзбиев М. И.</i> Кавказские фамилии балкаро-карачаевского происхождения	114
<i>Мусукаев А. И., Кузьминов П. А.</i> Карачаевские фамилии по материалам «Записок о горцах Баталпашинского уезда» Н. Петрусовича	115
<i>Маремшаова И. И.</i> Исмаил Мизиев на родовом древе	118
<i>Айшаев О. О.</i> К истории фамилии Айшаевых	120
<i>Биттирова Т. Ш.</i> Биттировы: документы и устные источники	122
<i>Коков Дж. Н.</i> О семантике и ареале кабардинской фамилии КгуэКгуэ	125
<i>Коков Дж. Н., Кокова Б. Дж.</i> Название металла и культуры его обработки в адыгской ономастике	127
<i>Федорова М. В.</i> Семейное и межэтническое в старой Восточной Европе	131
<i>Федорова М. В.</i> Адыгизмы в русской лексике	134
<i>Шукаева Ф. Х.</i> Шукаевы: связь поколений	137
<i>Хафиц М. М.</i> Черкесские роды, проживающие в Израиле	140
<i>Данилова С. А.</i> Горские евреи: поиск фамильного смысла	142
<i>Кушхов М. С.</i> Родовое объединение Кушховых	143
<i>Пшуков М. Х.</i> Род Пшуковых	144
<i>Мусукаев А. И.</i> Фамильные наименования позднего образования	146
<i>Котляров В. Н.</i> Секундная стрелка в истории	150
Свой путь к читателю. <i>Котляров В. Н.</i>	163

